

М. ВЕЛЛЕР

ОСТРОВ ДЛЯ БЕЛЫХ

18+

Михаил Иосифович Веллер
Остров для белых
Серия «Книги Михаила Веллера»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67184071
Остров для белых: АСТ; Москва; 2022
ISBN 978-5-17-146853-8

Аннотация

Новый роман Михаила Веллера – «метароман», как определил жанр автор, огромен по охвату тем и многообразен по литературным приемам. В нем сочетаются триллер и гиперреализм, антиутопия и философская пародия, жестокий юмор и пафос. Предстоящий со страниц завтрашний день дает решения всех главных сегодняшних проблем неожиданным и беспощадным образом. Книга восхитит одних, возмутит других, призовет к действию третьих.

Содержание

Книга I	6
Глава 1. Вначале	6
Глава 2. Гераклит	28
Глава 3. Демиург и его план	35
Глава 4. Память	39
Предисловие	42
Глава 5. Когда рухнул наш мир	46
Глава 6. За неправильное слово – уничтожить!	51
Глава 7. Голый мальчик	62
Глава 8. Лига стариков	68
Глава 9. Сандерс, Ребе и облом	71
Книга II	99
Глава 10. Допустим, это роман Остров для белых	99
Глава 1. Зубная боль инаугурации	99
Глава 2. Что он нес	102
Интермедия	104
Глава 3. Что услышало правое ухо	106
Глава типа следующая? Трактир «Адмирал Бенбоу»	109
Типа Главы следующей. Обращение к читателю, или СОС, или еще как-то – придумайте сами, вы ведь умные	113

Трещина	115
Подробности	117
Глава 11. О, как я хочу быть левым!	118
Глава 12. Гармония революции	121
Глава 13. Мама, папа ранен!	148
Глава 14. Убей гадов	155
Глава 15. Утопия по имени «анти-»	162
Книга III	170
Глава 16. Семья Баррет	170
Глава 17. Время правде и время вымыслу	203
Книга IV	214
Глава 18. Холодная война	214
Глава 19. Мой черт	246
Глава 20. Мертвая рука	252
Часть 1. Учебное кино	252
Конец ознакомительного фрагмента.	254

Михаил Веллер

Остров для белых

© М. Веллер, 202

© ООО «Издательство АСТ», 2022

Книга I

Глава 1. Вначале

Маяк

Когда-то я мечтал прожить зиму на маяке. Вернее даже, с осени до весны. В октябре, когда листва светится всеми цветами пожара, высадиться с лодки на маленьком и необитаемом острове. Остров порос лесом, а у обрывистого берега высится маяк. Рядом – домик, и сарай для дров и припасов. На верхнюю площадку маяка ведет узкая винтовая лестница. По ней нужно подниматься дважды в день: вечером зажигать прожекторный фонарь, а утром гасить.

В доме есть радио, а сумку книг я привезу с собой. В сером утреннем свете надо наколоть дров и растопить печь. Потом вскипятить кофейник, почитать, и сесть за стол у светлеющего окошка, предвкушая писать – черными чернилами на белом листе; с того места, где вчера остановился. Закурить, переждать легкое головокружение от первой утренней затяжки и прислушаться к расходящемуся внутри холодку: уловить камертон, когда ощущение полноты жизни и единства

со всем миром оформляется в мысли, и мысли эти пробуют точные слова, чтобы выразить себя.

Потом можно бродить по снегу среди деревьев, варить суп, в сумерки заводить в сарае бензиновый движок для электричества, читать, и долго сидеть со стаканом виски в руке, слышать из приемника далекие голоса материков, их большой жизни и суеты.

И никого не видеть. Интернета здесь не бывало. Сотовая связь не берется. Полный покой. Сегодня, завтра и через месяц. Мир и покой. Отдых и сосредоточенность на собственных мыслях, чувствах, воспоминаниях. Уж очень мне надоели люди, большие города, суета и бесконечное общение живьем и в сетях, выматывающее и ненужное.

Вот как красиво и, я бы сказал, художественно, литературно и живописно я воображал свою мечту. Да. А потом дни станут длиннее, солнце выше поднимется над свинцовым морским горизонтом, тяжелая хмарь небес промоется лазурью, стает снег в лесочке, лопнут почки на черных ветвях, и к исходу весны прибежит за мной катер по веселой воде. И я спущусь с берега, просветленный и помудревший, а в сумке будет лежать мой великий и гениальный роман, толстая пачка листов.

...Бойся своей мечты, бойся своей молитвы – она сбудется, но не так, как ты ожидал.

Я живу в лесной хижине. Катер никогда не придет. И не дай бог. Я надеюсь, что доживу свои дни в спасительном оди-

ночестве. Я даже не скажу, где моя избушка, ни штата не скажу, ни страны. До реки четверть мили, и каждый раз я стараюсь идти к ней другим путем и выходить в новом месте, чтобы не протоптать тропинку.

И роман этот написал не я. Жизнь написала. Разные люди с разными историями. Я долго, всю жизнь собирал материал. Разные обрывки, записки, свидетельства. Чьи-то фантазии, летопись чужих грехов.

Я льщу себе сравнением с Робинзоном Крузо, спасшим скудные остатки кораблекрушения, чтобы воссоздать из них фрагмент цивилизации на одном отдельно взятом и необитаемом острове.

Дорога

Вечером у костра ужинали бродяги и травили истории перед сном:

– И каждый раз он рассказывал мне свою историю по-другому. Хоть чуть-чуть, да по-другому. Один раз он пробирался на север по лесам через Айдахо, в другой – в Миннесоте дошел до Ред-ривер и сплавился на найденной лодке до Виннипега. То он снял сумку с письмами с мертвого почтальона на крыльце, то забрал неизвестно зачем мешок писем из пустой почты. Бумажных писем, понял. Сразу и не врубишься. Я еще спрашиваю: «Кто это, интересно, на бумаге столько писал и кому отправлял, вместо эсэмэсок-то или чтоб позво-

нить?» Почта-то раньше ходить перестала, чем связь вырубилась? А он задумался так и отвечает, что у него в надежном месте рюкзак книг припрятан, почти совсем целых, он их в сгоревшем магазине набрал, только тащить тяжело, но когда-нибудь он за ними обязательно вернется. А у самого одеяла нет. Вот такой у него глюк был.

Компания перекинулась репликами в том духе, что ничего странного, прибабахнутых сейчас много.

– Мы с одним таким, он раньше объявления или типа того печатал, на ферме брошенной как-то ночевать собрались. Окна выбиты, еды вообще ни крошки. Но старый такой, битый, «форд» F-сто пятидесятый под навесом остался. На ходу, и бензина полбака. Они все на другой машине уехали, наверно. В общем, миль на сто точно хватит, а там по пути посмотрим. Я с собой одеяла кидаю и из одежды оставшейся кое-что. А этот – ну дурак! – с чердака охапки газет тащит. Я говорю: «Ты что, вообще дурак?» А он газеты свои обнимает и лепечет хрень всякую: документы эпохи, память, долг перед историей. Я, говорит, создам это... ну, толстая книга... эпопею. Короче, днем потом остановились, и я немного этих газет взял костерок разложить, вскипятить воды. И эта сука! – в машину прыг! – и по газам! Уж не знаю, докуда он доехал. Убили, я думаю. Встречу – сам убью.

Слово «убью» вызывает у вольных людей задумчивость. Да хоть кто об этом мечтает: каждому есть кого убить. Задумались о своем. С оружием здесь дружили. Костер догорал, и

черно-красные тени стягивали теснее купол света. Блондин с худым и резким лицом сделал знак. В костер подбросили. Пламя облизнуло ветки белыми языками и поднялось. Все завозились, устраиваясь поудобнее.

– Писатель, – не то велел, не то оповестил блондин, скупающий убийца.

Произошло движение взглядов, и в их фокусе обнаружился нахохлившийся человечек в музейном шерстяном реглане неопределимого цвета. Он опустил воротник, скрестил ноги по-монгольски и выпрямил спину. Если уж мы заговорили о лицах, то его одутловатое испитое личико имело жалкое и одновременно гордое выражение. Выражало оно равную готовность к овации и побоям. Народ приготовился слушать.

Шум

– Его звали Мелвин Баррет. И он хотел быть писателем. Он окончил Мастерскую писателей в Университете Айовы. Но там ничем не блистал. Кроме, разве что, терпения и упрямства.

– Он был здоровый?

– Нет. Но по морде дать мог!

– А что он написал?

– Он мечтал написать великий роман. Роман эпохи. Они там все очень гордились, что на этих курсах учились будущие гении: Пенн Уоррен, Флэннери О'Коннор и другие вся-

кие.

Возник краткий миг неловкости: они не знали, кого это он назвал, а он вспомнил, что знал, что они не знали, с чего бы.

– Сначала он преподавал в школе английский язык. Потом плюнул и пересел на трак. Гонял через все штаты, наживал геморрой на сиденье и выплачивал кредит. Потом нашел напарника работать две недели через две, примерно так, и в свободные две недели писал.

Никто не хотел брать писанину Мелвина, и в конце концов от стал строчить заметки для местной газетенки. Потом там кто-то умер, не то от бессмыслицы, не то от полового истощения, и его взяли в штат редакции. И только его начало тошнить от этой газетной фигни и объявлений о краже подержанных презервативов, как газетка лопнула. Тогда он сел на пособие, и это ему понравилось.

Рассказчик сделал жест, ему протянули косячок, и после двух затяжек он легко смастерил Мелвину Баррету отличную биографию. Женил его на красавице и дочери миллиардера, купил яхту и «ламборджини», и тут посадил миллиардера за шпионаж в пользу Китая, красавица-жена сбежала с чернокожим рэпером, кредиторы миллиардера наняли мексиканцев-киллеров и они стали охотиться за Мелвином, он скрывался в Маленькой Гаване в Майами, оттуда бежал в Кентукки и затерялся среди злых белых бедняков, ну, а потом грянула Катастрофа, и он, уже поседевший и полысевший, беззубый, в морщинах, но еще резкий и решительный, начал

спасаться и влился в потоки Исхода.

Тут он решил, а вернее, понял, что наконец-то все опишет, и это будет его великий роман. Брошенные дома, разграбленные магазины и бензоколонки, и перестрелку на складах, и забитые ржавеющими машинами шоссе, и как резали людей за канистру бензина.

Эх, ребята, раньше про это сняли бы кино... да какое кино! Эпохальный блокбастер. Да уже некому. И не на чем. Но вы сами все видели. И про Мелвина Баррета вам все будет понятно, как будто собственными глазами видели.

Все ведь мы знаем, как шарят в пустых квартирах, не завалялась ли за холодильником упаковка сыра, или хозяйская рубашка под кроватью, или зажигалка в щели дивана. Как пинаешь крысу, жрущую труп, а она жирная, ленивая и наглая. И если оружейный магазин вынесен до последнего патрона, последней кобуры и отвертки – обшарь все кусты кругом, загляни за заборы – где-нибудь обязательно валяется АР-15 с почти полным магазином.

Мелвин прибил к семейному отряду. Караван из десятка вооруженных мужиков с детьми и женами. Бензин они отбивали силой, их боялись – семейные ведь всегда дерутся насмерть.

– Все равно перебыют.

– Их и перебили в конце концов. Девчонок взяли с собой трахать и обменивать на нужное, а прочих бросили на дороге с пустыми баками, без воды и еды. Мелвин вовремя отстал

и свалил в туман, и дальше он пробирался уже один.

И вот однажды заходит он обшарить один дом. И видит там древнюю старушку. В качалке у окна сидит. Наполовину уже крысами объеденная. Вонь, конечно, мухи. В комнатах – ничего полезного. Уже заглядывали, прочистили насквозь. Вот только у двери – старинный такой кожаный сундучок. В двух ремнях с замками. Коричневый, с окованными углами и тиснением. Беспольный предмет и бессмысленный. Но симпатичный. Открывает – а там несколько книжек. Бумажных. Причем старинных. В твердых переплетах, с картинками.

– В общем, не повезло...

– А какие книжки-то?

– Сверху лежала, конечно, старинная Библия. Древняя, еще рукописная. С гравюрами Доре. А под ней был Атлас морских карт, причем с пометками мест, где хранились клады знаменитых пиратов: Моргана, Флинта и Черной Бороды. Еще там была биография Джорджа Вашингтона и размышления одного французского маркиза про американскую демократию. И там же – сказки «Тысяча и одна ночь» и стихи древнеримского императора-философа про искусство любви, секса и соблазнения.

– Сука, император, наверное, хорошо пожил! Вот уж на-трахался!

– Погоди-ка... Но ведь с картой кладов надо отправляться за кладами, раз уж так повезло. Если это правда, конечно. А, писатель?

– Как дети. Ну, и как ты туда отправишься? И откуда ты знаешь, кто контролирует территорию и кого ты встретишь по дороге? Да тебя пришибут сто раз по дороге. Соберешь дивизию, с топливом, с оружием? Объявишь там войну? Может, ты президент? И как ты без навигации, без GPS, найдешь указанное место? А хоть ты совершил все подвиги и вырыл эту кучу золота – ну, и что ты с ней будешь делать? Кто тебе отдаст за это золото еду, или бензин, или патроны? Да ты за него даже жареную крысу не купишь! Кладоискатель...

Всему свое время, ребята. Время закапывать клады, время выкапывать клады, и время плевать на клады.

Так что на клады он плюнул. А думал он следующее:

...Я мог бы подробно рассказать вам, что видел на длинной дороге. Как в книжном магазине в Ларами рылся в грудях ног и тетрадей на полу, и все-таки нашел бумажную карту США! Электроника-то вся сдохла. Как нашел на шестом этаже брошенной парковки синий «мицубиси-мираж» и старался его беречь – другой такой экономичной машины не найти, а ремонтировать негде.

В багажнике перевернутого на обочине «ниссана» я обнаружил синюю изоленту и, вспомнив кино про Вторую мировую войну, залепил фары синим, оставив только узкие щели: чтоб ночью было незаметно. На рассвете я искал укрытие и прятался в развалинах, или кустах, или за холмом, только бы с дороги не видно. Одному стремно даже менять рубашки

или консервы на бензин – зачем с тобой, одиночкой, меняться, если можно убить и взять все так, были бы патроны.

Жизнь стала заточена на поддержание себя. Безопасность, еда, тепло, движение. А кругом – калейдоскоп: разграбленные городки, сожженные бензоколонки, мертвые пустые магазины, и везде хлопают под ветром болтающиеся на одной петле двери. Что это за такой закон физики, что одна петля обязательно сорвана, а другая болтается – неведомо. От описания трупов и судов Линча я вас избавлю... Да какие суды Линча – пристреливают ведь походя, у кого патронов много, а из экономии – вздергивают на всем, что высоко торчит. Одного повесили на вывеске «швейцарские часы», и гоготали, что точно вовремя он успеет в рай.

Очень быстро стал трескаться и ломаться асфальт, трава полезла в щели шоссе. Привыкли к тому, что вечерняя темнота непроницаема и опасна, никаких фонарей и горящих окон, а от редких костров держись на всякий случай подальше. Привыкли к запаху пространства, из которого ушла жизнь.

Подобных картин вы столько видели и подобных рассказов столько слышали, что на фиг они никому не интересны, я вам скажу.

Политкорректность

Все унитазаы, да и полы в туалетах, углы квартир и лестни-

цы в подъездах были загажены так, что еще не вовсе утерявший брезгливость человек выбирал для отправления ответственной и жизненно необходимой потребности место подальше и почище, чтоб свежий ветерок сверху и желательно газон снизу. Таким образом, в узкой полоске тени под пальмой сидел в позе гиббона небритый мужчина в спущенных штанах. И в то время, как кишечник его облегался, с противоположного конца организма в орган, духовно противопоставляемый прямой кишке, то есть в мозг и через него в душу (вместилище которой точно не определено, но безусловно это самое возвышенное, что есть в организме, в противоположность отделяемым каловым массам) поступала следующая информация. В руке он держал клочок газеты, который читал, но интеллектуальные усилия осознать смысл читаемого отвлекались потугами физиологического процесса:

«Политкорректность – это компенсаторная система запретов разрушаемого социума, объективно пытающегося для самосохранения структурировать систему хоть каких-то императивов и табу взамен отмененных. Когда запреты сняты и господствует вседозволенность – исчезают системообразующие надличностные ценности в форме веры, идеи и идеологии – системообразующей становится негативная аутичная идея: запрещать внутри себя что угодно невинное и незначимое. Якобы это стало вдруг противоречить взглядам и интересам общества. Как татуировка у дикарей, как строжайшие предписания и запреты поведения в тюрьме – малейшее сло-

во, жест, выражение, поступок вдруг приобретают гипертрофированное, вредоносное, запретное значение и делает тебя грешником, виноватым, изгоем. Новая жестокая система запретов – бессмысленна, и оттого еще более жестока и категорична: не смей нарушать неких измышленных положений».

Несколько напряженное лицо мужчины расслабилось, взгляд смягчился, он поднес газетный обрывок к месту окончания процесса и использовал по назначению.

Кстати о поисках Мелвином Барретом материалов эпохи.

Молитва

Чем дольше ты живешь в одиночестве, тем яснее испытываешь два чувства – счастье и вину. Счастье – потому что жизнь была так огромна, и в ней было столько разного, столько радостей и тревог, столько мечтаний сбывшихся и не сбывшихся, благодарности и злости, преодолений и блаженства, и такие бесчисленные россыпи драгоценнейших живых мелочей, в сиянии их алмазных искр твоя прошедшая жизнь неисчерпаемо прекрасна! А вина – потому что так много не дал, не сделал тем, кого любил: ты несся вперед, тебя несли планы и страсти, жажда жизни и главных дел – и ты не успевал, не умел, не удаивал любить по-настоящему: войти в любимого, близкого человека, почувствовать жизнь его нервами, его душой, его чувствами и чаяниями, и дать ему то, что ему так нужно было: дать больше внимания, и тепла, и

согласия, и благодарности, и поддержки в тревогах. Ты любил, жизнь непоправима – поэтому ты виноват.

Вот о чем я думаю.

Для монастыря не нужны каменные стены – хватит и тех руин, отзвуков хора, что в твоей душе. Не жалейте флагов! Не нужна братия, не нужен настоятель, и свечи не нужны, и даже крест на крыше или над алтарем. Память возносит твой монастырь, она возжигает свечи, и даже могила совести – сама себе молитва, и любая жизнь, что уже минула – сама себе покаяние.

Если бы умел, я вылепил бюст Платона. И с ним беседовал. Правда, я и так с ним беседую. Рафаэлевская фреска меня всегда раздражала – базарная суэта какая-то, а не элита античной философии. Иногда он заходит ко мне и садится на ящик из-под кока-колы, иногда я к нему в Академию, и ученики замолкают, отодвигаются в тень колоннады и не мешают. Но это детали, это не важно...

Просто я хотел сказать, что живу в главном мире, первичном, определяющем – мире идей. Со стороны это может показаться жалким и диким, наверное, эдакой симуляцией безумия. Но на самом деле это прекрасно. Главное – мой мир неуязвим.

Утром я живу с идеей кофе и яичницы. Идея завтрака завершается сигаретой. Потом я одеваюсь... могу надеть свежую сорочку от Франтини и джинсы «бриони». Сажусь в кресло-качалку, пахнущую тисненой кожей... Ведь нас ин-

тересует не то, что вещи жутко качественные, а то, что они выражают идею качества, то есть успеха и удовольствия. Вот я имею дело напрямую с идеей комфорта и счастья, а не с суетной его атрибутикой.

Только надо набить чем-то брюхо, и чтоб в обители моей было тепло, и чтоб ничего не болело. Все остальное, что нужно для счастья – во мне самом. И во мне самом – боль и стыд прожитых лет, грехи и несбывшиеся мечты: благодарность и покаяние, безмерная, невыразимая благодарность за все в жизни (ну, почти все) – и такое же безмерное, безграничное, неизбывное покаяние.

Покаяние – это любовь, стонущая под кнутом совести. Вот такую фразу я придумал, чтобы вставить в свой роман.

Здесь только такая подлая штука: гресишь ты по жизни, на самом деле – а каешься субъективно, в душе, в собственном сознании, и никому от этого ни жарко ни холодно. Эгоистичный самообман. Сначала пользуешься людьми и калечишь им жизни, а потом, когда наслаждаться сладостью греха уже не в силах – наслаждаешься сладостью раскаяния. То есть ловишь кайф и от скотского эгоизма потребителя – и от его противоположности: эх, был я силен и жесток – а стал слаб, зато праведен, и всегда мне хорошо. Путь от молодого гогота до старческого умиления. Праведность – это разновидность гедонизма, скажу я вам. Духовный мазохизм как источник положительных эмоций.

Когда ты не можешь любить то, что есть, потому что уже

ничего нет, тебе остается только любить то, что было. Мечты обращаются назад, и планирование будущего сменяется перебором возможностей прошлого. (Прогностическая информационная модель приобретает ретроспективный характер, как написал бы я в то время, когда писал статьи по социальной психологии. Пока ее не запретили.)

И в тебе вспыхивает любовь к родителям, которых в юности ты не понимал, да в общем просто не до них было, и уделял им так мало внимания. Как хорошо ты понимаешь их теперь, и как коротка была их жизнь, и сколько они могли сделать, сложились обстоятельства иначе, и ты не отдал им того, что мог; а теперь уже никогда.

И вдруг до тебя доходит, что твоя первая школьная любовь была самой красивой девочкой в вашем городе, и вы с ней были самой красивой парой в школе, и вам завидовали. А ты ей так никогда и не сказал всего, что хотел, и собирался, и должен был. Жива ли она еще в этих страшных событиях?.. Все собирался хоть позвонить.

А своего лучшего школьного друга ты видел в последний раз в двадцать три года. Он получал гроши в каком-то офисе. А был высоким, стройным, крепким, красивым, он всем нравился, его уважали даже бандиты из «пяти блоков». Он умел страшновато улыбаться и осадить любого. В школе были уверены, что он сделает карьеру. А из него ничего не вышло.

Я каюсь, что мало им дал, что мало ценил и легко разо-

шелся, что значил для них больше, чем они для меня... все встречные в моей жизни – которые и были моей жизнью, потому что жизнь – это тепло, которое возникает только между людьми, и сейчас у меня осталась только память о тепле – и эту память я пытаюсь оставить – кому?..

Любовь, звучание которой растворилось во времени, и сохранились только миги, отдельные картины, как старые рекламные кадры фильма, потрясшего когда-то сердца.

Мой старик, похожий на седого гангстера или морехода, прошедший две войны, разоренный двумя кризисами, не согнутый ничем, от которого я не слышал никогда ни слова похвалы и который хвастал мною перед друзьями; я был юн, мне было некогда, меня перло по жизни, я был черств с ним, и ему хватало мудрости не упрекать меня и терпеть боль; он еще живет во мне – любимый, в покаянной моей памяти.

Мои девочки, красивые, нежные мои девочки, их временем правит безжалостная завистливая ведьма, обращающая юных прелестниц в отвратительные коряги, и только в памяти они живут в своем истинном обличье: проси у них прощения, вставай на колени, клади к их ногам все трофеи беспутной жизни своей; очнись и оцени дареные тебе сокровища из дали прожитых лет, оглянись на оставленные клады в конце долгого путешествия.

И твои враги, твои конкуренты и завистники – дороги тебе, и память о них дорога, и дорога к ним ненависть – ибо это тоже твоя жизнь, и она была хороша.

Все сделанное останется с тобой – все несделанное будет томить до последнего часа, такова доля людская.

Как я стал американцем

Сегодня, если скажешь, что ты американец, могут за это убить. И уж точно большинство возненавидит. Так что даже забываешь, что это значило когда-то, раньше, давно.

Сегодня надо говорить, что ты – социалист. Или космополит. Или черный. Или мусульманин. Или трансгендер. Или чистильщик. Или активист – все равно чего, можно обычно не уточнять.

Страшная это вещь – лишение памяти. Подмена твоей памяти вымышленной биографией, чужими мыслями. Гады долбят тебе темечко своей пропагандой до тех пор, пока ты не начнешь видеть себя и свою жизнь их глазами. И тогда ты веришь им, а не себе. Они подменяют тебя в твоих собственных глазах. Вот за что я хочу убивать их.

Старое время. Средний класс. Люди читали книги.

Сказки Дядюшки Римуса. Как братец Кролик перехитрил Братца Лиса. Братец Медведь и Сестрица Лягушка. Обезьяна, которая ни разу не почесалась.

Том Сойер и Гек Финн. Ну и шайка у этого Томаса Сойера – одна рвань!

Джек Лондон. Вот поживешь с мое в этой проклятой стране, сынок, тогда поймешь, что Рождество бывает только раз

в году. Он привык выносить такие удары за полдоллара разовых или три доллара в неделю – жестокая школа, но она пошла ему на пользу.

Хемингуэй, великий миф, мужчина. Жизнь ломает каждого, но одни потом только крепче на изломе, а другие уже никуда не годятся.

Чарли Чаплин, Эрл Флинн, Берт Ланкастер, Юл Бриннер. Отцы-основатели. Покорение Дикого Запада.

Свобода и Конституция: Мы, народ Соединенных Штатов!

Самолет. Атомная Бомба. Аполлон-11, Луна.

Мы были – самые отважные, трудолюбивые и справедливые.

Справедливость – это ты, здесь и сейчас.

И вот когда это становится твоей сутью – ты готов. И если ты читал Киплинга (не американца) – ты можешь вспомнить и понять:

Но то, что досталось ценою зубов –
За ту же цену идет!

Дао

С детства я мечтал о том, о чем мечтают все мальчики: о славе и о любви. Если это сказал о себе великий Томас

Вулф, то и мне не стыдно. И плевать, что он давно устарел и вышел из моды. Сами вы устарели, как показала жизнь. Американская мечта существовала во многих формах, и это была одна из лучших.

О чем бы ты ни мечтал – ты мечтаешь о счастье. И вот это счастье моей жизни, воплощение моей американской мечты выглядело так:

Я напишу великий роман. Огромный, толстый, сложный, глубокий, наполненный мудрыми постижениями и написанный блестящим языком. Много лет мои книги отвергали – с пренебрежением, поучениями, насмешками. Много лет я страдал, терпел и продолжал работать. Я преодолевал лишения, нищету, депрессию, я избегал друзей, чтобы не ощутить их унижительного сочувствия. И в конце концов мне удалось создать неслыханный шедевр, и в конце концов признание пришло. И принесло богатство и славу. Интервью, пресс-конференции, выступления в огромных залах... Вот о Нобелевской премии я не думал – она давно стала договорным таким уравнилельным дерьмом... а жаль, до Эпохи Революции она много значила, знак высшей касты.

И любовь случится сама собой, как полагается настоящей любви. Лучшая девушка в мире, тоненькая и голубоглазая, с пшеничными волосами и застенчивой улыбкой, полюбит меня раз и навсегда. Она будет привязчива и терпелива, она поверит в меня с первого взгляда и будет прощать мне все. Перенесет со мной бедность и скитания, будет радоваться

любой мелочи и разделять все мои чаяния. А когда я разбогатею, мы купим красивый дом и родим четырех детей: трех сыновей и дочь. И трое братьев будут оберегать единственную сестру. А потом пойдут внуки, дети с семьями будут приезжать к нам в гости, и мы счастливо состаримся, вспоминая прошлое: мирные седые патриархи в кругу семьи.

Н-ну, мечтать не вредно. А теперь – что получилось. А ни хрена ни получилось, как водится. Если хочешь насмешить Господа – расскажи о своих планах.

На фиг меня все издатели как послали вначале, так и посылали всю жизнь. Наверное, я бездарен. Но сам этого не понимаю. Значит – я графоман. Упрямый и убежденный. Это хоть кого приведет к блаженным грезам: один укольчик – и ты улетел в ту вожделенную параллельную Вселенную, где каждый получает по потребности своей измученной души.

А что касается верной спутницы жизни – она была крепкая, темноглазая, вспыльчивая, и вовсе не собиралась терпеть всю жизнь неудачника, упорствующего в своей фигуре. Нет, были еще девушки, но только одна ясно выразила желание терпеть и надеяться до победного конца. Наутро и с похмелья несчастная обнаружилась столь отвратительна, что стерпеть не мог я. Никто не совершенен.

Имея в характере терпение и упорство в достижении цели, я понял, что судьбою мне определена любовь в том секторе райских кущ, где стройные мускулистые мужчины понимают друг друга с первого взгляда, и крепкая дружба неотделима

от духовного единства и телесного наслаждения. Блять, если бы жизнь соответствовала поэтическому представлению о ней, то сексологи и психоаналитики остались бы без работы. Мы познакомились в гей-баре, приехали к нему, он был мил и тактичен, но мой член оказался закоренелым гомофобом, и прочие применяемые в сексе части тела не проявили ни малейшей толерантности.

Когнитивный диссонанс – это когда сознание и подсознание посылают друг друга на хуй, а он не встает. Подсознание всегда побеждает. Можно изнасиловать подсознание, но это еще хуже, чем изнасиловать тело в зад: порванный анус быстрее заживает, а вот с психической травмой ты так намучишься, что вообще потенцию отшибет.

Таким образом, мою как творческую, так и любовную карьеру невозможно назвать удачной. Но осталась еще одна область, в которой мои поиски и претензии взывали к обретению гармонии бытия. Вам не слишком сложно? Я искал не то чтобы так прямо смысл жизни. Хотя и не без этого. Я пытался понять, что же за фигня происходит кругом? Почему я несчастлив – это еще ладно. Но почему творится столько разного идиотизма? Почему интеллектуалы несут столько чуши – а реднеки по-южному протяжно изрекают сплошь и рядом разумные вещи?

Почему все несовершенное и плохое постепенно заменяется совершенным и хорошим – а потом хорошее опять идиотским и плохим? Почему преуспевают мерзавцы? Почему

женщины больше любят негодяев? Почему люди, гробя свои страны, непременно уверены, что поступают наилучшим образом? Как же так это все?..

Гераклит, по праву царского рода носивший багряный плащ, в конце концов из презрения к людям удалился в горы и умер в одиночестве. Гераклит Темный, единство и борьба противоположностей, в одну и ту же реку нельзя войти дважды.

Две тысячи лет спустя Шекспир написал:

Зову я смерть. Мне видеть невтерпеж
И прямоту, что глупостью слывет,
И глупость в маске мудреца, пророка,
И вдохновения зажатый рот,
И праведность на службе у порока,
И неуместной почести позор,
И мощь в плену у немощи беззубой.

Есть много сказаний об отшельниках. И о хранителях огня. Отшельник, мудрость, огонь – вот такая триада. И к ней – другая триада: бедность, старость, природа. И еще: поражение, покаяние, смирение. Шел я шел, и пришел в ту точку мира, где посреди трех этих треножников стоит в лесу моя хижина, в четверти мили от реки.

Глава 2. Гераклит

– Кто этот безумец в красном плаще?

– Как дети малые, как скоты неразумные! Куда уйти мне от вас, не понимающих простых истин?..

Нет сильного и нет слабого, нет плохого и нет хорошего, нет чистого и нет грязного, но всегда есть два в одном. И только потому есть единое, что в нем есть два, и эти два не могут разъединиться. И пока два внутри единого есть и сражаются друг с другом – существует и единое. Изменяется единое и в своем развитии стремится к совершенству, пока внутри него два начала, которые несоединимы, но и нерасторжимы, и вечно им суждено бороться друг с другом. Бороться – и никогда не побеждать одно другое. Ибо победа одного – есть гибель не только другого, но и победителя, но и единого целого, которое вмещало их обоих.

И если бы понимали вы меня, не было бы у вас сейчас сражений, лишенных смысла, где одна часть пытается победить другую часть, воображая, что победа сделает часть целым. И не в силах постичь, что победа одной противоположности над другой противоположностью есть гибель целого в гибели обоих этих противоположностей. Глупее ослов вы и бесполезнее грязи под ногами.

– Почему так темны его речи?

– Что он несет? Как понимать?

– Что означает эта бессмыслица?

– О, жалкое племя торговцев и ремесленников. Боги покарали вас лишением разума, и вы стремитесь к гибели, не понимая, что творите! Речи ваши – речи сумасшедших. Мысли ваши – как щепки в водовороте.

Я опущусь на четвереньки, чтобы встать вровень с вами. Я заговорю языком птиц, который излюблен вами. Я покажу вам зеркало вашего ума, но вы не поверите своему отражению.

Нет свободы и нет рабства.

Нет труда и нет безделья.

Нет свободного рынка и нет плановой экономики.

Нет капитализма и нет социализма.

Нет диктатуры и нет анархии.

Но всегда есть одно и другое вместе. И разница только в пропорции. В соотношении частей первого и второго.

И когда люди сражаются за победу одного над другим – по глупости своей они думают так. Потому что сражаются они только за изменение пропорции. Чтоб одного стало больше, а другого меньше. Но сохранятся обязательно оба.

Ни один деспот с абсолютной властью над жизнью и смертью подданных не может определять, сколько минут мужу овладевать женой, сколько минут матери баюкать младенца, как часто улыбаться юноше. Как врачу лечить больного, как кормчему держать курс в море, сколько минут варить похлебку. С какими соседями захочет дружить человек, как

долго вести речи, смотреть на облака и беседовать с детьми. А главное – о чем думать человеку, и как думать, и долго ли. Даже в самой жестокой деспотии есть свобода, хотя пространство ее невелико. Что-то человек всегда решает сам, по своей воле.

Но даже в самом свободном обществе, где нет власти одних над другими и каждый волен делать что хочет – он не волен делать все. И его свобода ограничена не только свободой соседа. Он не свободен есть и не работать – паразита не станут кормить, вора убьют или изгонят. Он не свободен красть, убивать, прелюбодействовать, клеветать, богохульствовать, предавать родину, уклоняться от защиты родины при нападении врагов. Свобода всегда ограничена Законом. Без Закона жизнь людей невозможна.

Все дело в пропорции Свободы и Закона. Скажу иначе: Свободы и Несвободы. Несвобода необходима для жизни людей. Свобода тоже необходима: люди разные от рождения, и если превратить их в одинаковые машины, они погибнут – или свергнут такую власть.

То же с вашим «свободным рынком». Он «свободный», пока общественное соглашение, или закон, государство, сила – охраняют эту свободу. Свободный рынок может быть только охраняемым и с установленными правилами – то есть его свобода ограничена. Совершенно свободный рынок – будет захвачен любой шайкой разбойников, которые под угрозой оружия установят свои правила и будут грабить торговцев,

отбирая у них товар – весь или часть.

Свобода рынка есть только тогда, когда есть Закон, карающий за нарушение этой свободы – то есть правил, которые торговцы и покупатели выработали себе.

Свобода рынка охраняется Законом. Ее пределы утверждаются Законом. Отчасти – Свобода рынка ПОДЧИНЕНА Закону.

И плановое хозяйство подчинено Закону. Почти полностью. Но никакой план не может учесть все. План пытается учитывать спрос и ориентироваться на него. План стремится стать УПРАВЛЯЕМЫМ рынком. Не поспевает поворачиваться за модой, за прогрессом, за зигзагами спроса. И в нем – всегда и неизбежно! – существует рыночный сектор. Это частные портные, парикмахеры, массажисты. Обмен услугами – потому что при плановом хозяйстве неизбежен дефицит многих товаров и услуг, план не поспевает, не может учесть все. Мелкая неофициальная торговля – одеждой, бытовой техникой, парфюмерией.

Но! И свободный рынок подвергается регулированию. Через субсидии и налоги государство воздействует на него, стимулируя одни отрасли и тормозя другие – дабы избежать как отставания в одном, так и перепроизводства в другом.

Все дело в оптимальном соотношении свободы – и центрального планирования. Регулирование, чтоб избежать кризисов, неизбежных при анархическом рынке.

Смешнее всего ваш капитализм и социализм. Если дать

волю капиталисту – он превратит рабочих в рабов, а всю прибыль возьмет себе. Если дать волю социалисту – всю прибыль он разделит между рабочими, а капиталиста выгонит вообще и заставит его стать рабочим.

В первом случае рабы наработают капиталисту такого, что у него все рухнет. Да и продавать будет некому – только другим капиталистам, а их мало.

Во втором случае работяги без организатора, координатора, инвестора и специалиста по снабжению производства и сбыту продукции, каковым является капиталист, – работяги мгновенно развалит все. Что и происходило при всех социалистических революциях.

Итого:

В любом капитализме есть элементы социализма. Работяги должны обеспечивать какой-то спрос на производимые товары. Работяги необходимы. Они объединяются в профсоюзы и борются за свои права. Отвоевали минимальную зарплату, максимальный рабочий день, пенсии, пособия, гарантии в трудовых договорах. Появились идеологи, философы, теоретики, юристы, политики, которые на государственном уровне защищают интересы рабочих. А также стариков, больных, детей – всех, кто по состоянию здоровья работать не может. Плюс пособия по безработице для тех, кто не может найти работу, хотя хочет и старается. Да: медицинские страховки, бесплатная медицина для бедных, всеобщее школьное образование, государственное – бесплатно; и так

далее.

Но и в любом реально существовавшем социализме есть элементы капитализма. Это обязательные следствия неизбежной социальной иерархии: начальники получают больше денег и имеют больше благ – специальные для функционеров режима больницы, санатории, автомобили, магазины с товарами, недоступными массам. При капитализме доступ к благам и уровень жизни определяется деньгами – при социализме статусом в иерархии и объемом власти.

При капитализме деньги конвертируются во власть и все блага. При социализме власть конвертируется во все блага, в том числе деньги.

Капитализм со временем порождает изобилие. Изобилие порождает иллюзию того, что возможно желательное благоденствие для всех – благородную тягу к социализму как равенству.

Социализм быстро порождает диктат государства, бедность и крушение экономики. Бедность рождает апатию у слабых и жажду свободы у сильных – свободу работать как сам хочешь, можешь и понимаешь, рассчитывая подняться вместе со страной. Жажда свободы порождает тягу к капитализму.

А сейчас, глупые люди, пиздец вам с вашей цивилизацией. Как пришел конец моему Эфесу, потом всей Элладе, всей Великой Греции. Не было мне понимания среди глупцов и не будет – так судили боги. Участь Трои и судьба Кассандры

– это культурно-исторический архетип, как сказали бы многоученые ослы в ваших академиях.

Наследники персов, варвары, оккупировали мою родину; я удаляюсь в дальние горы, у людей с Востока они называются Тибет. То высочайшие вершины мира. И там в размышлениях и беседах с богами окончу я свои дни. Быть может, мне суждено обрести там, среди вечных снегов над облаками, утраченное здоровье души и тела.

Глава 3. Демиург и его план

Когда дни и годы текут безостановочно, как река, к которой ты спускаешься из леса, ты не можешь уже определить, когда ты ушел от людей рухнувшего мира – и когда твой собственный мир сформировался и стал твоим единственным пристанищем, в котором ты центр и властелин. Ты существуешь – следовательно ты мыслишь. А следовательно – ты знаешь и помнишь, ты чувствуешь. И значит – ты создал свой мир, и ты познаешь его.

Много времени спустя Мелвин Баррет задумался: как же оно так все вышло? Он понимал, что об этом каждый задумывался много раз, но от этого не легче. И ему открылись следующие выводы:

Во-первых, мир погубило устройство вещей. Законы Природы. Эволюция Вселенной. Гибель Цивилизации predetermined всем движением Истории. Вот это и необходимо постичь.

И уже во-вторых, как проявления Первопричины, нас погубили вещи (процессы? явления? группы людей?) вполне конкретные. А именно:

Социалисты. Евреи. Негры. И гомосексуалисты.

Выводы привели Мелвина Баррета в оторопь. Он понял, что пришел к фашизму. А фашизм он не любил, и быть фашистом никак не собирался.

Он попробовал опровергнуть себя по пунктам.

Во-первых, фашизм – это разновидность социализма, сказал он себе. Это корпоративный социализм, где все люди всех классов вносят свою лепту в общее дело и честно делят получившийся продукт. Национализм тут не обязателен. А вот тоталитарная идеология и нетерпимость к инакомыслию – это как раз черта социализма. Так что красные фашисты во всем и виноваты. А это звучит совсем иначе. Разве не красные фашисты поставили целью разрушить наш мир, все наши представления о жизни, разве не они с поразительным цинизмом и беспощадностью призывали к исчезновению белой расы? Это их слова и дела!

Во-вторых, евреи массу всего хорошего наоткрывали и наизобретали, и вообще люди очень добрые и справедливые. И вот с этим своим умом и добротой они изобрели такую модель справедливого общества, построение которого и привело к Катастрофе. Они хотели как лучше. И уперлись в этом своем хотении к вымышленному лучшему так, что повредили мозги всем остальным. Все и рухнуло. М-да. А судим ведь мы не по хотению, а по результату.

В-третьих, Мелвин Баррет совершенно ничего не имел против чернокожих. Напротив, он испытывал некоторый комплекс вины за рабство их предков. И ему было неловко, что они в общем хулиганистее и бестолковее белых, драться и бездельничать любят больше, а думать у них получается меньше. И очень это несладко и унижительно – жить среди

тех, кто умнее тебя и у кого лучше получается делать все работы. Трудно им. Помогать надо. Но звереть, кусать кормящую руку, рушить цивилизацию, которая их приютила и сделала вчерашних дикарей людьми – вот этого нельзя. И не фиг оправдывать этих штурмовиков, чьими руками производились погромы и кто много о себе возомнил. Всем хуже стало.

И в-четвертых. Трахайся как хочешь и с кем хочешь, если вы взрослые и делаете это по обоюдному согласию за закрытыми дверями. Ваше личное дело. Но вот пропагандировать это жопосуйство, кричать об этом на всех углах, объявлять это нормой, требовать признания законным браком, разрушать нормальные семьи, загаживать людям мозги и вопить еще, что гомосеки везде должны представительствовать, а нормальные люди ущемляют их права и пользуются привилегиями – что ж: это и разрушило семьи, и способствовало вымиранию, потому что рожали все меньше (мужчины через жопу не рожают, лесбиянки от лизания пизды не беременеют), и разрушало все представления людей о том, как жить.

Вот таков был Божий план. Который Он привел в действие. Я могу лишь констатировать это.

Так, сказал себе Мелвин Баррет. Раз уж делать мне все равно нечего. А в мозгу моем гениальном продолжает жить необъятный мир. Я могу только вспомнить все то, что произошло. Вернуть к жизни всё и всех, кого я видел и слышал, о ком читал и что-то знаю, кто существует сейчас только в

газетных обрывках, моем штабеле старых книг, где-то в сожженных библиотеках, раздавленных флешках и затерянных жестких дисках компьютеров.

Конечно, им несколько овладела мания величия. Это неудивительно в его положении и с его нереализованными амбициями. И еще, видимо, у него было уже спутанное сознание, что случается с возбудимыми людьми в немолодом возрасте.

Глава 4. Память

К числу книг, которые Мелвин Баррет помнил хорошо, относились и «Три мушкетера». В последнее время он все чаще стал повторять:

– А Портос говорил: – Поедемте лучше со мной, Д’Артаньян. Мы состаримся вместе, вспоминая наших друзей.

Мелвин Баррет вспоминал. Он вспоминал большую часть дня. И часть ночи, иногда тоже большую, когда не спалось. Он вспоминал все время, когда не занимался ловлей рыбы и приготовлением пищи, и не читал старые газеты или книги из своего запаса, и не писал. Хотя, когда писал, он тоже часто уплывал в воспоминания, варьируя былое так и эдак.

Он обнаружил, что прожил огромную жизнь. Память оказалась неисчерпаема, как Вселенная. В ней были женщины и школьные друзья, родители и брат с сестрой, гамбургеры и виски, колледж и редакции, океан и пляж, автомобили и самолеты, горе и радости. Он думал, что если человек сидит в одиночной камере, но сыт и здоров, не мерзнет и не измучен – он может быть совершенно счастлив. Огромные прожитые годы всегда с ним, и каждый миг можно повторять и длить бесконечно. Или посреди счастья вдруг станешь несчастным – если в воспоминании вдруг откроется новая, неосознанная ранее сторона событий – и ты поймешь, какое счастье по глупости упустил или какую скверную гадость сделал, не

сознавая; или защемит старая боль непоправимой потери.

В своей памяти – ты властелин своей судьбы и всех событий, с которыми соприкасался. Каждый сам себе демиург. А воображение в одиночестве разрастается беспредельно, и бесконечен перечень вариантов судьбы в мельчайших ее подробностях.

В воображении Мелвин Баррет продолжал разнообразно и изощренно обладать всеми женщинами, с которыми был близок, и с теми, кого лишь хотел, они говорили ему и делали все, о чем он мечтал, и спустя время после того, как наслаждение разрешалось и спадало, не было никакого различия в чувствах и мыслях между прошедшим реальным и воображаемым.

Он разбогател, купил родителям новый дом, хорошую новую машину и заказал месячный тур в Европу первым классом. Год он путешествовал по миру, останавливаясь в президентских люксах и арендуя бизнес-джеты.

Он купил винтовку с оптическим прицелом и с дальней крыши пристрелил Бадена, влепив ему пулю с семисот ярдов точно в середину лба. Охрана заметалась, телепрограммы сходили с ума, а он пил в баре и наслаждался новостями.

И конечно, во всех магазинах продавались его книги, и очередной бестселлер Мелвина Баррета возглавлял топ-десятку «Нью-Йорк Таймс». Он так ясно видел обложки своих книг на полках, раздал столько автографов и провел столько читательских встреч, что улыбка удачливого, со вкусом про-

жившего жизнь человека оставляла все более явственный отпечаток на его лице.

Тронуться умом в долгом одиночестве несложно. Особенно личности творческой, с повышенной нервной возбудимостью. Человек привыкает разговаривать сам с собой, воображаемые картины впечатляют все реальнее, желаемое и достигнутое перемешиваются. Здравый рассудок уже не совсем здравый, а трезвая память опьяняется собственным содержанием.

Он изменил наш мир, и в этом легко убедиться.

Предисловие

Никакое это не предисловие, и не знаю, какой дурак поставил его в середину. Стихийный процесс создания исторического полотна контролю не поддается. Мало ли ключев и обрывков летят на ветру в небеса, иногда попадая в случайные окна.

Никто никогда не узнает правды. Всей правды. Правды полной и объективной. Не потому, что ее нет. Есть, конечно. Просто ее не может увидеть и охватить своим знанием ни один отдельный человек.

Понимаете, какая штука, ребята. Вот в хорошем настроении ты видишь в первую очередь одни вещи, на них обращаешь внимание и про них потом помнишь и рассказываешь. А в другом настроении или в другой жизненной ситуации ты видишь в той же картине другое, и помнишь другое. Умиравший от усталости помнит мягкую траву, в которую он свалился, и тихий теплый ветерок, и птичий посвист в деревьях. А умирающий от голода помнит банку консервов, которую он нашел в траве, и как он мучился, открывая ее ударами о камень, и каким сытным было жирное тушеное мясо в этой банке, и как острым краем он порезал губу. А умирающий от жажды помнит свежую воду в речке, как он упал, погрузив плечи и лицо в воду, и жадно глотал, и был так счастлив этой влагой, прохладой, свежестью, этим блаженством пить

бесконечно, а дно было песчаное с мелкими камушками, а потом он лег в воду прямо в одежде, и лежал так, в неземном счастье возрождаясь к жизни в прохладе воды.

Солдат помнит войну, мать детство своих детей, крестьянин поле, влюбленный помнит возлюбленную, а хирург операционную. А еще они все помнят подробности своей жизни, которые всегда одинаковы: как просыпались и одевались, что готовили и ели на завтрак, как покупали машины и джинсы, следили за банковским счетом, болели и выздоравливали.

И вдруг оказывается, что одна и та же жизнь в одном и том же городе, в одно и то же время, выглядит у разных людей совершенно по-разному – хотя состоит из одних и тех же подробностей! У одного город состоит из работающих людей и наглых бездельников, а у другого – из тех, кому не повезло в жизни и самодовольных эгоистичных буржуев. У одного хорошие дороги – у другого автомобили сгоняют пешеходов к стенам домов. У одних высокие налоги – у других маленькие пособия. У одних каждый имеет в жизни свой честный шанс – у других верхний класс охраняет себя и не дает подниматься беднякам.

И вот в этом мире нам предлагают знать историю! То есть выбрать из прошедших событий самые важные и характерные и изложить их связно, логично и последовательно. В то время как даже сегодняшний день разные люди видят по-разному – и ругаются до хрипоты, обвиняя друг друга во лжи

и слепоте!

Поэтому самое лучшее, что может предпринять историк – это последовать рецепту трех молодых англичан, приготовивших в качестве сытного ужина ирландское рагу, позволившее им употребить все имевшееся съестное в стихийно сложившейся пропорции. Им понадобились их крепкие молодые желудки (то было время величия Британской Империи), чтобы усвоить съеденное – и не менее крепкие мозги нужны каждому, кто вознамерился переварить блюдо, сваренное для него Историей.

...А я даже не историк. Мне случайно попал в руки некоторый материал. И получилась не то свалка, не то исторический сэконд-хэнд. Здесь собрана всякая всячина, по кусочкам, отовсюду понемногу. И как жадный старьевщик, я трясусь над своими сокровищами: перебираю их, раскладываю, пытаюсь сортировать и не могу придумать, как бы мне их использовать.

Не стреляйте в историка: он не виноват, что Историю творят идиоты. Даже если они подразделяются на патриотов, жуликов, эгоистов и умственно неполноценных.

...Здесь будут отрывки из газет и телепередач, полицейских хроник и медицинских карт, рассказы очевидцев и бред сумасшедших, шутки юмористов и анализы философов, главы романов и донесения сыщиков, доклады политиков и школьные учебники; здесь будут исповеди закоренелых злодеев и тайные черные мечты священников, досье спецслужб

и отчеты благотворительных фондов, театральные постановки и армейские приказы.

Может быть, это хроника крушения мира. Нет, пока еще не Вселенной, а только нашего мира. А может быть, история возникновения Нового Мира. Пока еще не Вселенского, а только того, что на Земле.

...А потому, что я не историк: мой Бог – Правда, Вся Правда и Ничего, Кроме Правды. Много лет вся наша жизнь была преступна – была ложью под присягой: мы утвердили Закон, обязывавший всех нарушать присягу и говорить Неправду. О, из высших соображений! Но: когда высшие соображения приказывают лгать собственному народу и себе самим – Добро и Зло меняются местами, светоносный ангел оказывается Люцифером и рушится в Ад вместе со своими приверженцами.

De Profundis. Из глубин взываю. Не я. Но все, чей голос остался звучать хоть на миг.

Глава 5. Когда рухнул наш мир

– Как ты думаешь – когда же что-то сломалось?

– А перед Великой Войной. Она же позднее – Первая Мировая.

Понимаешь – мир облопался. Обожрался. Появились лишние ненужные деньги. Появилось наработанного добра больше, чем можно было потратить, употребить. А главное – больше, чем можно было придумать, как вообще эти излишки употребить...

Именно тогда – что? – появился кинематограф. Но еще раньше – развлекатели толп, паяцы, актеры – из людей второго сорта, низкого обслуживающего сословия, из наемных шутов – превратились массово в фигуры престижные, значительные, поднялись в статусе до верхних уровней – и люди стали платить им несуразно огромные деньги. Эти певцы, басы и теноры, это драматические актрисы. Эти композиторы и художники из преуспевающих. Фокус в том, что они не производили, не делали ничего, что было бы необходимо для жизни людей, что спасало бы жизни или облегчало их. Они не были воинами-защитниками, или врачами, учителями, землепашцами или ремесленниками. Они – развлекали. И развлечение стало дороже дела, выше оплачивалось!

А кинематограф – стал мультипликатором, тиражистом, серийным распечатывателем развлечений. И вот уже Чарли

Чаплин куда знаменитее и богаче маршала Фоша или Альберта Швейцера, а хоть и президента Вильсона.

Пик же оформившегося безумия – соревнование двух стайеров на сто метров – Болта и кого там еще, не помню, да и не важно, факт был: миллион долларов тому, кто обгонит другого в беге на сто метров. Вот это уже выглядело шизофренией. Возьми работу шахтеров, монтажников, заработок солдат в горячих точках – и сбегать на сотку, и вся твоя жизнь – это ты бегаешь.

Нет, ты представляешь: умирает человек – и попадает на Тот Свет, перед Богом стоит, и тот его спрашивает: «Что ты в жизни делал? Чем занимался?» И человек отвечает: «Я прыгал в высоту». Или: «Я бросал мяч в кольцо». Как тебе этот бред?

То есть. Вот русский еврей Абрам Маслов. Стал американским ученым Абрахамом Маслоу. И все бросились рассказывать друг другу про «пирамиду Маслоу». Ну – не пирамида Хеопса. Это шкала ценностных приоритетов человека. Сначала – базовые: есть-пить, размножаться, укрыться от непогоды. А потом, ближе к вершинке – высшие: самореализация себя в чем ни попадя, искусство, развлечения и так далее.

И когда развлекатель оплачивается лучше кормильца и лекаря – это хана, ребята. Как сказал Порций Катон, «Городу, в котором рыба стоит дороже упряжного вола, уже ничем нельзя помочь».

Это означает – что? Что системный ресурс цивилизации исчерпан. Что на уровне своих знаний и технических возможностей, одновременно на уровне своей экономической и политической структуры, оптимальной для этих возможностей – она, цивилизация эта, достигла максимума. Ресурс развития исчерпан.

Что это значит? Это значит, что она не может обеспечить своим людям большего изобилия, большей безопасности, большего комфорта и большего круга возможностей.

Вот Рим к середине I века Нашей Эры, к концу правления Августа, достиг всего. Огромная, сытая, вооруженная, благоустроенная, с развитыми науками и искусствами держава. И – что? И многонедельные праздники с гладиаторскими играми, раздача хлеба населению, ввоз товаров со всех концов мира.

А делать-то теперь чего? Силушки и умище приложить к чему?

В Рим поехали карьеристы, торговцы и жулики со всех краев. Они в гробу видали римские ценности – доблесть и прочий патриотизм.

А в Риме стало исподволь подниматься христианство – как невидимый гремучий газ из подвалов.

Почему римляне стали обращаться в христианство, эту одну из многих реформаторских ересей иудаизма? Оно давало модель поведения, идеал жизни, смысл существования. И кроме того – приверженность ему означала построение но-

вого мира, справедливого и счастливого, мира в равенстве и любви, без богачей и жестоких правителей.

В расшатанном мире вседозволенности христианство давало людям системообразующие ценности, необходимые им. Категорический императив – повеление и табу. Ибо людям потребно организовываться в упорядоченный социум. Потребно единство взглядов, ценностей и целей.

Христианство очень терпимо и мягко внешне – и абсолютно твердо и категорично внутри, в своей основе.

Почему римская власть преследовала христиан? Потому что умные люди понимали: христианство с его целеустремленностью, идеализмом, равенством и непротивлением разрушит Рим! И обратит все в хаос!

Ну так так оно и вышло.

**ХРИСТИАНСТВО – это был БОЖЕСТВЕННЫЙ
СОЦИАЛИЗМ В ВЕЧНОМ И ВЫСШЕМ МИРЕ.**

И оно разрушило к черту все. И сделало Рим беззащитным и разрозненным, он распался и сгинул под варварами. Но – одновременно!!! Христианство могло разрастись только там, куда поехали толпы швали, чуждой Риму, и им все было по фиг; а смысл жизни исчез, цель Рима исчезла. Новые завоевания и границы Траяна и Адриана – это были текучие количественные изменения, но отнюдь не качественные.

Христианство как социализм было идеологией падения Рима. В котором были взяточники, воры, бюрократы, тираны – но были и медицина, образование, отапливаемые жи-

лица, водопровод и туалеты, были законы и было искусство. Потом – уже ничего этого не было. Тысяча лет неграмотности и тупых запретов, забвение наук и искусств, уменьшение населения... ну, и так далее.

Вот в Риме 3-го века н. э. всем жителям всех провинций дали римское гражданство – всем равные права! И эти граждане в гробу видали Рим, обкрадывая его всеми способами и требуя только благ себе. Вот в этом Риме ставили золотые статуи знаменитым колесничим, победителям на гонках – кумирам и героям толп: эти спортивные звезды купались в деньгах.

Короче: нынешние гонорары спортсменов и артистов – тот же показатель кризиса цивилизации и выработки ее системного ресурса.

А нынешний социализм – это развал и смерть цивилизации: это развитие, которое всегда продолжается, но за определенной чертой переходит в дегенерацию.

Готовьтесь, братья и сестры. Рожайте здоровых детей и учите их быть сильными, храбрыми и трудолюбивыми. Учите их не растрачивать свои жизни на бездельников и уродов. Учите их драться за жизнь и торить свою дорогу вперед. Она будет трудной – но такова доля людей.

Период процветания всех подряд – кончается на наших глазах, ребята.

Не дайте себя ограбить! Не смейте разрешать себя обманывать!

Глава 6. За неправильное слово – уничтожить!

Братаны! Я был профессором в Беркли – и меня избili студенты, а потом меня лишили степени, уволили и отдали под суд, когда я сказал – на вечеринке, в своем кругу, мы выпивали – что среди евреев нет бейсболистов, а среди афроамериканцев – шахматных гроссмейстеров. Их действительно нет, но коллеги донесли, и мне выписали такой пизды за то, что я посмел сказать эту правду, что пришлось отсидеть шесть месяцев, а потом освободили условно-досрочно.

Это я к тому, что когда я читал лекции в этом ебаном сверхлевацком университете, надо было выражаться так политкорректно, что охуеть можно было, и нести при этом приходилось полную хуйню. Политкорректность, ребята, не для того придумана, чтоб говорить правду, а именно для того, чтобы говорить неправду – зато из высоких моральных соображений. То есть по-ихнему получается, что ложь – это добро, а правда – это зло, если не соответствует той лживой хуйне, которую они объявили моралью.

И когда ты говоришь правду, не соответствующую их пожеланиям, тебя так пизданут, что костей не соберешь. Ты дьявол, враг людей, фашист, расист, садист и социопат.

И вот теперь, когда Катастрофа уже явно происходит, когда страна гибнет, и всем кранты, и все это по милости этих

пидарасов, которые пускают пену изо всех дыр, но ни за что не соглашаются, что они пидарасы тупые, я вам скажу, в чем тут дело. За полгода в тюрьге многое передумаешь; и поймешь.

Согласно гуманизму и политкорректности убийцу нельзя казнить. Смертную казнь надо запретить везде и навсегда. Изверг зарезал ребенка, и родители, обезумев от горя и ужаса, хотят разорвать убийцу на части. А все нормальные люди хотят пустить ему пулю в лоб или вздернуть гада на веревке. Нет! Это нельзя! Это плохо! Это зверство! Даже думать об этом нельзя, это позорно, пещерная мораль, ты ничем не лучше того убийцы!

Более того: его избить нельзя! Пальцем тронуть нельзя! Это против закона! Блять, откуда берутся такие законы, кто их придумывает?! Тебя же накажут, если ты изобьешь преступника, вы поняли?

Маньяк изнасиловал девушку. Его нельзя убить. Нельзя избить. Нельзя оторвать ему яйца. Надо вызвать полицию и дать ему адвоката, а в тюрьме кормить три раза в день и выпускать на прогулку. Вместо того, чтобы зашить хуй ему в рот и размозжить голову!

На глазах у толпы бандит зарезал человека. Не смейте называть его преступником! Преступником может назвать только суд. А пока он – «подозреваемый». Подозреваемый, ты понял, блять? Может, его дружки убьют и запугают всех свидетелей и присяжных, подкупят судью – и наш бандит

выйдет на свободу, объявленный невиновным. Вы что, мало о таком слышали?

Нельзя сказать, что женщина слабее мужчины – и физически, и в математике, скажем. Что нормальному мужику омерзителен гомосексуализм. Что негры и близко не равны китайцам по старательности, способности учиться, законопослушности, трудолюбию, да просто по уму, еб твою мать! Хотя все это отлично знают.

Солдату запрещено испытывать ненависть к врагу! – вот до чего дошли наши правящие пидарасы! О, убивать только в самом крайнем случае, когда враг уже приготовился убить тебя – иначе тебя же обвинят в убийстве, в «превышении необходимой силы»! Но не смей издеваться над врагом, бить пленного, обоссать труп того, кто только что убил твоих друзей – это плохо, это преступление, надругательство над человечностью, тебя отдадут под суд, ты понял?! Воюй спокойно, гуманно, без эмоций: убивай с сожалением и сочувствием! – требуют политкорректные кретины.

Террорист не сознается, куда заложил бомбу, она убьет сотни невинных – о, но его нельзя пытаться, как вы можете думать о таком зверстве! Захваченных террористов нельзя тут же пристрелить – о, что вы, какой ужас, у них же права человека! Вот они грозят убить заложников, если не выпустят из тюрьмы их товарищей-террористов – и вместо того, чтобы тут же, под телекамеры, расстрелять всех этих «товарищей», кровавых собак, с ними еще ведут переговоры!

Вы чувствуете? Весь праведный гнев, всю святую ненависть к убийцам, преступникам, извергам – людям запретили даже высказывать, даже чувствовать запрещают! Весь негатив загоняют внутрь, не позволяют ему реализоваться в нужном направлении.

Но это еще не все. Дальше, дальше, дальше!

Старика нельзя назвать стариком – только «человек пожилого возраста». Толстуху нельзя назвать толстухой, упаси бог! – она «бодипозитивная». Слепому запрещено называть слепым – он «слабовидящий». Блять, так слабо, что вообще уже ни хуя не видящий, но – «слабо». Инвалид? как вы смее! – «человек с ограниченными возможностями». Олигофрен, муда! – ничего подобного: «с отставанием умственного развития». Несчастные слабоумные дети – с аутизмом, идиотией, рассеянным вниманием: «особенные» дети. Вы поняли, ебать вас всех в рот?! Не Моцарт, не Решевский, не вундеркинды – а слабоумные и уроды теперь «особенные». Извращенцы? – «представители сексуальных меньшинств». Да он свою швабру ебет – и представитель меньшинств. Мудак объявил себя женщиной – и пошел в женский душ: молодец, а! И суд его защитит! А если ему там женщина даст ногой по яйцам – ее под суд.

И уже ничего нельзя. Ребята, вдумайтесь: уже! – ничего! – нельзя! Нельзя сказать, что черные стали злобными расистами. Что никакая Русалочка, никакая Золушка, никакие викинги, еб вашу мать!!! – никогда не были черными!!! Что

мошенников пора вешать на фонарях, насильников кастрировать, бандитов расстреливать на месте, что пора называть вещи своими именами и вводить опять шерифское право! – ничего этого нельзя сказать!

Я слышу, что вы все это знаете! Но чуть дальше, подумаем чуть дальше.

Первое, что я вам скажу. Человеку, ребята, агрессия свойственная в принципе. Имманентно присуща, так сказать. Необходимое зло, как сказал один ученый... что? Конрад Лоренц его звали, немец, да, вернее австриец. Агрессия нужна – чтобы защитить свою женщину, свой дом и участок, чтобы перегрызть горло тому, кто хочет ограбить тебя и забрать твое добро, а такие желающие всегда найдутся. Особенно, мужики, вы все знаете, в юности, в молодости подраться – святое дело. Кровь кипит, кулаки чешутся! Почему? Потому что юность – время отвоевать у жизни свой участок, свою женщину, свой кусок добычи, свое место у костра. А желающих всегда больше, чем хороших кусков и красивых женщин. Верно я говорю?

Поэтому дерутся в тюрьме. Поэтому дерутся в армии. Делить нечего, а толпа молодых здоровых мужиков скучена на крошечном пространстве. Вот они и дерутся – им инстинкт диктует выяснить, кто здоровее, кто рулить будет.

А если драться вообще запретить – ну, под страхом смертной казни? Так самых темпераментных и горячих просто трясти будет – к чему бы приебаться, на ком и на чем злость

сорвать? Ты его кинь в бой – классный солдат будет! А если агрессию девать некуда? Она выход ищет.

А теперь второе. Слово правды. Великое это дело, ребята – слово правды. Человек – он почему хочет говорить вообще-то правду? Да потому что ему надо видеть мир таким, какой он на самом деле – чтобы правильно поступать. Вот как волк или кролик, скажем. Волк должен чують, где кролик – чтоб поймать, иначе с голоду помрет. А кролик – чують волка: спрятаться, удрать, иначе не выживет. Волк должен чують медведя или росомаху – а то его покалечат, а еду отберут. А кролик не должен жрать ядовитую траву. И каждый должен чують свою самку, и видеть, где можно скрыться, и так далее.

Вот человеку – тоже нужна правда. Необходима. Чтобы знать, кто ему друг, а кто враг. Где ждет хорошая работа, а где бесплатное рабство. Где приласкают, а где набьют морду. И вообще: на улице дождь или солнце, что надевать, да?

Но! Но, ребята. Говорить правду всегда и всю – невозможно, конечно. Нельзя сказать начальнику, что он сволочь, коллеге – что дурак, любовнице – что стерва, соседке – что жирная уродина. Не то тебе самому столько правды про тебя скажут, что хоть на кладбище ползи. То есть – вежливость. Говорить людям приятное про них и не говорить про их недостатки уж слишком-то прямо. И это нас уже раздражает, верно? Но если в ответ на сладкую вежливость тебе улыбаются и тоже говорят комплименты – тебе, вроде, и самому прият-

нее жить, верно?

Но все хорошо в меру. А меру наши идиоты давно забыли.

С одной стороны – запрещено проявлять насилие по любому поводу. У тебя все кипит внутри, кровь глаза аж застилает – а убийцу не тронь! Вора не тронь! Напавшего на тебя – не бей сильно, а то сам виноват будешь! Тебя оскорбляют – молчи, если это негр или пидор, они же у нас угнетенные, имеют право срать на тебя. Агрессия, самозащита, защита порядка и страны – тебе запрещена! Объявлена преступной и гнусной.

И правда тебе запрещена. Урод не урод, дурак не дурак, паразит не паразит, извращенец не извращенец. Молчи, не то вылетишь отовсюду, да еще посадят.

И вот мы подошли к удивительному результату. Дикому, кретинскому, небывалому вообще в истории. Люди раздражены, потому что невыпущенная агрессия копится под гнетом. Людям осточертела ложь, потому что жизненный инстинкт требует правды: как там оно все устроено на самом деле, как жить в этом обществе, в окружающем мире? А тебе говорят: живи по нашей лжи – и будет тебе хорошо! Наша ложь – это и есть правда! Примем тебя, устроим, обласкаем и обеспечим.

И в этой ситуации, когда все преступления, все пороки, все опасности для жизни нашей – строго запрещено направлять на них агрессию. И на ложь запрещено направлять агрессию, а надо принимать ее как правду. И все это раз-

дражает. Куда раздражение все, агрессию всю выплеснуть?! Некуда!

Нет. Есть. Есть такое место! Есть такой выход.

Тебе сказали: нарушать политкорректность – строго запрещено, это очень плохо, это свидетельство черной души негодяя-нарушителя и преступной его сущности античеловеческой и антигуманной. Те, кто нарушают наше светлое представление о прекрасной справедливости, о святой доброте ко всем людям – они неправы. Нехорошие. Гадкие. Сволочи! Подонки!

Вот он – враг! Ату его, ату!

И вся агрессия, которую нельзя направить на истинных преступников, все раздражение и гнев, которые копились из-за невозможности назвать ложь ложью, бред – бредом, несправедливость – несправедливостью – все эти агрессия и гнев, злость и ненависть накопившиеся – обрушиваются!!! На кого? На врагов! На нарушителей политкорректности.

Каких нарушителей? Любых! Что они нарушили? Плевать, нам уже неважно терпеть, что бы ни нарушили – вот он, желанный враг, вожденный объект для ненависти, агрессии, злобы, несогласия и облечения.

Поэтому «блекфейс» – преступление, негр – о, ни в коем случае, только «слово на букву «н», «гей» вместо гомосексуалист, «нетрадиционные отношения» вместо извращенные. Назвать инвалидом «персону ограниченных возможностей», идиотом или олигофреном «умственно отсталого», упомя-

нуть о различиях средних АйКью разных рас и так далее – да это хуже, чем убить, избить, украсть, быть мошенником!

Так пришел агрессивный кретинизм – неправдоподобная злоба в мелочах. Смертельная ненависть обрушивается на нарушителя бессмысленных правил. Это как в тюрьме среди уголовников: есть свои правила и законы, иногда смехотворно условные, и нарушителя жестоко карают. А делать им не хрен. Вот и изобретают себе какое-то подобие порядка, чтоб его соблюдать: создают себе трудности.

Ребята, я вам по-простому. Чтобы люди существовали в обществе вместе, нужны какие-то законы, чтоб друг друга не грабили и сильные не загрызли слабых. Слабые ведь тоже нужны: кто-то умный, кто-то много повидал, кто-то скучную грязную работу делать будет. А законы – это что? Запреты – и повеления. Не укради! Не убий! Но друга в беде не брось, трудись, о семье заботься. Так было всегда.

И вдруг! Сплошная механизация и компьютеризация! Жратвы и шмоток до хуя – и при этом можно ебаться без женитьбы всеми способами, ни хуя не делать – но чтоб тебя кормили и давали денег, можно воровать – но посадят ненадолго и будут кормить три раза в день и прочее. Короче – вседозволенность.

Но! Общество так развалится! Оно не может без запретов и повелений! Оно может существовать только организованно, хоть как-то. И если нельзя запрещать ебать мужиков в жопу, бездельничать, нельзя бить вора – то необходимо же

запрещать хоть что-то! И приказывать хоть что-то!

Тогда запрещают курить везде. Запрещают говорить, что есть умные и дураки. Запрещают говорить слово против пидоров или про то, что все изобретения сделали белые. А приказывают говорить, что негр-викинг – это нормально, баба со штангой – это нормально, принимать на работу и учебу не по способностям, а по цвету кожи – это нормально. А кто против – те враги! Обрушивай на них весь свой запас агрессии!

Вот так, ребята, гуманизм без берегов и политкорректность без краев – превращаются не просто в диктатуру и тоталитарную идеологию – но в идеологию и диктатуру бессмысленности, идиотизма и смертельной злобы по кретинским вымышленным причинам.

Если люди разрушают и переиначивают нормальный порядок в обществе, когда умные и сильные, трудолюбивые и семейные – наверху, а бездельники, развратники и дураки – внизу, и если реформаторы хотят всех уравнивать и слабым, глупым и извращенным дать побольше благ, отняв у умных семейных работяг – то такое переустройство неизбежно придется делать силком. Против человеческой природы, и против социальной природы, и против эволюции, и вообще против устройства Мира. Мир будет сопротивляться! Он не хочет стоять на голове!

И реформаторы делаются все злее, все остервенелее, все более жестоки и непримиримы. Огнем и мечом они насаж-

дают свою веру: называй белое черным, а черное белым! Вся власть дуракам! Все блага бездельникам! Все уважение развратникам! И не смей возражать!

Ничего. Когда они все сдохнут – мы спляшем на их могиле.

Все.

Прошу налить! С вами, сукиными детьми, бросишь тут пить. О, о! Спасибо за комплимент, нашелся тут мне тоже, можно подумать, что не читал я эту лекцию в университетах. Ну, может, не все слова употреблял. А за что меня били и гнали? Нормально! Бьют, гонят, затыкают? Значит, правду говоришь.

Глава 7. Голый мальчик

бродвейский мюзикл

либретто

сценографию легко представит себе любой,

кто хоть раз видел мюзикл по телевизору

музыка на ваш вкус (хоть Ллойд Вебер)

Хор. Наш король, наш король! Наш президент – король наших душ, надежда страны! Он вождь народа, он прекрасен душой и телом. Как он легко двигается, как прекрасно сидит костюм на его стройной фигуре. В новом костюме президент еще моложе и прекраснее!

Мальчик. Старый хрыч, старый хрыч! Вы объелись белены, он мерзок и гол! Его кожа дрябла, его ноги тощи, его пенис как сморщенный мизинец. Он шатается! Он озирается! Слабоумный придурок. Он не понимает, это пляж или воровской притон.

Конгресс. Наш Конгресс, наш Конгресс! Самые мудрые женщины и мужчины, самые преданные патриоты! Мы гордимся ими, мы вверили им свою судьбу!

Мальчик. Шайка воров в сумасшедшем доме, в доме, в доме шайка воров! Они крадут деньги народа, они разваливают страну, они бредят. Смотрите, как у них бегают глаза, как их руки шарят по карманам соседей. У них отвислые животы и кривые ноги. Они говорят сегодня одно, а завтра другое,

и говорят бесконечно, всю жизнь говорят, они говорят. Прикройте их наготу, оденьте их в оранжевые тюремные робы!

Верховный суд. Смотрите, смотрите как они храбры! Смотрите скорей все на мантии их! Они неподкупны и служат Закону! Они так учены, им ведомы все инструкции. Они защитят всех невинных и осудят всех преступников. Страна может быть спокойна!

Мальчик. Глаза, глаза, протрите глаза! Вам видно, всем видно: они прислужники силы! Они служат миллиардерам, они служат губернаторам, они служат президенту, они служат толпе! Они служат даже журналистам! Они боятся осуждения, боятся шантажа, боятся сломать карьеру, боятся прессы и погромов. Это написано на их лицах, на их грудях, на их животах и на их задницах – смотрите, надписи проступают везде!

Хор. Кто этот поганый мальчик? Он расист! Он белый, он мужчина, он цисгендер! Высечь его, высечь! Распять, распять его, скорее распять!

Священник. Вера, Надежда, Любовь – вот что спасет нас! Как прекрасны их лица. Как развеивается шелк их волос. Глаза их сияют, сияют, сияют. Да пребудут вечно с нами Вера, Надежда, Любовь, Любовь!

Мальчик. Ты лжешь, шарлатан, и смущаешь людей. Клячи, клячи, ужасные клячи! Веры здесь нет, одно ее платье, под ним пустота, пустота, пустота. Надежда вверх тянет свой средний палец, надежда нам всем показала язык. Зачем же

Любви эти острые зубы, и толстый бумажник так туго набит: карты, там карты золотые и платиновые. Она любит богатство, любит комфорт, власть и славу любит она. Мне она ничего не даст, а ты, сутенер, живешь за ее счет.

Священник. Проклятие богохульнику! Ты Сатана!

Гей и лесбиянка. Любим, мы любим, мы верим в любовь!

Мальчик. Какая любовь? Вы меня не родите, никого не родите, вы предаетесь похоти и мерзки перед лицом Господа. Вы растляете юных и совращаете легковерных.

Хор. Убить, убить, скорее убить!

Журналист. Я самый правдивый, я самый знающий! Я напишу всю правду о гадком мальчике в своей правдивой газете, я скажу всю правду о гадком мальчике на своем самом правдивом телевизионном канале. Пусть все узнают правду и осудят его!

Мальчик. Там нет никакого журналиста! Там есть чучело с громкоговорителем вместо головы и словарем вместо тела. Выведите его на солнечный свет – и он распадется и исчезнет! Видите прорезь под словарем? Туда кладут деньги, выбирают слова – и они поднимаются в громкоговоритель! Смотрите: боится, боится, он солнца боится!

Боец БЛМ. Он белый, он белый, их жизни не важны! Рабист, убийца, торговец рабами. Молчать, молчать, он должен молчать! Он должен работать на черные жизни, пусть грех свой искупит, не то изобьем. Ботинок, ботинок, вот мой ботинок – целуй же его, скорее целуй.

Хор. Черные жизни, вы только нам важны! Черные жизни превыше всего! Черные жизни пусть белых заменят, пусть черным жизням несут все блага.

Мальчик. Вы слепы, вы глупы, вы просто больны. Доктор, вам доктор пропишет очки. Нет здесь ни черных, ни белых, ни желтых – люди, здесь люди, здесь люди живут. Мы умны и глупы, мы добры и злобны, богаты и бедны – здесь люди мы все. Споемте все вместе, станцуем все вместе, работаем вместе и вместе живем – земля, земля, это наша земля, одна на всех у нас с вами земля.

Король. Здесь я президент, и вам всем меня слушать. Покайтесь, покайтесь, скорее исправьтесь: системный расизм нас всех поразил. Нас всех осадили внутри террористы, теперь в Капитолий нам страшно зайти. Я всех наших граждан объединяю, но консерваторов я увольняю, рабочих ограблю, лентяям раздам – деньги, все деньги лентяям раздам!

Хор. О, как он мудр, как он прекрасен, как бескорыстен и как справедлив!

Мальчик. Он жулик, ворюга, он проходимец, взяточник наглый и полный дурак! Смотрите, смотрите: он взял у Китая, взял у Украины, взял у аятолл. Марионетка, им правят банкиры, ему олигархи задания дают.

Директор ФБР. Этого внутреннего врага давно пора посадить. Мы прослушиваем его разговоры. Он не любит демократов. У него есть оружие. Он голосовал за республиканцев.

Министр обороны. Расстрелять!

Министр здравоохранения. Его надо лечить! Он ненормальный! Псих, он псих, несчастный наш псих.

Журналист. Он сумасшедший! Так и напишем! Да смотрите: он же голый! Видите: кто в здравом уме будет расхаживать по улицам голым?

Хор. Голый, он голый, смотрите – он голый! Псих, псих, совсем голый псих.

Король. Как тебе не стыдно явиться сюда голым, мальчик?

Мальчик. Да вы с ума сошли! Вот мои джинсы, вот моя майка, это кроссовки, а это ремень!

Министр здравоохранения. Галлюцинация. Сейчас придет психиатрическая «скорая».

Хор. Он голый. У него галлюцинации. Он сумасшедший. Не надо обращать внимания на его безумные слова, его бессвязные глупости. Посадим, посадим больного в больницу, не будет, не будет он больше ходить. Голым, голым не будет ходить!

Постмодернист. Я узнал его! Это писающий мальчик из Брюсселя! Он привык публично описывать все! Ссыт, ссыт, он все обоссит!

Хор. Отрежем, отрежем негоднику письку, не будет, не будет он ссать среди нас!

Сексолог. Он сменит свой гендер, он евнухом станет, он девочкой станет, полюбит он нас.

Мальчик. Проклятые голые кретины! Вы превратили

страну в сумасшедший дом!

Хор. Укол, укол, поставьте укол. Психу больному поставьте укол!

Санитары. Несем кого надо, везем куда надо, на страже здоровья есть кому встать.

Хор. Оденьте его! Выздоровливай, мальчик.

Санитары. У него автомат! Ложись!!!

Глава 8. Лига стариков

– Мы падаем, мистер Смит! Бросайте всё вниз!

– Как вы относитесь к тому, чтобы погибнуть смертью храбрых, джентльмены?

– С отвращением!

– Но есть ли у нас выход?

– Кажется, нет, джентльмены.

– Безвыходным мы называем положение, выход из которого нам не нравится.

– Ага. Если ты не можешь делать то, что тебе нравится – пусть тебе нравится то, что ты делаешь!

– Делаешь – не бойся. Боишься – не делай. Чингиз-хан правильно понимал решение задач.

– И немедленно выпил!

Четверо мужчин вокруг стола развели по стаканам полбутылки дешевого бурбона и чокнулись. Пили они как-то по-русски: в большой глоток залпом, с выдохом и закуской. После чего закурили и продолжили трезветь.

– Лично мне уже шестьдесят шесть лет, – сказал бородастый толстяк в кожаной куртке, похожий на байкера. – Возраст старейшин давно наступил. Осталось поймать второго зайца – смерть в бою, идеал ухода мужчины. Со смыслом и музыкой. Так что смотрите. Мне чего бояться? Мне это все одна радость.

– Позорней и гибельней в рабстве таком голову выбелив, стать стариком, – рассмеялся щуплый очкарик, наматывая на палец седые поэтические кудри.

Третий, в джинсах и сапожках косивший под сухопарого ковбоя, сосредоточенно разглядывал красно-белую пачку «Мальборо», пророчащую, что убивает именно курение и ничто иное. На лице его отражалась та мысль, что дважды два равно четырем.

– Хотите умереть – прыгайте с моста, – сказал он. – Застрелитесь. Устройте самосожжение на лужайке перед Белым Домом, под плакатом «Позор убийцам Америки». Трупы у нас возят фургонами, и ваши не затруднят. Вы что, теракт планируете? – Ковбой потянул носом, плюнул на окурочок и положил его в пепельницу.

А четвертый щелкнул зажигалкой и зажег большую свечу в рождественском подсвечнике посреди стола. Согласно закону природы, все посмотрели на язычок пламени.

– Сегодня мы с божьей помощью зажжем свечу, которую им не удастся погасить в веках, – сказал четвертый. – Ты прекрасно знаешь, что все продумано и подготовлено. Лучше уже не будет. Какая муха тебя сегодня укусила?

– Это супер-теракт, – сказал поэт. – Героическая симфония. Это теракт, каких в мире не было со времен русской коммунистической революции.

– Ислам отдыхает, – хмыкнул байкер.

– Ислам и сам неплох, – согласился четвертый. – Но он

забыл одну вещь. На каждого обрезанного найдется тот, кто его обрезал.

– Режьте, братцы, режьте, режьте осторожно, режьте, чтобы видел пассажир дорожный.

– Если ты хочешь мира – тебе придется сделать его из войны, потому что его больше не из чего сделать, – сказал четвертый.

– Охренеть, какой ты умный и образованный, – поцокал языком поэт.

Обед на столе был собран в эстетике походного минимализма: вареная фасоль, жареное мясо и яблоки. Воскресная посиделка старых друзей. Квартирка их приютила обшарпанная, однако не дешевая: за окном сквозь дождь чертился серый контур Ист-ривер, Бруклинский мост и Манхеттен.

Четвертый спросил:

– Патроны в третью пятерку передали?

– Да у них теперь на месяц пальбы хватит, – улыбнулся поэт.

– Хватит тянуть, – подытожил байкер. – Завтра выступаем.

– Ладно, – сказал ковбой. – Юта и Вайоминг готовы.

Глава 9. Сандерс, Ребе и облом

Этот пентхауз фешенебельного дома на 66-й Ист выглядел по меньшей мере странно. Из лифта Берни с колебанием шагнул в какой-то тесный трухлявый сарай. Он скорчил гримасу, огляделся и толкнул щелястую дверь из шершавых старых досок. Дверь, разумеется, закрипела. За ней... за ней... вообще там была деревня.

Деревенский двор. Трава, лужа, мощеная редким булыжником дорожка и крытый соломой дом. Маленький, кривенький и невесть из чего сляпанный. И все было какое-то серое, сырое, бедное, даже куры и навоз пахли бедностью. Только небо наверху было синее, промытое, с быстрыми обрывками облаков. (А навоз-то откуда, подумал Берни.)

– Ну-ну, – пробормотал Берни, – это ж почему стоит на Манхэттене такая бедная деревенская жизнь?

– Да нет здесь никакого Манхэттена, – возник в воздухе на диво ясный и ровный голос. В венской качалке у крыльца сидел... ну да, вот именно, смотря кто сидел. Можно сказать: маленький седенький старичок. А можно: величественный среброкудрый старец. И глаза у него были не то мудрые, не то бойкие, не то уставшие от всего, что видели.

– Впрочем, деревни тоже нет – продолжал он, прихлебывая чай из стеклянного стакана с подстаканником – Ведь материальное и духовное должны же когда-нибудь сойтись. Вот

они и сошлись. Где же, если не здесь? И когда же, если не сейчас? Так что все окружающее, – он обвел рукой, – это просто отображение нашего духовного мира.

Тогда Берни увидел покосившийся дощатый забор, а под ним заросли крапивы и яркие васильки.

– Я его тоже люблю – сказал чаевник, и Берни заметил летящего в небе жениха-Трампа, держащего за руку отклонившуюся на девяносто градусов невесту-Хиллари.

– Ребе, – покаялся Берни, – я атеист, но...

– Бывает и хуже, – махнул тот, кого он назвал ребе, и указал ему на стул рядом с собой: – Садись, чаю попьем. Поговорим. Ты же знал, к кому шел?

– Знал.

– К кому?

– К Любавическому Ребе.

– Ну так привет.

– Здравствуйте, Менахем Мендл. Я рад, что вы...

– Ты чай пей. – И Берни увидел стоящий перед ним на грубо сбитом столе тонкий стакан в подстаканнике. В темно-коричневом чае плавал тонкий ломтик лимона и торчала серебряная ложечка.

Он обжегся чаем, сладким, как сироп.

– Сладкий, как твои мечты, – сказал Ребе.

– Мечты были слаще.

– Так что же им помешало? Ты говори, раз уж пришел, – разрешил Ребе, и Берни стал говорить.

Он говорил о том, как победил на выборах. Как простые люди и непростые, студенты и безработные, профессора и журналисты, феминистки и геи, белые и черные, латиносы и социалисты, жертвовали собственные деньги в его поддержку. Как его затирала своя же Демократическая Партия, но он прошел!

– И ты стал строить в Америке социализм.

– Да не важно, как это называется! И не я – мы все. Все нормальные трудящиеся люди. И мы сделали это!

Мы сделали медицину бесплатной. Любой имеет право на лечение всеми возможными средствами. Это оплачивается государством – то есть всеми же людьми, гражданами, их же налогами. Да, не все были в восторге! Да, владельцы дорогих хирургических клиник пытались бороться.

Но у нас было большинство в обеих палатах! Люди поняли, что время справедливости наступило. Так что кто-то уехал в Германию или Швейцарию, кто-то принял новые условия...

– Я тебя умоляю, – сказал Ребе и вытер пальцы о поля черной шляпы. Ну да, он был в черной шляпе, естественно. Прекрасный «борсалино». – Я еще не настолько далек от этого мира, чтобы не быть в курсе. Вы повысили налоги на богатых, постригли биржевых спекулянтов, образование сделали бесплатным... Что еще? Нет-нет, молчи, я сам: резко сократили военные расходы, увеличили помощь старикам, ветеранам и бедным. Все прекрасно! Все прекрасно! Вот только,

гм, со свободой абортотв я согласитсья не могу... ну, тут ты меня понимаешь.

Так что же тебя гнетет? Ты славный, честный человек. Умный и добрый. Люди тебя всегда любили. Студенты твои тебя любили. Живи да радуйся!

– Почему у нас ничего не получилось?.. – прошептал Берни – Мы все делали правильно. Мы всего добились!.. Почему же у нас ничего не получилось?..

Ребе глотнул чаю и почесал мизинцем бровь.

– Ты не Фауст, а я не Мефистофель, – сказал он. – Я даже не Хромой Бес, а уж ты подавно не Клеофаст. Ты же доктор философии, Сандерс, ты же профессор, ты же президент Америки, наконец! Как все просто... Ты можешь назвать лучшее время своей жизни?

Назвать лучшее время Берни затруднился, как затрудняется при подобном вопросе любой человек. Кроме, разве что, молодых матерей и влюбленных; да еще, пожалуй, старых солдат, вспоминающих боевую юность.

Но за ветхим забором, кроме неба наверху, были видны еще пологие выжженные холмы и прямоугольники зеленых полей между ними. Пока Берни секунду вспоминал, где уже это видел, над ближним холмом возникла большая вывеска на манер голливудского побережья: «Долина Мегиддо», а в одно из полей была воткнута табличка: «Киббуц Шаар ха-Амаким».

– Вот ты и увидел свой ответ – улыбнулся Ребе. На лице

улыбающегося старика полагается описывать лучики добрых морщинок вокруг глаз, но у этого никаких морщинок вообще не было, зато сами глаза иногда проблескивали разбойничьей лихостью.

– Ты любил и работал среди коммунистов, среди евреев, среди молодых. И кем бы ты потом ни был – плотником, режиссером или губернатором – тебя не оставляло ощущение, что в глубине души каждый человек коммунист, и юноша, и вдобавок еврей. Потому что все хотят справедливости и способны ответить добром на добро, и общее дело приносит им радость и удовлетворение.

(На дальних полях за забором трудились люди. Они были молоды, черноволосы и веселы. Они шутили и пели.)

– А теперь наш уважаемый и знаменитый Дэвид Копперфилд покажет свой коронный трюк! – с интонациями заправского конференсье объявил Ребе. – Встречайте!

Из пустого зенита спустился канат, по канату съехал необыкновенного изящества красавец, сияя глазами и зубами.

– Але– оп! – воскликнул красавец и сдернул окружающий пейзаж, как кисейный занавес.

За просвечивающим забором оказался панорамный видеозал, и на десятках экранов шли разные серии одного и того же, похоже, бесконечного сериала.

Любавический Ребе сказал, что в конце концов Каббалу можно рассматривать тоже как своего рода суперсериал,

Берни Сандерс сказал, что не за тем сюда пришел, а Дэвид Копперфилд попросил смотреть внимательнее и пообещал, что им будет интересно; похоже, что он обиделся. «Это благотворительный сеанс, я отказываюсь от гонорара», – с благородной скромностью пояснил он.

В шестой серии показывали инаугурацию президента Сандерса и ликующие толпы молодежи, профессуры, афроамериканцев и ЛГБТ. Седьмая серия была посвящена отдельно торжествам еврейских общин, обычно люто ругающихся между собою, но тут празднующим этот небывалый триумф сына избранного народа во благо избранной стране. В девятой серии среди прочих праздновали новую эру и мигранты, под гигантскими кактусами у мексиканской границы. Кактусы казались бутафорскими, но энтузиазм неподдельным. Пейзаж украшали цветные плакаты, победные жесты, море улыбок и радостные интервью под камеры.

Серии с одиннадцатой началась эпопея по счастливому преобразованию страны. Сияющие студенты заполняли аудитории бесплатных университетов. Сезонные рабочие заканчивали день на полях и уезжали в новеньких машинах. Автобусы с нарисованной на борту поварешкой развозили еду старикам на дом. В госпиталях не требовали страховок, и у всех хватало денег на дешевые лекарства в аптеках.

С тридцать седьмой серии вдруг началось бегство производства. Самые жадные капиталисты, не в силах лишиться своих сверхприбылей, переносили заводы за границу. С пя-

тидесятой пошла утечка мозгов. Научная элита переезжала в оффшорные зоны. На Сейшелах и Вирджинских островах вдруг открылись платные университеты и возникли фирмы, еще недавно работавшие в Калифорнии.

И в семьдесят первой серии озабоченный Конгресс не мог наскрести достаточно денег на социальные выплаты! В семьдесят третьей толпы бездельников заполняли кварталы бедноты, еще двадцать лет назад бывшие районами фешенебельного среднего класса.

К девяностой серии в клиники стояли длинные очереди. В девяносто третьей они выстроились в магазины, в девяносто девятой – на бензозаправки.

Сто тридцатая серия была посвящена справке. Справки требовались о возрасте, о трудовом стаже, о здоровье, о разрешении на дополнительное питание, лечение, покупку автомобиля, строительство дома, на переезд в другой город... справок насчитывались сотни, тысячи, горы.

Сто сороковые серии раскрывали проблему бюрократии. Чиновники всех рангов занимали около тридцати процентов всех рабочих мест, затем сорока. Они всем руководили, все организовывали и все планировали, чтобы шло гладко. В результате не шло гладко, и шершаво не шло, и никак уже не шло.

Сто девяносто девятая серия была последней. Там меж рун шла гражданская война, заключенные освобождались из концлагерей, а армия переходила на сторону народа.

– Додик, – сказал Ребе, зевая. – Кончите ваш балаган. Мы все уже поняли. Спасибо. Берни, что тут странного – ну, в очередной раз не получилось?

Копперфильд исчез, и с ним исчезла Америка, как будто ее никогда не было. А посреди деревенского дворика возникла кафедра из светлого пластика под дерево, и Ребе воодушевился за ней, как памятник Марксу, если на Маркса надеть черную шляпу.

– Кто такой был Маркс? – спросил он и взмахнул не то указкой, не то дирижерской палочкой – Маркс был социальный эволюционист. Или эволюционный социалист? Великий, но ограниченный. Его эволюция подобна шахматам, где за ходом e2-e4 следует ответ e7-e5 – после чего игра кончается, и черным объявлен мат. На чем шахматы как игра закончены в принципе. Цель игры достигнута навечно.

Берни открыл рот с видом горячего несогласия.

– Берни Сандерс, сделайте равну Шнеерсону личное одолжение и помолчите. Вы хотели понять? Ну так я объясняю.

Цыпленок вылупляется из яйца, растет, превращается в курицу, клюет зерно и несет яйца, и если не зарезать ее для супа вовремя, то ее плоть вернется в прах и в него превратится. Ты был плотником и знаешь, как строится дом. Деревья растут долго, потом их срубают и пилят на доски и брусья. Из них сколачивают дом, возводят стены и крышу, настилают полы. Потом красят и клеят обои. Потом в нем живут люди – счастливые и несчастные, одно поколение и четы-

ре поколения. Потом одних похоронят, а другие уедут. Дом обветшает, разрушится, и руины сгниют, вернувшись в прах.

Берни сдержался, но, будучи закоренелым атеистом, про себя выругался весьма энергично. Твою мать, все течет и все изменяется, кто бы мог догадаться (в воображении он презрительно осклабился). Недаром Гераклит презирал людей.

– Гераклит ладно, но уже Аристотель ясно писал, что формы государственного устройства сменяют одна другую, – продолжал Ребе.

У Берни слегка отвисла челюсть.

– Мы не должны ограничиваться Каббалой, идущие к знанию и истине любыми путями заслуживают внимания. Меняются земные законы, меняются государства. Человек каждый миг продолжает строить свою жизнь, и все время меняется. Меняется его дом, его близкие, меняется даже его земля.

Каменный дом стоит долго, деревянный нет. Нож из меди затупится быстро, из твердой стали будет острым долго, но в конце концов тоже затупится.

Были рабовладельцы и рабы, были феодалы и бедные крестьяне, были капиталисты и дети, работавшие на фабриках и в шахтах. Рабство царило тысячи лет, феодалы царили века, зверский капитализм сумел сохранить себя всего один век... Чаю! – закричал он, дверь над крыльцом отворилась, оттуда высунулась человеческая рука нечеловеческой длины и поставила на кафедру стакан чая в подстаканнике. Ребе от-

хлебнул и продолжал:

– Одни люди живут сто лет, а другие дряхлы уже к шестидесяти. Чтобы механизм хорошо работал и долго служил – его нужно тщательно сконструировать. Нужны подшипники и смазка. Нужен прочный металл и запас прочности. Нужны регулярный ремонт и уход.

Чересчур комфортабельный автомобиль окажется неэкономичен, непрочен и недолговечен: все эти качества будут принесены в жертву комфорту. Он получится большой, громоздкий, высокий и широкий, с раскладными диванами и барами. Этот дворец на колесах будет дорого стоить, брехать на ухабах, тяжелая колымага станет долго тормозить, жечь много бензина и не помещаться на парковки.

К концу XX века сконструировали довольно прочные и умные государства. Где комфорт, труд, права и обязанности сочетались в разумной гармонии. Сильные, умные и ловкие могли иметь больше других – если работали больше других. Но слабые и глупые имели свою честную долю возможностей и прав. А самых слабых, старых и больных, общество содержало за свой счет.

Умные открывали и изобретали, волевые рулили, старательные брали трудом и терпением. И все важные вопросы решали сообща.

– Ну, это ты типа про Отцов-Основателей, – пробормотал Берни, как школьник, и чувствуя себя школьником.

– Государство – это автомобиль, который едет по меняю-

щейся постепенно местности, по разным дорогам, а иногда вовсе без дорог. Со временем в нем меняются пассажиры, а порой меняется водитель и механики...

(Оказалось, что деревенский дворик давно уже не дворик, а занимает все пространство до горизонта, на этой вытоптанной площади переминается бесчисленная толпа, взобравшийся на кафедру оратор сорвал шляпу вместе с седым париком и, зажав в руке, энергично ими жестикулирует, а его лысина сияет на солнце):

– Любое государство эволюционирует! Развиваются наука и техника, растет производство, поднимаются новые социальные группы, и отношения между людьми требуют изменений. Истощаются старые земли и распахиваются новые, решаются старые проблемы и неизбежно заменяются новыми.

Запомните! Решение любой проблемы порождает новую проблему!

Вы накормили голодного? Позаботьтесь о туалете. Построили туалет? Найдите ассенизатора. Нашли ассенизатора? Платите ему зарплату и обеспечьте жильем. Вам придется организовать целый город, чтоб не просто накормить бедолагу, но и разобраться со всеми последствиями вашей благотворительной кормежки. Или вы решили этого голодного накормить, а за это сделать строителем и ассенизатором? С чего вы взяли, что он с вами согласится, если можно пожрать задаром?

Благотворительность – это большая головная боль. Благотворительность не проходит даром для благотворителя. Любое твое благодеяние порождает долг сделать следующее благодеяние.

Ну так это еще мелочи.

Вспомните Дон Кихота! Кто такой? Рыцарь, недоумки! Он обеспечил встреченным несчастным первейшее право человека – право на свободу! Он освободил их. Следующий шаг? Они забросали его камнями. Почему? Потому что сволочи! И место им самое было – на каторге, куда их правильно засунули.

Собираясь творить добро – трижды подумай, чтобы из твоего добра не вышло зла. И для политика это – первая заповедь. Ты творишь не абстрактное добро – ты работаешь с разными людьми.

Есть здесь социалисты?

– Есть! – закричала толпа, зашумело пространство, руки возделись в приветственных жестах, и птицы взмыли вверх и закружились.

– Ты платишь пособие матери-одиночке, а семейной не платишь. И это справедливо и прекрасно. Но! Этим ты поощряешь девушек становиться матерями-одиночками. Потому что это выгоднее. Вот она встает перед выбором: оформить брак или остаться незамужней? Но выгоднее жить с мужчиной без формальностей – и получать деньги за это. За то, что не оформила брак. И мужчина принимает выгоду

такого положения: захочет – уйдет без формальностей. То есть? Вы поощряете разрушение семьи. Вы сделали добро – помогли бедной матери. А одновременно – где тридцать, а где уже все восемьдесят детей из ста растут без отцов. В этом мало радости ребенку. И много проблем, когда он вырастет без отцовской руки, надежной защиты и авторитета.

То есть: вы платите за то, чтобы люди не заводили семей. Но не платите за то, чтобы заводили. Это понятно?

Ну так это и есть социализм. Вы делаете добро – не желая думать, как из него происходит зло.

Понимаете, жизнь – это усложнение. История – это усложнение общества. Вся эволюция Вселенной – это усложнение материи.

И как только вы поместите куда-то в отдельное пространство сотню вполне одинаковых, равных во всем людей – этот социум из ста человек неизбежно начнет усложняться. Определятся самые умные, самые сильные, самые деятельные, найдется самый веселый, а большинство будет соглашаться и делать то, что все решили. Одни станут авторитетными, других не будут принимать всерьез. То есть: мы получим структурированный социум.

И этот социум начнет решать встающие перед ним задачи: построить жилища, добыть дичь, защититься от хищников, родить и воспитать детей.

А хотите – получится «Повелитель мух». А окажется человек один – получится Робинзон Крузо. А равные во всем

солдаты одной роты вернутся с войны – и жизнь каждого сложится по-разному.

И вот: вы Повелитель, и сейчас осчастливите народ и страну справедливым устройством. Чтобы все были сыты, здоровы, обучены и имели равные возможности. Поехали!

Вот вы сделали школы обязательными и бесплатными. И три хулигана, не желающие учиться, малолетние правонарушители, терроризируют целую школу и унижают учителей. Их нельзя выпороть, как было в прошлые века. Их нельзя исключить из школы вообще – они имеют от нас право на образование. Их нельзя посадить в тюрьму для малолетних преступников – они слишком малолетние. Хотя от них уже беременеют их сверстницы. И вот три говнюка портят жизнь всем и издеваются. Хотя им место в закрытом интернате для дефективных. Нормальные дети от них плачут, а они радостно гогочут. Вы их поощряете!

Вот вы назначаете пособие и массу льгот безработным. И несколько процентов всего населения – а это миллионы человек! – мигом решают: на кой черт работать, если можно хорошо жить и так? И когда простой работяга живет ненамного лучше бездельника – он, конечно, задумывается: а на кой черт пахать и содержать этого паразита, если можно жить на халяву самому? Да вы поощряете бездельников!

В любом социуме большинство ориентировано одинаково: работать как можно легче и меньше, при этом по возможности престижнее – а получать при этом как можно больше.

Их критерий – наивыгодное соотношение «труд/оплата» по категории «экономкласс».

А меньшинство стремится к власти и деньгам, реализуя свои возможности сворачивать горы, свою жизненную энергию.

Получается – что?

(Берни обратил внимание, что, стиснутый толпой, он упруг и гибок, более того – ветер отдувает его черные волосы, щека под рукой гладкая, а на нем – майка с эмблемой их университетского баскетбольного клуба. Еще он отметил, что подобные речи в романах-антиутопиях произносят профессора. А Любавический Ребе... эта лысина, этот поношенный черный костюм... а бородка стала маленькая и рыжая... Че Гевара? Глупости. Троцкий? Он не лысый. Ленин! Вот он, русский вождь еврейского социализма! Да, но он был экстремист...)

– Что происходит с народом, когда медицина достигла высот, а цивилизация – богатства? – продолжал Ребе. – Больные дети выживают и оставляют потомство. Больные взрослые выживают и оставляют потомство. И что говорят биологи? Они говорят, что накапливается «генетическая усталость». Но у гена нет рук и ног, он не пашет ради хлеба насущного, он не может устать. Он делает что? Он дегенерирует! Он сохраняет и передает ущербные особенности организма. С народом происходит дегенерация – люди в среднем становятся хилые, болезненные, с ослабленной репродуктив-

ной функцией.

И тогда – как бы само собой – рождается меньше детей, и этот высококультурный и обеспеченный всеми благами народ начинает вымирать. Умирает больше людей, чем рождается.

– Да здравствует социализм! – с возмущением и энтузиазмом завопили в толпе и стали махать огромным красным флагом.

– Ну а как же! – авторитетно подтвердил Ребе и продолжал: – Вы содержите безработных. Не только тех, кто не может найти работу. Но больше тех, кто работать не хочет. И чем больше, чем щедрее вы поощряете бездельников – тем больше их плодится. Растущее количество паразитов – неизбежное следствие социализма.

Второе следствие – ослабление мотивации к труду. Зачем работать хорошо, если за те же деньги можно работать плохо? Зачем ломать горб на тяжелом месте, если за те же деньги можно пристроиться на легком?

Надо всегда учитывать психологию человека как такового. Человек от природы, по Вселенскому закону, волей Всевышнего – устроен так, что он старается достичь результата самым коротким, самым выгодным, оптимальным путем, с наименьшей затратой энергии. Вообще так устроена вся эволюция Универсума.

Если за равные деньги можно не работать – не будут работать. Можно отлынивать – будут отлынивать.

Третье. Чтобы справедливо снимать налоги с богатых и справедливо распределять их между всеми отраслями экономики, между всеми трудящимися – нужно много чиновников. Чиновник – это распределитель, организатор, координатор во всех уровнях экономики. Чиновник – полноправный и полномочный представитель государства. Народ делегировал власть государству, а оно делегировало и распределило ее между чиновниками. То есть: чиновник становится хозяином всего. Всех сфер жизни.

Социализм – гарантия всемогущества тотальной бюрократии, которая стремительно растет и правит от имени государства.

Четвертое! Социализм – это государство бюрократии!

Зарубите это себе на носу. О, сначала чиновники вполне демократичны и дружелюбны, их немного, но число их растет в арифметической прогрессии, создаются все новые бюрократические органы, плодятся все новые бесчисленные законы, акты и инструкции, и вот уже вся экономическая машина начинает буксовать. Для координации всех дел проводятся бесчисленные совещания, и бесконечные инструкции все гуще противоречат друг другу.

Пятое. Любой человек хочет что-то значить. Я ненавижу это заплывающее выражение «воля к власти». Это у политиков, у вождей, у директоров может быть воля к власти. А обычный человек хочет, чтобы с ним считались. Чтобы его желания учитывались. Чтобы в его планах ему шли навстречу. И чем энергичнее человек, чем он честолюбивее,

тем он стремится занять более высокую ступень социальной пирамиды. Это нормально. Это, можно сказать, здоровый социальный инстинкт.

Промышленник мечтает выпустить небывалый товар необыкновенного качества, разбогатеть и стать знаменитым и влиятельным в мире большого бизнеса. Ученый мечтает сделать великое открытие, и Нобелевская премия ему не помешает. Художник мечтает о шедевре, генерал прославить себя победоносным сражением.

О чем мечтает чиновник? Бюрократ? Пересесть в кресло на этаж выше. Сменить название должности на двери кабинета и визитной карточке. Ну, и большая зарплата, выше уровень связей.

А что должен сделать бюрократ, чтобы продвинуться в карьере? Хорошо выполнить порученное дело. А если дело не очень-то нужно и плоховато обдуманно? Не важно. Надо выполнить. И отрапортовать об успехе.

Карьера бюрократа зависит только от одного: нравится он начальству или нет. Подходит он начальнику как подчиненный или нет. Искусство чиновника – угадать желание начальника и удовлетворить.

Карьера бюрократа пролизывается через зад начальства к звездам!

В результате действий чиновника может случиться наводнение, землетрясение, светопредставление, но его задача – доказать, что он лично действовал наилучшим образом,

все сделал правильно, и все приказы начальства были мудрыми и благими.

И наверх продвигаются не те, кто способен лучше других делать дело, а те, кто способны доставить начальству больше удовольствия от их, начальнического, образа действий и руководства.

Идеальный чиновник – это зеркало, в котором начальник видит идеальный образ себя как гениального и безупречного, великого руководителя.

То есть: пятое – это отрицательная селекция государственного механизма. Торжество некомпетентности.

Шестое – это падение экономики при социализме. Когда чиновники некомпетентны, а инструкций надо соблюдать море, и за нарушение каждой тебя могут покарать – эффективное производство невозможно. Главное – не произвести для людей, а отчитаться перед начальством.

Седьмое – коррупция при социализме. Где все предписывается и распределяется, там всегда есть соблазн договориться о решении вопроса к личной взаимной выгоде. А какая разница, этот директор получит разрешение на строительство или вагон досок, или другой? Зарплата все равно у всех та же самая, а страна у нас одна, общая.

Восьмое. Простите за банальность. При социализме никогда не хватает денег. То есть денег, конечно, всем всегда не хватает.

Вспомните Детройт! Высокие налоги вызвали бегство

производства, пришлось повысить налоги на оставшийся бизнес и производство, и тогда бежало все. Остались одни нищие, которым негде работать, и они требуют денег.

Медицина? Если вознаграждение плохого врача почти не отличается от хорошего – вы способствуете снижению общего уровня. Обеспеченный бесплатной медициной, человек мгновенно найдет у себя болячки, которых больше никто не видит.

Всеобщее бесплатное высшее образование? Тогда должно появиться много новых университетов. И новых преподавателей. И во-первых в стране не хватит денег на нужную аппаратуру, помещения, кампусы, преподавателей, и уровень неизбежно начнет падать. Во-вторых – все желающие учиться свободно и бесплатно не поместятся ни в какие аудитории и кампусы, и придется вводить вступительные экзамены. И появятся те, кто не прошел. И они завопят о дискриминации и отсутствии равных возможностей.

И вам придется усиливать репрессивный аппарат, чтобы сдерживать выступления всех недовольных.

Главнейший недостаток социализма состоит в том, что люди воспринимают как естественное право: возможность вложить в общий котел меньше, а зачерпнуть из него больше. И поэтому раньше или позже котел пустеет. И государство, то есть правящий бюрократический класс, переходит к жесткому распределению не по потребностям, а уж чего в котле по малости остается.

Бюрократия все выше возносится над народом. Ибо в ее власти дать все или ничего. Себе она, естественно, берет побольше. Нижним слоям распределяет поменьше. Обнаруживается пропасть классовой ненависти.

Вот тогда возникает государственная диктатура. Ибо власть всегда стремится сохранить себя.

Повторяю. Сначала надо подавить недовольство экспроприированных предпринимателей. Потом всех, кто стал меньше получать: врачи, профессура, топ-менеджеры, программисты. А позднее, с падением общего уровня жизни – необходимо подавлять выступления всех недовольных: как бедняков, так и оппозиционеров-интеллектуалов, требующих возврата к свободному рынку. А рынок – это реакционно, да? Хотите опять вырывать кусок из горла бедняков и жиреть на чужом труде?! Расстрелять!

Так возникает необходимость в идеологической цензуре. И так возникает диктатура – ибо любая инакомыслящая партия грозит перевернуть установленный социалистический порядок и вернуть власть кровососов-капиталистов!

А когда народ понимает, что СМИ подчинены власти, и все силовики подчинены власти, и от него, народа, ничего больше не зависит, а перед выборами ему отчаянно морочат головы и после подтасовывают результаты – тогда народ впадает в апатию, ни во что не верит и делать ничего не хочет.

Но как только – как только! – появляется возможность вздохнуть и стукнуть кулаком, как только власть или осла-

беваает, или решает провести небольшие такие, полукосметические либеральные реформы – о, тогда народ чувствует возможность что-то сделать! Поквитаться за все! И пар сносит крышку с котла!..

Социализм всегда кончается диктатурой – или рассасывается вообще.

Диктатура всегда кончается революцией. Или переворотом в пользу нормального устройства общества. Или мудрый диктатор – Сулла, Франко, Пиночет – постепенно передает власть нормально и справедливо реорганизованному государству.

...Исчезла толпа, и площадь, и горизонт ограничился серой зубчаткой забора, и Ребе встал из своей венской качалки и оказался вровень с высоким Берни. Что тому не понравилось. Ему нравилось чувствовать себя высоким. И физически более полноценным, чем сильно умный собеседник.

И лысины никакой не было у Ребе, и буйная кудлатая седина была безусловно собственная, и на голове его, когда он невесть зачем снял свою черную красивую шляпу, не обнаружилось никакой кипы, а обнаружились вовсе наоборот, два небольших выроста, похожих на рожки.

– На что это ты уставился? – спросил Ребе. – А, это, – он махнул рукой, – не то отложения избыточного кальция, возрастное, знаешь; не то типа как у Моисея, знак как бы мудрости такой, но его только гои изображают, ты не грузись.

– Но я атеист, ты же знаешь, – сказал Берни, прибавив к

гордости и достоинству немного извинения.

– Какая разница. Ерунда все это. К истине много путей, и Тот, Кто Наверху, создал их все. Ты можешь считать себя атеистом, или гностиком, или первобытным язычником, это твое личное дело. Но ты же понимаешь, что никаких рожек у меня нет и быть не может? Это твой внутренний взор их создал, твоя духовная сущность их вообразила.

Духовная сущность президента Берни Сандерса вообразила, что они находятся в экзаменационной аудитории, причем он, Берни, сидит за преподавательским столом, а студент Шнеерсон отвечает на вопросы о течениях современного социализма.

– Будьте любезны объяснить успехи и преимущества скандинавской модели, – ехидно сказал профессор Сандерс.

Студент Шнеерсон придал черной хасидской шляпе ковбойский залом и сдвинул ее на затылок.

– Объясняю, – снисходительно ответил он. – Во-первых, за шведами и норвежцами стоят века протестантской морали. Трудолюбивой, честной, богобоязненной, скромной – и жесткой в своей требовательности установки. Во-вторых, они германцы – это стойкий, упорный и терпеливый национальный характер, сформировавшийся за два с лишним тысячелетия. Они склонны держать слово, исполнять обещания, преодолевать препятствия и добиваться своего. В-третьих, они одобрительно относятся к порядку и привержены общему равенству перед законом. Наследие военных демо-

кратий, они оттуда родом.

В-четвертых – это ведь не социализм, строго говоря. Это «функциональный социализм» или «государство трансфера», господин преподаватель. Мы оставляем капитализм, оставляем частную собственность на средства производства – и просто обкладываем прибыль такими налогами, чтобы хватило на медицину, образование и хорошие пособия безработным. Казалось бы, так везде и надо сделать! Но:

В-пятых, Швеция-Дания-Норвегия-Исландия – очень маленькие государства, там управленческие связи коротки, там просто управлять и просто контролировать: все как на стекле. В-шестых, народ добросовестен и дисциплинирован; это отнюдь не обо всех народах можно сказать. Позвольте договорить, господин профессор, не надо демагогии о всеобщей одинаковости... простите, я забылся...

И в-седьмых, наконец: эти экономики медленно, но верно просаживаются. Они верным путем эволюционируют к уравниловке, равнодушию, снижению стимулов к напряженному творческому труду, росту иждевенческого мировоззрения поощряемых маргиналов.

Впереди у «скандинавской модели» или крушение экономики и охлократия, или резкий поворот вправо, или все прелести гражданских войн – когда морально здоровая часть народа будет бороться за самосохранение с анархическими массами безумных революционеров, паразитов и мигрантов.

– Вы хотите сказать, что в перспективе никаких преиму-

ществ социализма вообще не видите?

– Это смотря какая перспектива, – философски ответил бравый студент Шнеерсон, вытянув ноги в проход и любуясь латунными оковками носков своих ковбойских сапожек. – В дальней перспективе ничего, кроме кровавой нищенской помойки. Но в ближней перспективе как раз возможны блестящие успехи.

– Э-э? Уже неплохо. Например?

– Третий Рейх.

– Что-о?

– Модель народного социализма Германии при Гитлере, то есть именно социализма немецкого народа, была как раз того же типа, что и скандинавская. Разве что единый Трудовой союз вместо свободных профсоюзов. Но – прогрессивный налог, бесплатные отпуска, образование, право на бесплатную медицину, государственное регулирование экономики при сохранении капиталистических производств, ликвидация безработицы и всеобщая занятость, справедливое распределение общественного продукта, пенсии по старости, по инвалидности, за потерю кормильца, участие граждан в управлении государством через многочисленные организации.

И в результате – массовый патриотизм, единство народа и власти, высочайшая производительность и организация труда, фантастическая эффективность оборонного производства в борьбе против всех развитых государств и практиче-

ски не имея ресурсов.

Так что перспектива социализма в Германии 1933 года была блестящая! Но короткая и приведшая к катастрофе.

Выдернуть страну из кризиса или воевать – тут хорошо даже не социализм, а диктатура как таковая. Социализм – это готовая площадка для диктатуры.

– Гм, – сказал профессор Сандерс, сознавая некоторую аморальность своего следующего вопроса и даже предательство святых вещей. – А если бы не война? Как бы пошло развитие германского национал-социалистического государства? Например: если бы оно не уничтожало евреев и не устроило бы мировую войну?

– Это невозможно, – был соболезнующий ответ – Раньше или позже, тем или иным образом, но любой социализм приходит к общей модели. Он нуждается в пропаганде – и появляется пропаганда. А пропаганда – это ложь вместо информации, какие бы имена этой лжи не давали. Социализм неизбежно прибегает ко лжи. А чтобы ложь не была опровергнута правдой – нужна тоталитарная идеология. А тоталитарная идеология неизбежно подразумевает врагов, враг – это неотъемлемая часть пейзажа при ее господстве. Враг служит единству нации и сплочению вокруг власти – но одновременно вражда делает войну все более возможной, близкой и нужной.

Социализм – это всегда ложь, бедность и война, господин профессор. Просто иногда это укладывается в двенадцать

лет, иногда все ужасы начинаются в первые же месяцы, а иногда может пройти и столетие. Но конец один. В России или на Кубе самый ужас социализма наступил сразу. А восточная Европа, избавившись через полвека от русской социалистической модели, получила такую прививку от социализма, что на дух его теперь не переносит.

И еще. Социализм всегда кончается диктатурой одной партии. Иногда все остальные запрещаются сразу. Иногда господствующая партия крадется к диктатуре ползучим образом, маскируя свои намерения демократическими разглагольствованиями. Но всегда наступает период агрессивной нетерпимости к любым иным точкам зрения! Инакомыслие – компрометируется, позорится, объявляется ошибочным, вредоносным, преступным, аморальным!

И адепты социализма превращаются в боевой наступательный отряд диктатуры единомыслия. Они уже фашисты – они готовы во имя грядущего счастья человечества крушить черепа и сносить города.

– Я вынужден поставить вам F, дорогой Шнеерсон. Слишком много в ваших ответах было ошибок.

– Я вынужден исключить вас из числа президентов, дорогой Сандерс. Слишком много ошибок в ваших оценках моих скромных представлений о мире и людях, его населяющих.

...Лифт остановился, Берни вышел на 66-ю Ист и медленно пошагал в сторону Централ Парка. Обшарпанные фасады и разбитые стекла района напоминали... о многом они напо-

минали, сами понимаете, если память не отшибло.

В парке Берни выбрал скамейку в тени, уселся и закинул ногу на ногу. Под шнурком его правой туфли из толстой мягкой коричневой кожи застрял маленький трехзубцовый лепесток василька.

...А потом стал читать роман о жизни в той Америке, которую он реформировал, более того – пересоздал – для счастливой и справедливой жизни. Чудесный старый парень, любивший равенство и веривший в социализм.

Книга II

Глава 10. Допустим, это роман Остров для белых

ну, и тогда:

Глава 1. Зубная боль инаугурации

начнем так:

В день инаугурации Трампа у меня болели зубы.

(вариант: В день инаугурации Байдена у меня болела мошонка.)

Или лучше так:

В день инаугурации Трампа я напивался в баре.

(вариант: В день инаугурации Байдена я нажрался в хлам.)

Или так:

Я человек с особенностями развития, и вот я не знал, как буду теперь жить дальше. Нет, я не пускаю слюни, не передвигаюсь в коляске и членораздельно разговариваю. Я вполне социально адаптирован и неотличим от окружающих. Вот только с памятью не очень, это правда: я доктор каких-то наук, но не помню, чего именно, а диплом не могу найти. Ка-

кая разница, если люди не воспринимают меня всерьез. Потому что я все понимаю не так, как они. Они толпа умных, а я дурак сам по себе. Но. Они поют хором – а я солирую.

В XIX веке они бы меня линчевали. А в XXI делают вид, что я и так давно повешен; но как повешенный имею льготы.

Итак, народу в баре было полно; в старые времена написали бы, что «он утопал в клубах табачного дыма». Но сегодня курильщика, предающегося пороку исключительно в особой резервации, рассматривают как мерзавца, хитростью избежавшего электрического стула – поэтому воздух в баре был чист. Чист, наэлектризован и гнусен.

Бостон, колыбель и цитадель американской науки и образования – город многих героев. И ни один из них не Трамп. С Байденом другая головная боль. Бывали здесь праздники и повеселей, чем эта инаугурация.

Бармен был реликтовый демократ, старая школа: один телевизор у него показывал толпу перед Капитолием, а второй – запись игры «Янки» с «Кардиналами». И народ сосредоточенно смотрел бейсбол, косясь на Капитолий и бранясь невпопад. Самым прикольным способом самоубийства было закричать им: «Да здравствует Трамп!»

Молодежь вообще выглядит протасченной сквозь гибридную задницу и стиральной машины – мятые, чистые и со сдвигом. Студенты и молодая профессура – интеллектуальное будущее нации, залог мирового лидерства. Залог полной жопы для всей страны. И бармен был похож на компьютерного ге-

ния, в стиле – тощий, сутулый, нестриженный, очки и кривоватые зубки.

Увидел я его зубки, и мои опять заболели. Я взял еще двойной джин с тоником и лимонным соком, и накатил на бухло колесики – две таблетки законного парацетамола и три незаконного кодеина – грамм плюс ноль шесть грамма чистого, то есть. Стоматолог? Его способы исцеления моей челюсти с пятью штифтами я наизусть знаю, такое давится иммунитетом, а иммунитет любит хорошее настроение и меньше жрать, а вот выпить – за милую душу.

В меру выпить – проясняет мозги и зрение. Настроение в баре установилось типа резни на похоронах. И в телевизор смотрят, будто не бейсбол там, а ужас атомной войны.

А мне жутко комфортно. Тепло, сухо, выпивки неограниченно – и деньги есть. Драться никто не лезет, делать ничего не надо, в тюрьму не сажают. Человек всегда счастлив – надо только увидеть и оценить свое счастье.

После четвертого двойного джина, градусы которого в растворе тоника с грейпфрутовым соком никак не чувствовались – лимонад и лимонад – после четвертого я улетел. Как птица из клетки, честное слово! Дышалось необыкновенно легко, и не всей грудью – всем телом и даже окружающим пространством. Я ничего не весил, я видел все одновременно, я накрыл помещение бара, как газовое облако с колкими шампанскими пузырьками.

Я вообще не пьяница, и тем более не балуюсь наркотой.

Травку курил, но на меня не действуют, только глаза красные, как у кролика. А тут принял крен сорок градусов на левый борт, яхта под парусом, аж лазурь расступается.

Я видел сразу и тонированные под темное дерево панели, нити швов между ними, и каплю застывшего клея на шве, приглушенные светильники, и ряды пестрых бутылок вдоль зеркала за стойкой, и свитера под куртками, и лица всех здесь, и их губы, и глаза. Да, так все их глаза смотрели на меня. Почему-то.

А рядом произносилась речь. Эхо колебалось слева, чуть выше и впереди меня. Голос звучал знакомый, типа друга юности в искажении аэропортовской трансляции. И по выражению лиц публики, каковые лица преобразались в первобытные маски каннибалов, я понял, что слышу свой собственный голос. И понял, кем они будут сейчас закусывать свою выпивку.

Когда я напиваюсь, я молчу. В отличие от своего голоса, который несет все подряд, абсолютно не интересуясь моим разрешением. На этот раз голос превзошел себя. Он сообщал то, что я думал, и то, чего не думал, и как сюрприз даже то, чего не мог бы подумать. Нет ничего интереснее, чем знакомиться со своим расширенным от дозы сознанием.

Глава 2. Что он нес

(Что услышало левое ухо:)

– Рыжий крашенный клоун! Всю жизнь он занимался спекуляциями, не отдавал банковские кредиты – а под конец жизни решил «Сделать Америку снова великой»! Он не платил налоги, за гроши нанимал на стройки мигрантов, открывал какие-то жульнические курсы для простаков – и вот теперь, уверившись в своей гениальности, решил обрушить глобальную экономику! Ломать не строить. Он еще устроит Америке конкурс красоты. Она еще шарахнется от зеркала.

Много лет, пятьдесят... сто лет!.. двести сорок лет мы боролись за права человека, за равные права для всех. Так теперь для этого сексиста женщина не человек! Хватай их всех за киски, раз ты звезда! А кто когда-то отказывался сдавать квартиры афроамериканцам? А кто призывает запретить въезд в Америку всем мусульманам – только потому, что люди исповедуют эту религию?

А отделить Мексику стеной от нас? Истинно сказано – надо строить мосты, соединяющие людей, а не стены, разделяющие нас! А сколько мексиканцев честно и за гроши трудится на благо Америки!

Он развалит НАТО – и Европа останется беззащитной перед армиями России и Китая! Он хочет, чтобы Корея и Япония создавали свою атомную бомбу – пусть, мол, сами защищаются от врагов – и ядерное оружие расползется по всему миру, и ясно, что из этого выйдет!..

А это безумие с гигантскими пошлинами на товары, сделанные в других странах? Во сколько тогда они обойдутся

американцам? Да цены на все подпрыгнут вдвое – он сообщает, что делает? А сам под шумок снизит налоги своим дружкам-миллиардерам!

Что будет со страной? Что будет с демократией? О горе, горе нам!.. Как мы могли допустить, что на место Обамы, этого честнейшего, умнейшего человека, афроамериканца, символизирующего нашу демократию и права человека – пришел этот монстр?! Он же фашист. Он же расист. Куда, куда мы теперь покатимся?..

Интермедия

Что ты несешь, что за попугай сбежал из CNN? – стыдись банальности, спросил я голос. Это сейчас из каждого утюга брызжет!

А юные социалисты, разбавленные облезлыми пердунами, идиоты в баре, кричали и свистели, хлопали и топали, девки визжали, звенели пивные бутылки, а в ящике Трамп обнимал Обаму, а с другого плеча Байден обнимал Обаму, такой белый сэндвич с отравленной черной начинкой, хор пел, и миллионная толпа махала флажками.

А со мной что-то произошло. Грудь расперло, как будто бейсбольный мячик вспух за грудиной. От этого мячика быстрая и злая энергия острой звездой разошлась в стороны, пронизала пальцы рук, горло и мозг, живот и колени. Я стал упругим и крепким, как клинок. Обреченным и бесстраш-

ным. И я понял. Я ощутил и понял ясно, как божий свет. Что я рожден для великой цели. Великой задачи. Что я пущен в этот мир с грандиозной и единственной миссией.

И миссия эта, которая перевешивает и оправдывает все мои неудачи и потери. Все слабости и грехи. И подлости оправдывает. И бессильные слезы, и лень, и трусость – все, все она оправдывает! Это – явить новое в этот мир. Изменить его путь. Спасти от неминуемой гибели.

Сказать правду в стране лжецов! Увидеть цветы всех садов в мире слепых! Собрать все свои необъятные силы, втянуть в себя мощь Земли и Солнца, всю мощь Вселенной – и напрячься, окаменеть, собрать силы в бесконечном напряжении, до растрескивания скалы – и сдвинуть, повернуть этот мир! к спасению, к свету, к будущему, к счастью, к людям, нашим потомкам в счастливом и открытом мире.

Это как отвалить гору, закрывающую выход в солнечный мир из пещеры, где ты задыхаешься со всеми друзьями и семьей.

...Вначале было слово. Кто написал Библию? Все начинается со Слова. Слово было мыслью, а прежде того мысль была просто правдой.

Вначале была Правда. В начале всех дел была правда.

Ты не знаешь, на хрена тебе эта правда нужна. Но знаешь, что будут от нее одни проблемы. Она сначала разрушит твою жизнь – а уж потом из нее может произойти что-то путное. И ты не знаешь, как теперь обернется твоя жизнь. А только

другого пути нет.

И судьба тебе теперь писать против ветра, и писать поперек линеек, и плевать в бездонный колодец.

А пока я все это думал и понимал, голос продолжал говорить – но говорил он совершенно не то, что я уже слышал раньше. И остальные тоже.

Глава 3. Что услышало правое ухо

Голос звучал – с непонятной стороны, не то внутри головы, не то рассеявшись в помещении:

– Чертовы уроды! – гремел голос. – Вы можете хоть подумать своими дурными головами – чем вы недовольны?! Демагоги оболваненные – вам что конкретно не нравится? Или вы способны только лозунги выкрикивать? Да вы же гитлерюгенд наизусть, серые штурмовички в джинсах и с компьютерами! Вы же обнаглевшие погромщики, а самые трусливые не лезут в драку – они идеологи погрома.

Трамп хочет, чтобы вас не взрывал и не расстреливал исламский терроризм – вы против? Чтобы женщины и мужчины оставались равноправны – чем в исламе не пахнет! – вы тоже против? Что, девочки захотели паранджу, женское обрезание – и сидеть дома, закрыв рот, пока правоверный муж не велит говорить?! Вы решили, что ислам – это просто иначе верить и молиться? Вы же невежественны. Ислам – это иначе жить, иначе видеть мир, это иная система ценностей

– и она абсолютно нетолерантна, она жестко требует исполнения своих правил. Исламский террор лаской и уговорами не остановишь.

Он хочет, чтобы сорок тысяч вас – вас! – в год не подыхало от наркотиков. А девяносто пять процентов наркоты в США идет через мексиканскую границу – тоже не слышали?

Народ Америки имеет право знать, кто идет в наш дом жить у нас? И с какими мыслями? Или – никаких границ, и идите к нам все желающие, не спрашивая нас – наркоторговцы, убийцы, сутенеры, профессиональные бездельники всех мастей – милости просим! У нас сытно и спокойно, режьте нас.

Миллионы поперли через южную границу – у них спрашивают тесты на КОВИД, у них проверяют вакцинацию?! Вирус прет через границу – а в масках ходите вы!

Вы работать вообще собираетесь? Вам работа нужна? Вот он и говорит – сначала надо обеспечить работой своих, а уже потом предоставлять наши места приезжим. И эти приезжие должны иметь высокую квалификацию, не ниже вашей – и получать достойную зарплату, не ниже вашей. Чтобы жадные боссы не выкидывали вас с работы, нанимая чужих задешево, хоть они и хуже. Вам это не нравится? Вы хотите других, худших, на ваше место? Милости просим!

Вы тут не все дети биржевых спекулянтов и компьютерных гениев. Ваши родители из кожи вон лезли, чтоб дать вам образование. И сегодня миллионы семей в Америке разоре-

ны, миллионы кормильцев остались без работы – потому что их рабочие места уплыли в Китай и Малайзию. Вам это нравится? Для вас так лучше? Вы хотите жить в беднеющей и пустеющей стране?

Глобальное потепление? Влезьте в Википедию! Бывали на Земле периоды куда жарче нашего, и всегда сменялись оледенениями. Сейчас тают ледники в Альпах? Да – и обнажаются построенные римлянами дороги. Бороться надо с вырубкой лесов и засолением почв – но не для того, чтобы вернуться в пещеры.

И что за бред про «сексизм»?! Есть противные бабы, и есть мерзкие мужики. И что – сказав это, я стал человеконенавистником, или роботом? Да – женщины в среднем меньше и слабее мужчин, ну и что с того? Да – всем равные права и равные возможности, какие обиды? И что-то я не понял: когда студентки употребляют самые грубые слова из области секса – это отсутствие ханжества, а когда мужчина в мужской компании прихвастнет своими успехами у прекрасного пола, употребив слова даже более приличные – он оскорбляет женщин. Девочки! – обсуждая с подругой интимную жизнь, сколько раз вы оскорбляли мужчин своими словами и описаниями действий? А-а – забыли записать и продать на радио.

Трамп как раз выступает за наши ценности – мир, работа, достаток. А вы, дурачки с промытыми мозгами, выступаете за пустые фразы: свобода миграции, права личности, американские ценности – а кто на них покушается?! Пресса лжет

в одни ворота, половина Америки не имеет голоса в СМИ, инакомыслящих подвергают позору и исключают из общества...

Вы идиоты с промытыми мозгами: считаете правдой слова – и вообще не в состоянии увидеть дела. «По делам вашим судимы будете!» Дела против слов! – вы же тупое стадо баранов! И это – молодая элита Америки. Пиздец Америке!

...На этом месте что-то произошло – как я узнал позднее, меня наладили бутылкой по затылку. Взорвалось, зазвенело, и раздвоенный, как жало змеи, голос прекратился. Возникло спутанное чувство изменения тела в пространстве, что-то происходило с моими ногами и спиной, странное, неприятное и неудобное.

Мне настучали по балде и выкинули из бара.

Глава типа следующая? Трактир «Адмирал Бенбоу»

Так начался мой путь в дурдом.

Если бы этим все только ограничилось. Хм, да я был бы счастлив выступить жертвой – благородной искупительной жертвой. О: сакральной жертвой! Агнцем закланным. Бараном тупым. Н-но...

(Уточните, как это у Эмили Дикинсон:)

Далека правда,

Далек высший судья,
Мой повелитель разгневан,
Чтоб вернуть его милость – умру.

Так начался наш путь – путь страны – черт знает к чему.
По порядку.

Я обнаружил себя лежащим на скале. Ну, не на голой скале, земля под спиной, и трава растет, но вообще вниз уходит обрыв, и вьется сбоку него тропинка.

А рядом со мной стоит крепкий, большой, почерневший от времени деревянный дом какой-то голливудско-исторической архитектуры. А над широкой дверью – нарисованная масляными красками по отдельной доске вывеска: «АДМИРАЛ БЕНБОУ». На вывеске – как принято у людей эстетически малоразвитых, наворочены все атрибуты адмиральской романтики: волны, остров, пальмы, парусник, сундук с золотом и одноногий одноглазый пират с попугаем на плече и пистолетом за красным поясом.

Так кстати о паруснике. Под обрывом синее море до горизонта. А в гавани стоят корабли с убранными парусами. Одни пришвартованы к причалам, другие держатся на рейде натянутыми якорными канатами. Кстати, довольно небольшие корабли, это понятно по фигуркам людей на палубах. Но практически все трехмачтовые.

И какое-то на этих палубах происходит странное движение...

...Как бы вам передать всю эту картину. Вот представьте себе почтовую марку, цветную. Или старинную книжную иллюстрацию. И на ней изображена мельчайшая такая миниатюра: на переднем плане край обрыва и трактир на нем, а вы смотрите в глубину картины, в простор – внизу расстилается прибрежный пейзаж с портом, кораблями и океаном, а по бокам картины зеленеют ветви, как бы вы из зарослей все это наблюдаете.

И Гулливер наблюдает из чащи муравьиное движение липутов на палубах и причалах – людишки в высоких шляпах с узкими полями, или в шерстяных колпаках, в замшевых куртках и коричневых сюртуках, у кого сапоги, у кого гетры такие с туфлями – они вытаскивают из трюмов мешки и тюки и швыряют их в воду. На берегу сложены под навесами штабеля ящиков – так их тоже перетаскивают к воде и швыряют вниз.

Как вы уже догадались, кино про Бостонское Чаепитие. В натуре.

И одновременно я вижу близко, подробно, как в оптику, лица этих трудяг. Лица потные, злые, разъяренные даже, и одновременно веселые, наглые и уверенные. И удивительно праведное выражение на этих потных рожах – будто в церкви молятся.

А рядом со мной, за тонкой стеной, в «Адмирале Бенбоу», из которого меня только что выкинули, идет большая гульба. Похоже, с мордобоем и метанием мебели. Звон, грохот и

выражения, которые в XVIII веке влекли за собой убийство и изгнание из приличного общества.

Я на всякий случай проверил свои зубы – не болят ни-сколько, и при этом все при мне! Удачно я завершил дискуссию.

Да, я сразу не разглядел на картинке еще одну деталь – вернее, две, но одинаковые. В смысле симметричные. В верхних углах этого патриотического пейзажа, слева и справа, выделялись два портрета в овальных рамках. Медальончики такие. На одном изображено бритое лицо в современной стрижке, а вот с другого мудро смотрел средневековый алхимик, в огромном берете и с седой бородищей.

И как только я их увидел, они оказались стоящими передо мной. Один в белом халате с красной вышивкой «государственная психиатрия». А другой в черном бархатном камзоле, с золотой цепью на шее, и на цепи той большая бляха вроде немецкой фельджандармерии с выбитыми готическим буквами «нострадамус».

– Пойдем! – с повелительной лаской сказали они и приглашающе повели руками – один налево, а другой направо.

Затруднение мое было мгновенным. Когда я понял, что могу двигаться в двух разных направлениях одновременно, и более того – что этих направлений может быть неограниченное количество – я понял главное. Что это легко и просто, и я это всегда умел. И одновременно прояснело спокойно, что у меня расщепление личности, явная шизофрения

прорезалась у меня. И что между прорицанием будущего и сумасшествием принципиальной разницы нет. И отличие гения от идиота лишь в направлении мыслей. И компании, где они высказываются.

И отправляясь в поход за истиной, ты однажды обнаружишь себя в длинной рубашке с рукавами, завязанными на спине.

И еще я понял, что пока тебе не набьют морду и не выкинут из приличного общества, поход за истиной ты всерьез не начнешь. В «Адмирале Бенбоу» вопили про справедливость, требовали не казнить воров и убийц и доламывали помещение.

Типа Главы следующей. Обращение к читателю, или СОС, или еще как-то – придумайте сами, вы ведь умные

...не знаю я, с чего начать. Понимаете, мне жутко необходимо рассказать все, что будет дальше. Это задача моя на земле, смысл жизни моей: узнал сам – расскажи товарищу. И всем расскажи, что будет дальше.

Да, я не очень хорошо учился в школе (если правильно это помню). Я всегда ненавидел грамматику – науку для иностранцев и профессоров. Поэтому перепутал время глагола: не «будет», а «было» дальше. Путаница времен глаголов меня сбивает с толку. «Было», «есть», «будет» – а какая, в сущ-

ности, разница? Главное – это все реальность.

А самое ужасное – это мои провалы в памяти. Это все равно что ты видишь летящий самолет – но не помнишь, как он разбежался и взлетал. Или ты пришел домой, а жена спрашивает: «Где это ты так устал?» А ты чувствуешь, что устал, а где и как – ни хрена не помнишь. Она тебе запускает тарелку в рожу вместо обеда – а ты буквально плачешь, а где устал – не помнишь. А она не верит, вот что самое ужасное!

Вот сижу я под кустом. Синяя бухта за зеленым лугом. Букашки жужжат, солнышко светит. Благодать! А у меня слева-справа этой благодати – ясновидец души и провидец истории. Фрейд и Нострадамус. Два великих гения. И оба сплошь евреи, что характерно. И стоят над моей душой, как два часовых, два карающих ангела, два санитары. И пытаюсь я понять себя – не могу, пытаюсь понять мир – тоже не могу.

Мой мир захвачен. А кем? Левыми или правыми, республиканцами или демократами, христианами или мусульманами, интеллектуалами или работягами, белыми или черными?

Тут в таверне раздается грохот и звон, из двери выскакивает одноглазый пират в черной треуголке и рваном камзоле, а за ним гонится массивный краснорожий коротышка с абордажным кортиком в руке, он взмахивает сверкнувшим клинком и разрубает мир пополам. И трещина разрубленного мира проходит через мое сердце.

Трещина

И тогда я узнаю, что раскол страны уже произошел.

Механика этого раскола была вполне предсказуема.

Испаноязычное население Калифорнии давно наладило необходимые связи с правительством Мексики. Связи – это деньги и организация. Они проталкивали своих людей в Сенат штата, в профсоюзы и полицию. Их сенаторы и конгрессмены в Вашингтоне лоббируют их интересы. Принят закон об испанском языке как втором государственном в штатах, где на нем говорит большой процент граждан. Калифорния и Нью-Мексико добиваются типа полной культурной автономии. Отменена граница с Мексикой. Новая страна становится экономическим и культурным лидером Латинской Америки.

Местная национальная гвардия, в основном испаноязычная, при народных волнениях принимает сторону сепаратистов.

Хо-па! И все вполне законно.

И одновременно – тоже давно зрело – оформляют конфедерацию Техас, Оклахома, Канзас, Небраска и Айова. Здесь живут люди с прочными представлениями о жизни, и им легко различать добро и зло согласно Библии. Они верят в оружие, не любят ЛГБТ, уважают труд и презирают дармоедов. Оскорбления интеллектуальной части Америки их достали,

и вверять им свою судьбу, когда курс Белого Дома изменился, они не желают.

«Нация ислама», «Новые черные пантеры» и все прочие организации афроэкстремистов с оружием руках установили зону своей анархо-диктатуры (что за дикое сочетание) и объявили собственное государство черных.

А Восток нестигаем в своей верности правам человека, правам меньшинств и погромщиков, правам паразитов и врагов страны, правам и ценности каждой личности независимо от личности.

Уже много лет разные точки зрения на справедливость и право народа расходились все дальше. Правящий класс решил согнуть народа в бараний рог. Натравить всех на всех и превратить в рабов.

Дом, разделившийся в себе самом, не устоит, говорите? Разум, разделившийся в себе самом, называется шизофренией. Преимущество разбившегося на осколки разума в том, что ты способен понять и принять взгляды каждого.

Импичмент Трампу. Деменция Байдена. Организованные спецслужбами убийства. Заговор транснациональных корпораций. Саботаж административного аппарата. Бунт меньшинств и гражданская война на улицах. Непримируемая идеологическая война интеллектуалов.

И лавина пошла! Инфляция. Безработица. Экономическое падение. Попытки поголовной конфискации оружия – и встречные бои. Латиносы устроили резню черных. Черные

попытались терроризировать азиатов – и организованные азиаты начали отстреливать черных. А белая глубинка превратилась в систему охраняемых поселков, где автомобили с пулеметчиками патрулируют дороги.

Великая страна гибнет в великих потрясениях. Это гибель богов.

Подробности

Слушайте, почему людей так интересуют подробности катастроф? Историки их просто смакуют. Главное-то я рассказал. Другие еще доскажут. Психов у нас – хоть пруд пруди. Есть кому творить историю, есть кому ее писать, есть кому ее уничтожать.

Ну вкратце – вот:

коктейль сенаторов крики в Конгрессе танки на улицах

кабинеты чиновников горящая Калифорния стрельба

толпы вооруженных латиносов суровые реднеки на границах

президентский самолет взорван пустые разбитые магазины

И Майкл Филипс кричит в разбитом телевизоре (?) – он предупреждал!

Глава 11. О, как я хочу быть левым!

Как это прекрасно: все равны, любят друг друга, заботятся, все работают, нет зависти и неравенства, нет бедных, больных и несчастных.

Смотрите, доктор: вот зеленый листочек за окном, вот солнышко, вот щебет детей, вот юные влюбленные. Собачка бежит, кошка греется на солнце, чирикают воробьи.

Цветут яблони и груши и вишня-сакура, плещут лазурные волны о песчаный берег: люди отдыхают.

Образование бесплатное: юноши и девушки, жаждущие знаний и квалификации, чтобы двигать вперед науку и приносить пользу людям, лечить больных и учить детей – не должны работать ночами, зарабатывая на жизнь и учебу, а потом еще много лет работать сверх сил, погашая огромный государственный кредит на учебу. Нет! Они полностью отдаются учебе.

Врачи не думают о зарплате, но только о том, чтобы лечить хорошо. А государство обеспечивает им достойный жизненный уровень – независимо от количества принятых больных и цены прописанных лекарств и исследований.

Исчезают паразиты трудящегося человечества – биржевые спекулянты всех родов. Все доходы распределяются по справедливости, и неработающий – да не ест.

И люди всех рас и религий, национальностей и убежде-

ний, всех профессий и возрастов – живут на радость себе и другим в дружелюбном сообществе.

О, как это прекрасно!

Но!!! Бездельники не захотят работать!!! А плохие врачи – сегодня есть плохие профессионалы в любых областях – будут плохо лечить: зарплата ведь одна и та же. А выбирать в руководство будут тех, кто пообещает всем всё – как можно больше и бесплатно. И в результате лжи станет больше...

И кончатся деньги!!! Потому что каждому нужны дом и машина, одежда и мебель, еда и развлечения. А работать охота не каждому, особенно тяжело и много.

А когда работяга видит, что на его деньги рядом хорошо живет бездельник – он либо съедет в то место, где его не заставят содержать бездельника, либо сам пойдет в бездельники, либо начнет работать мимо государства с его налогами, чтобы самому получать прибыль за свою работу. И разовьется теневая экономика.

А чтобы этого не произошло – нужна полиция и сыск. И вот мы уже в тоталитаризме...

Доктор – почему социализм всегда кончается тоталитаризмом?..

О, как я хочу быть либералом, либерал-социалистом жажду быть я – почему же мои дети будут жить в концлагере?.. И почему над концлагерем висит издевательский – или безнадежный? – лозунг: «Свобода! Равенство! Братство!»

Меньшинства всех стран – соединяйтесь! Это само собой,

но хотелось бы узнать еще одно. Когда же мы сольемся в экстазе? Будучи большинством – я жажду лелеять вас! А вы нам что?..

Кто это сказал:

Сильная любовь поработит любимого.

Безмерная любовь к свободе порождает рабство.

Пистолет мой заряжен, и я убью любого, кто против равенства и свободы всех людей в мире. Железной рукой мы загоним человечество в счастье. Трепещите, суки.

Глава 12. Гармония революции

Мячик долго катился по зеленой траве и упал точнехонько в лунку.

– Где вы научились так играть в гольф? – одобрительно хмыкнул рослый массивный мужчина, шурясь из-под козырька.

– Бильярд, батенька, бильярд, – отвечал его маленький, щуплый партнер, картавя на французский лад. – Люблю точно ударить. Революционеру нужен верный глаз и твердая рука!

Потом они сидели за столиком, любуясь дальними холмами, и здоровый пил «Кока-Колу», а маленький – белое калифорнийское вино.

– А я знал, батенька, и вот оно свершилось: нашенская революция докатилась до вашей долларовой Америки!

– Эту поебень вы называете революцией? – здоровый стащил красную бейсболку и взъерошил желтый пышный чуб.

Маленький также сдернул свою винтажную кепку и быстро потер лысый череп.

– Перегибы неизбежны в практике революции – назидательно сообщил он. – Разумеется, заменить промышленный пролетариат на бездельников негров и пидорасов – это ахинея. Хотя использовать их для разрушения прежнего государства – вполне грамотно и верно. Теперь настал этап скру-

тить их в бараний рог. Зачинщиков, вожаков – расстрелять! Брать заложников, вешать на страх остальным. Чтоб даже помыслить боялись против нас выступить!

– Слушайте, – решительно прервал его здоровый, – я пригласил вас сюда и оплатил проезд не для того, чтоб вы проповедовали концлагерь. Я уважаю вас как великого практика, как гения государственного переворота и захвата власти. От черных и гомосеков мы уже никуда не денемся. Новая власть стремительно разваливает, уничтожает страну! И все наши попытки оторвать их от рычагов управления и от кормушки пока терпели провалы! У вас есть соображения по этому поводу? Вы можете что-то предложить? Скажите для начала: что бы вы сделали на моем, на нашем месте, мистер Ульяновфф?

– Перво-наперво, батенька...

– Я тебе не батенька, наконец! Ледоруб тебе батенька!

– Вы ошибаетесь: ледоруб – это не мне. Хотя мой ближайший помощник, партнер, с вашим делом тоже мог бы справиться... наверное. Но – вы правы: к делу!

Итак. Перво-наперво: велите подать хороший обед и обеспечьте архинадежную охрану.

– Обед через час, охрана торчит за всеми углами и кустами.

– Bravo. Вы начинаете мне нравиться. Я определенно настроен прочитать вам лекцию.

Первое. Оценка обстановки. Обстановка полное говно.

Практически все государство контролируется врагами. Армия, спецслужбы, газеты (то есть у вас это вообще так называемые СМИ), судебные органы, верховная власть (президентская администрация), обе палаты парламента.

Второе. Анализ произошедшего. Что же произошло? Произошел государственный переворот. Да-да-да! – открытый, наглый, прекрасно спланированный и задолго подготовленный. Вопреки Конституции, издеваясь над законами, плюя на здравый смысл, надругавшись над справедливостью – власть была захвачена. Выборы фальсифицированы. СМИ изрыгают ложь.

Третье. Что из этого следует? Это очень важно понять. Из этого следует, что никакой демократии у вас, в распрекрасных и богатейших Соединенных Североамериканских Штатах, больше не существует. Конституция не действует. Законы не действуют. От декларируемого государства осталась одна шелуха. Каркас, бутафория.

Кто же правит всем этим, простите, бардаком? Конспиративное «демократическое» правительство. Это кто ж такие? Это олигархи, транснациональные корпорации и – сросшиеся с ними коррумпированные политики. Они – кукловоды. А все эти ваши, как их, Байдены, Харрисы, Обамы, Митчеллы и прочие – наемные управляющие. Топ-менеджеры по-вашему. Ширмы. Передаточные звенья от реальной власти – к государственным механизмам, стране и народу. Их руками делается что надо.

А что же им надо? Вот именно поэтому я принял ваше предложение, мистер Трамп. Не обольщайтесь – вы мой классовый враг. Да-да-да, и не спорьте! Но. И враг может быть попутчиком или даже союзником на определенном этапе.

Им надо построить земшарную олигархическую республику. И весьма интересного образца! Жаль им не хватает ума и цинизма, чтобы поставить золотой памятник Форду. Вся власть и все ресурсы в его руках – а рабочие живут при эдаком гибриде капитализма и социализма. Все средства производства, вся власть, все богатство принадлежит хозяину, владельцу, гениальному мистеру Форду – а пролетарии имеют все для хорошей жизни – от его щедрот, по его воле, и пока на него горбчатся. Слушайся хозяина – и будешь хорошо жить и все иметь: дом, школа, больница, отпуск, все якобы «бесплатно». Из твоего же труда оплачено, но – помимо жалованья. А захочет хозяин – и выгонит тебя, нищего.

И вот наши архиумные олигархи решили: один процент населения Земли всем владеет и всем правит. Они – Хозяева Мира. Они выше законов и государств. Все вещи, все производства, вся наука и техника – принадлежат им. А остальные девяносто девять процентов – бесправные голодранцы. И у них нет ничего. Вообще ничего! Для них построят якобы «социализм»: чиновники будут распределять все блага – еду, одежду, жилища, лекарства и учебники. И все это объявят «бесплатным». То есть: не ты решаешь, что купить на свои

деньги, а чиновники решают, что тебе дать по распределению. То есть: всех посадить на паек. На карточки.

И тогда лучше будут жить не те, кто лучше работает и больше приносит пользы обществу. А те, кого назначит власть: хоть олигофрены, хоть паразиты, хоть извращенцы. А захочет власть – всего лишит в одночасье. Снимет тебя с довольствия – и подыхай под забором, жри крапиву.

Так что, батенька, я уже набросал план книги: «Глобализм как высшая стадия империализма». Полная свобода и произвол для хозяев – и казарма для масс.

Из этого следует – что? А?!

Маленький человечек вдруг с обезьяньей ловкостью вспорхнул на стол, распахнул пиджачок обтерханного костюма-тройки, зацепил большой палец левой руки в пройму жилета, а правой цапнул кепку и зажал в кулаке. Прищуренные монгольские глазки его слали опасный свет.

– Поняли? Проанализировали? Оценили? Теперь – что? Теперь определяем задачу. Задача простая: вырвать им всем глотки и взять власть. Остальное – буржуазные мелихлюндии, батенька! Именно власть! Любой ценой! И чтоб пикнуть никто не посмел. А возьмем власть – сделаем что надо, что хотим. Власть – это лом в руках, которым мы разнесем весь их гнилой базар. Справедливость, честность, закон, права человека – прекрасно! Я двумя руками за!

Вам нравится традиционная Америка? Ее Конституция, ее идеалы, история, дух? Прекрасно. Но для этого – сначала

взять власть.

Первое. Вождь без команды – ничто. Сначала необходимо создать партию. Не эту вашу «республиканскую», собрание жуликов и карьеристов. Жесткую партию, единую команду, орден меченосцев! Спаянную единой идеологией, единой целью, дисциплиной, верой, преданностью своему делу. Это команда отборных людей, профессионалов, рыцарей идеи. Она верна своему учению и своему вождю! Каждый в ней может верить в каждого, как в самого себя. Это единый механизм, штурмовая колонна. Ищите единомышленников, приближайте их, цените! Отбирайте верных людей, вербуйте, убеждайте, подчиняйте своей воле, внушайте веру в свой ум. Они должны верить в удачу, жить ради борьбы и победы своего дела. Отбирайте сильных и умных, умелых, стойких. Но слабые и глупые тоже могут пригодиться – если они надежные исполнители, преданные вождю и идее функционеры. Стройте партию – сильную, единую, пусть сначала небольшую – но твердую, с пробивной силой снаряда.

Второе. Создавайте отделы, нацеленные на разные фронты борьбы – необходимые, определяющие.

Отдел идеологии и пропаганды. Главнейший! Чтоб в нем работали умные люди, спорщики, интеллектуалы, демагоги, ораторы, философы и публицисты. Ни одного лозунга и тезиса врага – лживого, подлого, оболванивающего лозунга – нельзя оставлять без ответа. Без опровержения. Без того, чтобы размазать его по стенкам сортира. Равенство нор-

мальных людей и гомосексуальных извращенцев – ложь! Интеллектуальная и ментальная одинаковость рас – ложь! Умственный выбор своего пола – ложь! Кастрировать детей ради их превращения в «другой пол» – тяжкое преступление против личности и человечества. «Трансгендеры» – мужчины в женских раздевалках – преступление против морали, людей, этики, цивилизации. Все это легко опровергается, неопровержимых аргументов полно. Главное – не сметь молчать, не позволять командовать гадам, кретинам и извращенцам.

Мои «последователи» наломали дров и настригли голов: да здравствует бедность, зато торжествует догма «социализма». Смешать с дерьмом всех этих иждивенцев Марксов, политических проституток Троцких, азиатских сатрапов Мао и палачей Че, видите ли, Гевары! Объясняйте без усталы, день и ночь, пишите статьи и книги, рассылайте телеграммы или что там у вас сегодня: о нищете, концлагерях, расстрелах одними революционерами других, о лжи, цензуре, нищете и колючей проволоке на границах.

Правда – на вашей стороне! А продвигать правду всегда легче – только ум приложить надо! Говорите о разрушении семей и горе одиночества, о натравливании одних групп на другие, о вседозволенности архибогачей и обнищании народа – ведь оно идет!

Раскалывайте врагов – и натравливайте одних на других! Учитесь этому у врагов. Левых на менее левых, черных на

евреев-демократов, латиносов на протестантов, ройте компромат! – клеветайте, травите, издевайтесь!

И замените, наконец, скомпрометированное слово «капитализм» на «общество свободного предпринимательства», где разрешены и поощряются все – все! – формы собственности! В том числе и социалистическая, которая всегда обсерается, не выдерживая честной конкуренции.

А слово «социализм» заменяйте – миллионкратно, вбивая в мозги! – словом «государственная диктатура распределения». Народ – он дурак, ему нужно подать верные слова, и тогда он пойдет в огонь и в воду! Слово – это сильнейшее оружие! А суть слова понимают единицы, глупые вы товарищи капиталисты.

В пропаганде надо выделить главные направления, назначить на них конкретных людей, выработать тактику и стратегию по каждому отдельному вопросу:

– этот ваш Интернет. Создать свои сети, свои каналы. Свои, как их? – серверы, носители, «железо». И чтоб это все работало на нас и против них!

– обязательно свой телевизионный канал, радиоканал, газету – хоть бумажную, хоть электронную, смотря по обстоятельствам.

– работа с разными возрастными группами: школьники младшие и старшие, студенты, рабочий возраст, пенсионеры. В разном возрасте люди исповедуют разные ценности – необходимо учитывать это, бить в чувствительные места. Пропа-

ганда должна быть – адресной, целевой!

– система образования. Писать и издавать альтернативные учебники и пособия! Хлестко, доходчиво, на языке молодежи. Учитывая ее вкусы, ее кумиров, ее нужды. Лстить им, возвышать в собственных глазах, внушать убеждение в своей великой роли. Помните: молодежи необходимо – а) применить свои силы; б) перевернуть мир; в) самоутвердиться. Промойте им мозги: их великая миссия – создать подлинно великую страну, справедливую и счастливую! Какого хера, идиоты, вы отдали эту плодотворнейшую идею вашим врагам, вора и разрушителям? Объясняйте, внушайте, убеждайте, открывайте глаза: мир в руинах, все в говне, торжествуют кровососы и лжецы – и только молодым по силам совершить великий подвиг и очистить Землю от гадов, построить хрустальный мир будущего!!! А не концлагерь.

– агрессивное и нетерпимое утверждение твердой морали как единственного спасения человечества. Семья. Дети. Любовь мужчины и женщины. Трудовая этика. Патриотизм, защита домашнего очага от разрушителей-чужаков. Защита стариков-родителей.

– смешать с дерьмом всех извращенцев, бесплодных похотливых выродков! Показать: они психически больны, нуждаются в лечении и помощи, никакого на хрен равенства, вы что!

– воспевание нашей великой истории! Гениальность ученых и художников, героизм воинов, мудрость политиков! Те,

кто пытаются марать и уничтожать наше прошлое – грязные живые негодяи!

– и все в Интернете, в социальных сетях должны иметь постоянных поставщиков нужной информации, вошедших в доверие друзей, умных и продвинутых ровесников – чтобы от них, через них получать правильные письма, статьи, блоги, примеры, случаи, мысли – формирующие в человеке правильные, нужные, наши взгляды: жестоко противостоящие официальной левацкой мерзости и лжи. Запрещающие алгоритмы обойти не сложно: не употреблять запрещенных слов – и дело с концом; атаковать не в лоб, а обходом, мягко, с сарказмом. Нас много! Пусть каждый возьмет шефство над одним леваком – и все сладится! Лично адресоваться.

Официант! Водки! – заорал он; Трамп, выдавший всякие виды, слегка выпучился. Ульянофф, возмещая расход энергии, опрокинул полстакана в глотку, крякнул, швырнул посуду официанту и продолжал:

– Третье. Все, знаете ли, стоит денег. Деньги нужны всегда, много, много денег. Твоего мелкого бизнеса на финансирование политики не хватит. И сбора пожертвований тоже не хватит.

Необходимо работать с богачами. Заходить к ним через их детей, жен, любовниц. Искать на них компромат. Обещать им сумасшедшие выгоды впоследствии, когда возьмете власть. (Потом их можно и ликвидировать, если надо, это не проблема.) Создавать с ними совместные фонды, фирмы,

проекты. Льстить им, давить на самолюбие и самомнение: они хозяева мира, только они способны понять и оценить ваши идеи, они не только гениальны и сильны – но и нравственны, высокоморальны, ответственны, они истинные отцы нации! Возвышайте их в их собственных глазах – и внушайте свою полезность: вы даете им высший смысл жизни! Особенно хороши богатые наследники – эти идиоты не знают цену деньгам, зато падки на великие идеи.

Так что создавайте финансовый отдел. Отдел материального обеспечения. Добытки денег! Не пренебрегайте биржевыми спекуляциями. И разумеется, батенька, не забывайте про экссы. Что? Экспроприации средств – у буржуев, врагов, у государства, наконец, которое вас душит. Не только вооруженный грабеж и взломы, не только элементарное воровство (да-да-да, чистоплюям не место в политике!). Как это они у вас?.. кокеры?.. хакеры! Забирать деньги со счетов!

Партийные торговые структуры. Маклерские конторы. Партийные предприятия. Все формы легальной и нелегальной добычи денег!

Финансовое могущество – это основа захвата власти. Не забывайте. Деньги – это власть, сила, возможность как купить, так и уничтожить врага! Содержать своих бойцов, пропагандистов, революционеров – стоит денег, денег.

Четвертое. Захват силовых структур. Чья вооруженная сила – того и власть.

Полиция! Полиция за нас. Полиция ненавидит леваков,

полиция не забудет унижения, которым ее подвергли, не забудет несправедливости и глумления, которые переносила. Работать в ее среде надо осторожно – чтоб не выгоняли людей правых взглядов, которые фактически запрещены. Фактически правая партия сегодня и завтра – это запрещенная партия: она разрешена официально, но подвергается всевозможным гонениям и запретам фактически. Любой полицейский, пострадавший от леваков сам или кто-то из его родных и близких – наш человек. Только держать язык за зубами, остерегаться провокаторов, выявлять их.

Армия! Армия духовно здорова по своей натуре. Армия ненавидит педиков и феминисток с их кретинским «равенством». Армия ненавидит паразитов и идиотов, проедающих страну, которую она защищает. Армия не желает войн – войны нужны только военно-промышленному комплексу и высокопоставленным генералам – для прибылей и карьеры. В армии должны быть люди наших взглядов, умеющие убедить людей в нашей правде. Армию распропагандировать исключительно на нашу сторону. Чтоб в случае внутреннего конфликта – она выступила не против народа, а против врагов народа и государства. На командный состав – обращать особое внимание!

Спецслужбы. ФБР, ЦРУ, разведка и контрразведка всех видов и мастей – развелось их, как собак нерезаных. Выяснять слабые пункты начальства. Женщины, взятки, преступления родственников, азартные игры, неосторожные высказывания.

звания. Кто кого подсиживает. Вербовать для начала каких угодно сотрудников – ради получения информации.

Надо же помнить: масса ветеранов армии и спецслужб, отставные офицеры, бывшие бойцы больших и малых войн – они же все наши, наши! Это мужчины с простым и честным взглядом на жизнь, знающие цену жизни и смерти, ненавидящие болтунов из судов и университетов. Они-то хорошо усвоили, что друг – это друг, а враг – это враг. Друг – это тот, кто всегда прикроет, поможет, спасет. А враг – это тот, кто делает твою жизнь, и без того трудную и опасную, еще хуже: кто тебя же обвиняет за то, что ты сражался за страну и демократию, кто тебя же позорит и поносит, а сам, не рискуя ничем, болтает своим грязным языком в безопасном тылу. Они заслужили право на хорошую жизнь, хорошую работу и пенсию, право на уважение людей и заботу государства. И мы – мы! – сделаем все, чтоб они жили по заслугам хорошо. Работайте с ними.

У ветеранов – друзья и сослуживцы везде, они пользуются уважением, им доверяют, они напомнят о своих заслугах, к их словам прислушаются скорее, чем к чьим-либо.

Пятое. Молодежь.

Мы говорили об Интернете, социальных сетях, платформах, учебниках, пропаганде – все верно. Но еще:

Проникайте в скаутские организации. Берите их под себя – или создавайте альтернативные. Учить мальчишек быть сильными, храбрыми, честными, преодолевать трудности – и

сражаться с любой ложью! С любой несправедливостью! Внушать им добрые старые ценности – верность родине, друзьям, семье, своему делу! Кстати, к девчонкам это тоже относится. Только меньше драться – а больше заботиться о доме, семье, об этих драчливых, но таких глупых мальчишках.

Спортивные общества и музыкальные школы, получение автомобильных прав и дискотеки – все надо брать под контроль: пусть не сразу, но постоянно, безостановочно, сколько можно, захватывая любое свободное пространство. Чтобы тренеры, преподаватели, диск-жокеи ваши архидурацкие – были люди наших, правильных взглядов! Тогда они – через любое слово, приводимый пример, собственный облик – будут воспитывать правильных, нормальных людей.

Все эти законодатели мод, модельеры, модели, рекламщицы, кто они там – должны являть собою образцы правильных людей, воздействующих на молодежь собственным примером. Да, пидорасы захватили ваши одежные фестивали. Ну так пусть нормальные люди – корректно, терпимо, безупречно – поддерживают друг друга, создают свою сеть взаимной помощи, отвоевывают пространство.

Шестое. О, студенчество! Вечный авангард всех благих начинаний! Особое внимание – университеты. Просрали вы их, как последние мудаки зажавшиеся. Никогда нельзя успокаиваться, батеньки вы мои!..

Создаются неформальные правые товарищества студентов. Внешне – соблюдать все требования левых идиотов. На

самом деле – использовать любой возникающий конфликт, чтобы обличать левых, разоблачать, опровергать, апеллируя к здравому смыслу и традиции, но более – к закону и конечному результату. Вы что – хотите делать из студентов невежественных и непригодных псевдоспециалистов? Вы что – хотите разрушить науку, экономику, страну? Вы что – травливаете людей друг на друга? Ну и так далее.

Правые профессора. Они запуганы. Их травят и выгоняют. Им необходима поддержка! Группы студентов, которые их поддержат. И спонсоры университета, которые пригрозят ректору, декану, кто они там. И – главное! – целевая защита:

Любой компромат на лидеров обвинения и травли правых. Любой компромат на руководство. Рыть биографии, выяснять грехи их родни. Любые меры. Провоцировать сексуальные домогательства, соблазняя нужных идиотов. Подбрасывать наркотики и звонить в полицию. Делать шокирующие фотографии. И все – все! – прочее. Учти: поймать, затравить, сломать можно любого. Хотят тебя? – ну так ломай его, гада, суку, вражью морду поганую!

Плюс фонд материальной поддержки правой профессуры.

Плюс организация юридической поддержки.

Необходимо нацелиться на захват – сначала отдельные кафедры, затем факультеты, затем университеты. Начать модно с самых маленьких, с низу списка. Но двигаться вверх неуклонно, взять эту, вашу, как ее? Фигу с Куста... Лигу Плюща!

Ты можешь создать с нуля новый, пусть маленький, университет. И пригласить достойных профессоров, и хорошо платить! И он будет выпускать классных специалистов. Где они найдут работу? В фирмах и институтах, которые станут правыми, ну, поправеют, или которые ты же создашь. Образование в жопе, специалисты ваши полное говно, фирмы ищут индусов и китайцев! Ваше ебанное тупое правительство попиздит, повоняет – и начнет брать правых специалистов, потому что левые превращаются в питекантропов на глазах!

Седьмое. Юридическая поддержка! Это момент отдельный.

Надо создать Ассоциацию Правых Юристов. А назвать ее можно как угодно, хоть лига защиты рыжих кошек. Они должны защищать всех, на кого ополчатся левые. В университетах, в политике, в армии, в бизнесе. И подсказывать новые способы уничтожать левых. Плюс подсказка: какие сейчас захватывать фирмы и создавать производства. Классные юристы нужны. Оплата? Это одна из забот Финансового Фонда. Пожертвования, спекуляции, экссы, благотворительность – пусть гребут все, что можно и нельзя.

Восьмое. База! Народ, который поддерживает! Электорат. Фундамент.

Весь средний бизнес. Весь мелкий бизнес. Все квалифицированные рабочие и служащие – ну, подавляющее большинство. Все нормальные работяги.

Поставим вопрос иначе: кто за левых? Элементарно. Все бездельники и паразиты – им сулят халяву. Все архибогачи – им нужна вся власть и все богатство мира. Политиканы – они только за свою карьеру. Больше половины цветных – они тоже за халяву и за свой цветной расизм как льготу. Преступники, быдло. Плюс масса студенчества: горячи, глупы и с промытыми мозгами – ни хера не знают и верят в рай на земле, который построят по принципу уравниловки. Остальные – наши! Вся рабочая кость нации, все мясо страны, так сказать, все незасранные мозги – наши, за нас!

Это позор, батенька – с таким раскладом проиграть страну! Вы все что – белены объелись?!

Создать Ассоциацию Мелкого Бизнеса! И она – вся за нас!

Создать Ассоциацию Среднего Бизнеса! И она – вся за нас!

Старые профсоюзы ваши – продажные зажавшиеся сволочи и воры. По новой создать свои профсоюзы – водителей, строителей, моряков, моряков, кого там еще! И они – все за нас! Потому что мы – это работа, заработок, хорошая жизнь, гордость и перспектива!

Геологи, бурильщики, нефтяники, газовщики, сталелитейщики, автомобилестроители, дорожники, типографщики – все за нас!

Девятое! Идеология! Идеологическая база! Наше учение, наши лозунги, наши цели! Доходчиво, для всех!

Издать массовым тиражом мировую историю социализма

– во всех странах: кровь, расстрелы, концлагеря, грабежи, уничтожение лучших, уравниловка, ложь, ложь, ложь! – подлещи делают карьеры, экономика в жопе, наука в говне, граница закрыта намертво, и дальше – нищета, всеобщая ненависть, развал.

Фашизм, национал-социализм, социализм, коммунизм – одно и то же. Тоталитарное государство, одна партия, один вождь, нетерпимость и жестокость во имя «трудящегося народа». Объяснять, внушать, повторять, вбивать в мозги бессчетно! Десять тысяч повторений – равны убеждению.

Свобода! Свобода мысли, слова, печати, предпринимательства! Честные выборы, полная прозрачность власти. Ты, гражданин своей страны – ее хозяин, ты – власть, ты – законодатель, ты – кормилец, ты – судья! И никто – НИКТО! – не вправе указывать тебе, как жить, как работать, что думать и говорить.

Ты свободен быть кем хочешь – по своим способностям: капиталистом, профессором, актером, рабочим, инженером, фермером. Учись, работай, добивайся. Беден, но способен? – государство даст стипендию. Беден, но энергичен и честен? – банк даст кредит. Нет для тебя никакой работы? – государство даст пособие. Не хочешь работать? – пошел на хуй, паразит!!!

Наши святыни – мать и отец, дети, братья и сестры, семейный очаг. Наша родина, наши предки, те, кто пал за свободу и независимость страны, кто основал ее и передал нам

в наследство. Наша вера, наша религия, наши убеждения в равенстве всех людей – равенстве их прав и возможностей.

Каждый, кто хочет честно жить и работать рядом с нами, разделяя наши ценности – наш друг и брат. Каждый, кто хочет разрушить наши устои, наши ценности, наши принципы, кто навязывает нам чуждые взгляды, кто пытается разрушить нашу страну, наш общий дом – наш враг: и нет с ним мира, нет к нему терпимости, нет ему места в нашей стране!

Будь свободен и счастлив, живи на радость и во благо себе, ближним, согражданам, стране! Трудись, будь честным, презирай болтунов и бездельников. Не будь паразитом, не грабь ближних, не затыкай людям рот, не рой все глубже пропасть между богатыми и бедными.

Воспевайте героев. Повторяйте родную историю. Пусть все знают, как удача приходит к трудолюбивым, упорным и честным.

Обличайте мракобесие! Запрет наук под личиной «политкорректности»! Перевертывание правды во имя идеологии. Расизм под маркой «равенства». Запрет книг и статуй, фильмов и симфоний! Откройте глаза всем: это и есть фашизм!

Даешь! Проповедников, дикторов, философов, учителей, писателей, активистов всех уровней и мастей – даешь наши идеи в каждую голову, в каждые уши!

Свобода, правда, справедливость, процветание! – вот наши устои! Черт вас всех побери! Кретины, говнюки, гнилые интеллигенты!..

Ульянофф ловко соскочил со стола, вытер кепкой вспотевший череп и хлопнул ею оземь, упал в плетеное креслице, цапнул трамповский стакан с кока-колой и допил одним глотком. Перевел дух и продолжал чуть менее напористо – словно оратор вернулся с площади в совещательную комнату.

– Продолжаю – просипел он, зло сморщился, вскочил, пинком отправил креслице из-под навеса на яркую под солнцем траву и прочистил горло каким-то звериным рыком – не львиным, но вполне угрожающим:

– Десятое! Искусство! Искусство принадлежит народу! Вот этой херне верить не надо – это лозунг для пропаганды.

Революции необходимо искусство. Революция – сама искусство! Революция несет новую эстетику, новые темы и формы.

Искусство должно принадлежать партии! Быть партийным – по содержанию и по форме. А народом оно должно быть понято и принято как свое собственное. Искусство – это идеологическая инъекция, батенька вы мой. Под общим обезболиванием.

Что такое искусство? Молчи, буржуй (сделал он жест, заметив, что Трамп открыл было рот). Позолотил квартиру, как коту яйца, и решил, что искусствовед. Искусство – это образ: мысли, чувства, действия!

Искусство – это не просто форма воспроизводства культуры (в широком смысле слова). Искусство – это форма, по

которой человек лепит себя. Идеал человека, идеал поступков, идеал мировоззрения, идеал сферы чувств – все это человек черпает из искусства. Эстетика – эстетика это все чепуха, для профессоров, эстетика всегда условна, это обертка для конфеты. Обертку можно нарисовать любую, лишь бы клиент клюнул и поверил. А вот конфетная фабрика – это партия. Наша партия!

Покупайте, вербуйте, привлекайте на свою сторону профессоров эстетики, искусствоведения и прочей мещанской лабуды. Эти – самый дешевый товар. И критиков обязательно – телевизионных, газетных, радио, что там у вас еще. Эти – легче всех: самые продажные, говно повидлом объявят без раздумий. Вот все они будут объявлять нужное вам искусство шедеврами и вводить в моду.

Партийная критика! Партийное искусствоведение! Вы поняли меня, товарищ? Простите – господин буржуй? Попутчик наш...

Молодежь? О, в первую очередь. Музыка, рэп-шмэп...

Вербуйте, покупайте, приручайте любым способом – модных певцов и музыкантов, кумиров юной толпы, этих безмозглых романтиков, жаждущих действия. Пусть они поют о славе героев! О подвигах предков! О верной и крепкой любви, наконец, и не педерастической этой мерзости, а любви высокой, прекрасной, о сильных юношах и нежных девушках, о преодолении трудностей, о скитаниях, в конце которых свой надежный дом! О старых отцах, которые защитили,

о старых матерях, которые родили и вырастили, о предках, которые освоили эту землю и кости которых лежат в ней. О самоотверженности солдата, который отдал жизнь за друга и родину, о летчике, который посадил неисправный лайнер и спас триста пассажиров, о капитане, которому не хватило места в шлюпке и он ушел ко дну со своим кораблем, но остальные выжили.

Найдите молодых писателей и купите старых: пусть пишут книги в духе героического реализма. О труде и войне, о победе и счастье, о долге и дружбе, о благе народа и родины, наконец! И чтоб не ковырянье в жопе, не вонь гнилых зубов, не хуй драть в унитаз – чтоб здоровые сильные люди! С мозгами и душой, кулаками и жаждой жизни! Наплодили тут уродов, отбросы, понимаете ли...

Биографии героев мировой истории. Описание великих открытий и изобретений. Жизнь Аристотеля, Наполеона, Ньютона, Кромвеля, наконец!

Искусство, литература – должны воспитывать борца, правдолюбца, трудягу, человека с большой, черт вас всех возьми, буквы!

И покупайте критиков, интеллектуалов, профессоров, площади в газетах – хвалить это все! превозносить! как это? – раскручивать!

Живопись! Послать на хуй открытым текстом всех этих мазил и шарлатанов с их пятнами, горшками и говном в баночках! Жизнь!!! Пусть рисуют сильных красивых людей

– и даже преодолевающий свой недуг инвалидов. Красоту и мощь природы, детей, влюбленных, усталых наработавшихся стариков. Люди ищут в картинах жизнь, чувства – а не их мудацкую заумь!

Одиннадцать. Моды! Не смейтесь. Мужчины должны быть похожи на мужчин, а женщины – на женщин. Задавите этот кретинский ваш «унисекс», это все мятое, как из жопы, бесформенное, безликое. Одежда должна облагораживать! Сила и стать мужчины, стройность и женственность девушки, аккуратность, красота, романтика, черт возьми! Хватит этой помойки, этих грязных волос и прыщавых харь, свиных глазок и жирных жоп! Наш идеал – здоровый, красивый, сильный, энергичный человек: покоритель мира, кумир друзей, ему все по плечу!

Н-ну-с, батенька, мы подходим к концу. Устал, в головку не вмещается? Запоминай, думай.

Двенадцать. Проникновение во все узлы государственно-го механизма с тем, чтобы их контролировать и захватить. На уровне штатов, округов, муниципалитетов, городов, что там у вас еще. Все суды всех уровней, все прокуроры, сенаты-конгрессы-легислатуры-что-там-у-вас, и – архиважно! – все эти избирательные комиссии, почтовые отделения, машины эти ваши компьютерные. Должна быть разветвленнейшая сеть! На каждом уровне – должен быть комитет, который создает и контролирует комитеты под собой, на уровне более низком.

Тринадцать. Теперь – переходим к выборам, да? Вы усвоили, что никаких честных выборов вам не будет, да? Ну так боритесь! Уничтожайте врага! При каждом пункте – организованная – ор-га-ни-зо-ван-на-я! – команда по контролю: наблюдатели, юристы, силовики-охранники (которые не дадут вытолкнуть людей), журналисты и блогеры. И не позволять – не паз-ва-лять! – никого отталкивать, удалять, отодвигать, тут же разоблачать ложь о прорванных трубах, категорически воспрещать закрывать окна от наблюдателей, прекращать подсчет и тому подобное. Повторяю: обеспечить каждую команду на каждом избирательном пункте юристами, силовиками, ораторами-демагогами, массовой поддержкой, сменным составом – смену обеспечить, сутки стоять на ногах у пункта люди не могут, составить график дежурства и контроля. И – обязательно! – свои люди в полиции: подкупить, нарыть компромат, как угодно – озаботиться заранее.

Четырнадцать. Организационный отдел. Орготдел, как вы уже поняли, является важнейшим в партии. Именно там – ищут и отбирают кадры, планируют направления и участки работы, контролируют весь процесс. Это, так сказать, итоговый пункт нашей программы.

Ну, и пара мелочей напоследок:

Пятнадцатый, стало быть, пункт: не пренебрегайте террором. Ваши враги не стесняются убить кого угодно, если им это нужно и сойдет с рук. Нельзя отказываться от террора! – нет, о массовом мы не говорим, нет-нет, потом не остано-

вишь, сам в конвейер угодишь. Точечный, целевой. Убрать самых вредных людей, ключевые фигуры во вражеском стане. Как там говорили наши эсеры? «Любого можно убить». Пусть вас подозревают – хрен докажут! Прав останется тот, чья пропаганда лучше. Нужен свой, хорошо законспирированный, отдел ликвидаций – о нет, назвать его можно иначе, скажем: «Комиссия по гуманитарному равновесию». Специалисты все это умеют. Ликвидацию обычно проводят агенты, которых играют втемную. Да, батенька, мы все это когда-то проходили...

Ну, и последний пункт – шестнадцатый.

Против вас играет весь мир: глобалисты Запада, гегемонисты Китая, мусульмане Востока и вечно носящая нож за голенищем Россия. Против вас – Мировой Социалистический Интернационал, а это огромная сила. (Я бы их поддержал, но они давно уже продажные извращенцы, социал-фашисты с больной психикой, комплекс Герострата.)

Создавайте мировую сеть народов и государств Свободного Мира. Руку дружбы зарубежным политикам, борющимся за свободу против своих социал-фашистов, захвативших власть – всех этих Меркелей-Шмеркелей, Макронов-Шмакронов, против этого Брюсселя, где по краям – исламские головорезы, а в центре – охувевшие от своего гуманизма буржуа утопили мозги в пиве.

Помогайте им деньгами (только по-умному, тайно), пропагандой, обучением. Обменивайтесь связями. Посылайте

своих людей – в нужный момент они помогут вам своими людьми, своими политическими связями. Пусть они вместе с вами работают над воссозданием, над реконструкцией свободного мира, его идеологии, его искусства, политики, черт возьми!

Вместе вам будет легче включать в свою орбиту колеблющиеся страны, распространять свое влияние на третий мир, перехватывать связи и заказы Китая и Исламского Востока – и непреклонно удушать своих врагов.

– Как бы нам это все назвать... – задумчиво протянул здоровый. Глаза его сузились. Губы были пригнаны плотно, как кирпичи.

Маленький встал, покачнулся с носков на каблуки, прочно расставил ноги, выбросил правую руку вперед, словно приветствуя дальних друзей:

– Да здравствует контрреволюция! – провозгласил он, катая «р» во рту, как шарик.

Здоровый хмыкнул и рассмеялся.

– Согласен: по сути верно, а по форме издевательство, – кивнул увлекшийся лектор-стратег и рубанул воздух кулаком:

– Реконкиста! Добро берет реванш. И не бойтесь пафоса, батенька, – прервал он открывшего было рот партнера, – толпа обожает пафос. Большие слова – символ великих дел. Слово – должно воплощать в себе великую идею, великую веру – в нашу победу! В нашу правду! Добро всегда побеж-

дает! Наше дело правое, победа будет за нами! Каждый должен быть убежден в этом. Правда горит в наших сердцах!

– Теперь мне понятно, почему они держали тебя в этом гранитном форте, не спуская с него глаз, – проговорил Трамп.

Легкий апрельский ветерок пошевеливал край тента, сдул бумажную салфетку со стола.

– Люблю хорошую драчку. Всем козью морду сделаю, – мечтательно пообещал Ульянофф.

Глава 13. Мама, папа ранен!

В полдень над Уитерборо загремел колокол. Звон его был так тревожен и громок, мелодичен и надтреснут в то же время, что персонал и ходячие больные госпиталя Святой Марии ринулись к окнам, а сидевшие в баре «Ла Газелы» высыпали на угол Медоу и Вест Мейн стрит.

Колблющий пространство медный гул не имел ничего общего с деликатным перезвоном Церкви Непорочного Зачатия в нескольких блоках отсюда. Колокол неистовствовал на высокой часовой башне Юнион Стейшен, главной достопримечательности города. А предшествовали этому странному и настойчивому звону следующие события:

Немногими минутами ранее к краснокирпичному параллелепипеду башни, вздымающейся на двести сорок футов в небо над городским пейзажем, подошел человек не совсем обычного вида и еще менее обычных манер. Черный чуб его торчал дыбом, рот изгибался самой распутной гримасой, а глаза под высокими вразлет бровями имели выражение насмешливое и даже издевательское. Но внешность была отнюдь не главным, как немедленно выяснилось.

Подобно фокуснику, из одного кармана он извлек живого паука, из другого – стакан с вином, окунул паука в вино и положил на ломоть хлеба, для чего поставил стакан у ног, а ломоть достал, опять же, из кармана. После чего, придержи-

вая паука на хлебе указательным пальцем, сунул половинку сделанного бутерброда в рот и начал жевать.

Проходившая по тротуару женщина взгляделась и взвизгнула. Тинейджер на скейтборде резко остановился, крутнув доску на пятке, и одобрительно заржал. Старик в соломенной шляпе удержал прыгающие движения кадыка, но тонкий рыгающий звук удержать не сумел.

Стало понятно, что это городской сумасшедший. Гривастый студент (хотя вероятнее бездельник) сообщил, что это определенно художник и он совершает акцию. Старая леди высказала мнение, что такой урод может быть только французом, она в молодости жила в Париже и знает. И уже нашлись очевидцы и знатоки, которые объясняли, что это старый художник из Европы, малюет всякую хрень, но иногда богатые мудаки его мазню покупают. А знакомый соседа художника сказал, что сосед ему рассказал, что его зовут Ив, а вот фамилию точно не помнит: не то Ли, не то Маск-о-Ги, а может Санги.

Закончив трапезу, человек допил вино, вытер пальцы о штаны, вплотную приблизился к стене башни – и вдруг с непостижимой (именно непостижимой!) ловкостью полез наверх. Не то как матрос парусного флота, не то даже как съеденный им паук.

Он легко миновал одно над другим три окна, передохнул полминуты на широком карнизе, по вертикальной поверхности пополз вверх, впиваясь пальцами в швы между кир-

пичей, достиг огромного круга часов, держась за стрелки и упираясь ногами в цифры добрался до пилонов балкона и, подтягиваясь на руках, сумел залезть на этот балкон, квадратом окружающий колокольню по всем четырем сторонам.

Зрители задирали головы.

– Как ящерица по стенке, – сказали из парка через дорогу.

Человек помахал с поднебесной высоты балкона, повторив жест на все четыре стороны, и скрылся в арке колокольни, венчающей башню. После чего и раздался удивительный звон, неправдоподобно громкий и странного тембра. Скорее в нем было звяканье латунной гильзы и пение чугунного рельса, чем мелодия благородной бронзы.

А когда минут через пять звук прекратился, и мозги всех, кого он настигал, перестали рассыпаться в резонанс и вибрация пространства утихла – человек вновь появился на балконе. Вероятно, там была заранее установлена какая-то звукоусиливающая аппаратура, какие-то колонки стадионной мощности. Иначе ничем нельзя объяснить отчетливый и богато интонированный, как в консерватории, голос, мощностью много оглушительнее мегафона полицейского вертолета, с небес сокрушающего сознание:

– Кэй! Детка! Мамочка! Папочка ранен! Об этом должен узнать весь мир! Это мой главный, эпохальный, нетленный шедевр!

Меня смертельно ранил Искусственный Интеллект! Он умнее человека – и ему не нужно искусство! Тупые машины,

арифмометры и манипуляторы, уже жрут человека. Компьютеры травмировали меня, они меня жрут! Мой гениальный мозг, мои шедевры, мою душу, мое стремление к прекрасному, мою любовь к красоте и людям. Они жрут мою любовь к тебе, любовь моя! Искусственный Интеллект причинил мне нестерпимую боль! Он оскорбил меня, шокировал, он травмировал мои чувства, вверг меня в депрессию, не дает мне работать! Я требую суда над ним, требую наказания и возмещения причиненного мне вреда!

Меня смертельно ранили социалисты! Они хотят лишить меня права на мои шедевры, они объявляют, что шедевр – заслуга не художника, а всего общества, среди которого он живет – и поэтому принадлежит всему обществу! Твой гений принадлежит народу! Сдохните, ублюдки, импотенты, идиоты, мой гений принадлежит мне, а не вам! У меня приступ удушья, сердцебиение, лихорадка. Моему здоровью нанесен непоправимый ущерб. У меня пропал стимул к работе. Я требую возместить мне утрату работоспособности!!! Пусть общество само себе рисует. У меня трясутся руки, радужные круги в глазах... Они преступники! Убийцы!

Панические атаки сокрушают мою нервную систему. Я – невинная и беззащитная жертва мусульман! В Христа я верую, в Деву Марию, в Святых Апостолов, вера моя истинная! Почему в моем доме негодяи смертельно ранят меня своими надругательствами – своим многоженством, своим еретическим шариатом, своими призывами к джихаду, от-

крытием своих храмов на моей христианской земле. Их женщины оскорбляют меня своими закрытыми лицами, своими черными балахонами и платками – они выказывают презрение ко мне, ненависть к моим взглядам, моим традициям и моей культуре. Они показывают: мы чужие вам, и мы будем на вашей земле вместо вас. Сыны Ислама глумятся над нашими женщинами и истекают похотью, но смеют презирать нас за то, что мы любимся женщинами, как любимся красотой во всем. Мухамед не мой пророк, зачем его последователи кричат с минаретов призывы молиться ему – на моей земле. Пусть мусульмане живут на своей земле по своим законам! Они оскорбляют меня ненавистью к свинине, они эстетически травмируют меня своими позами на молитве, когда зад поднят к небу, а голова воткнута в землю – эта непристойная поза шокирует меня как художника и христианина. Ранено мое чувство прекрасного, разрушено чувство защищенности, у меня отнято чувство единства и братства со всеми окружающими людьми – какое же братство, если тебя изобьют за взгляд на женщину или зарежут средь бела дня во имя величия Аллаха.

Я ранен! Кровь течет из моего сердца. Как мне жить?

Извращенцы всех мастей, потерявшие не только стыд, но разум и брезгливость, смертельно ранят меня! Их агрессия и нетерпимость, бесстыжая похоть и пропаганда мерзости, от которой блюют нормальные люди, сделали меня больным. Моя чувствительная душа художника не может перенести

этого глумления над святым – над любовью мужчины и женщины, божественной любовью, данной нам свыше, любовью, которая есть источник всего живого на земле. Я ранен! Спасите меня! После этих злых уродов не останется человечества, они извергают семя свое в мужскую жопу, на землю, куда угодно, только не в лоно любимой женины. А их женщины лижут пизду друг другу и говорят, что это хорошо, сладко и современно более, чем любовь по заветам Господа. Моя душа христианина корчится в муках, моя вера предается поруганию.

Кэй! Жена моя, мать моя, дочь моя, любовь моя! Мама – папа ранен! Удастся ли ему выжить? Дашь ли ты негодьям глумиться над ним, чтобы он умер? Умру ли я неотомщенный? Я – человек, мужчина, художник!

Уже неземным светом залит наш безвоздушный мир. Людские тела и лица превратились в бесформенные куски фантастической плоти, черные фасолины и цветные кляксы. Черный туман валится в геометрический мираж, и я не могу там жить.

Это не искусство. Это безнадежные грезы смертельно раненного.

Господи. Я был моряком, я был солдатом, я был шутником и пьяницей. Неужели... неужели мой путь был – к сегодняшнему дню?... Неужели мои картины ранили мир... я не хотел, я же не всерьез, я двигал искусство вперед... а где перед, да?..

Но я же не призывал душировать людей, калечить их души и разрушать мир! Или я – художник – предчувствовал это?..

Господь, мой Создатель и Хранитель... Страшные мысли приходят в голову перед тем, как с высоты ринуться в бездну земли. Стрелки часов подо мной отсчитывают минуты моей жизни, и внизу, под башней, под асфальтом – земля, земля, которая меня примет... О нет, сожгите мою плоть, развейте мой прах над бескрайними волнами!

Я писал нечеловеческий мир – и дух мой будет вечно решать загадку Сфинкса: я лишь проницал подлинный и страшный облик мира и писал его таковым – или я, грезя, писал его, и он таковым сделался. Mea culpa. Лучше бы я погиб молодым, в Тунисе, я был хорошим сержантом.

В меня попали! Гады, они все достали меня.

Мама, папа ранен!

Глава 14. Убей гадов

Сидели они в маленькой квартирке на шестом этаже, и стояла между ними бутылка и пепельница. И было им на вид лет под сорок. Один мужчина обладал внешностью потрепанного земной жизнью ангела: чистое лицо, женственный рот, льняные волосы, голубые глаза, но вот морщинки у глаз и складки у рта придавали ангельскому лицу выражение усталости. Второй же был здоровенный мужчина, похожий на Джона Уэйна в его лучшие годы. Только стетсона и шейного платка не хватало.

Ну, а за окном был нормальный городской пейзаж, а в углу что-то мелькало в телевизоре.

И не было бы в этой расхожей бытовой сценке ничего примечательного, если бы не бешеная ярость в речах одного из собеседников и не ужасное их содержание. Что примечательно: огонь и дым извергал именно голубоглазый ангел, а мялся и кряхтел brutальный мачо. Что еще раз подтверждает известную истину о том, что внешность обманчива.

– Мы ничего не можем с ними поделать, Джо. Их много. У них вся власть. И деньги. И телевидение, и социальные сети. И армия. Правительство. Отряды штурмовиков. И масса людей верит им, вот что самое страшное! Что же мы можем сделать?..

– Убивать!

– Кого? О чем ты говоришь?.. Их много, они сила. Кого убивать? Никого ты не перебьешь. Всех убивать станешь, что ли?

– Нет. Всех не надо.

– А кого? Кого – надо?

– Знаешь, я ведь все терпел. Долго. Очень долго. Терпел, когда в колледж приняли не меня, а негра. Он был глупее и ни хрена не знал. Но он же был черный! И этого было достаточно. Потом терпел, когда старшим диспетчером поставили не меня, а негра. Он с трудом считал и вечно все забывал, но он же был черный! А это главное.

Потом меня погнали на курсы расового раскаяния, или как там это у них называлось. На этих курсах учили, что ты дерьмо, потому что белый. И все, что сделали белые – дерьмо. И наша страна дерьмо, потому что она расистская. И вся наша история. Наш флаг, и отцы-основатели, и писатели, в общем – все дерьмо. А главное в мире – это черные.

И еще – главные все бедные. Насрать, что бедный может быть ленив, жулик, нарк, бездельник – это ты виноват! Потому что у тебя – белая привилегия. И ты должен на него работать, ты понял? Ты должен свое заработанное отдавать ему, чтоб он жил не хуже тебя. Потому что это называется социальная справедливость.

Знаешь, я стерпел, когда моего старика в Балтиморе свалил на улице какой-то черный гад. «Белый медведь», ну, знаешь. Игра такая, милая такая, игра черных сукиных детей.

Свалить белого с ног одним ударом в челюсть. Незнакомого. На улице. Неожиданно. Лучше – старика: его легче свалить, и сдачи не получишь. Я должен был поехать туда, найти гада и изуродовать. Отец получил сотрясение мозга и месяц пролежал в госпитале. А я утешал его по телефону. Мудак сраный.

Но когда они добрались до детей – это все. Это конец. Это предел. Больше им живым не ходить. То есть какая-то красножопая сука, какая-то демократическая мразь порылась в сетях и решила, что я «допускаю экстремистские высказывания». Разжигаю рознь. Подрываю демократию. Какую еще на хер демократию в этом фашистском государстве?!

И вот. Пришли. Трое. Полицейский, лоер и уполномоченная или как ее там по опеке. Ну, все дома, суббота. Открыл. И на тебе: постановление.

Дженни сразу побелела, у нее истерика, кричит, детей обхватила. Они не поняли ничего, испугались, режут. А эти две тетки, уполномоченная с лоером, шасть, значит, к детям и расцеплять их стали: мол, пойдемте, деточки, вам будет хорошо, а мама потом к вам приедет, и вещи ваши потом заберем, и игрушки.

Ты понял? Ну – скажи мне: что делать? Как быть? У Майка слезы градом, Джен в мать вцепилась, ей пять лет всего. Ну – как быть?

– А у них бумаги все в порядке были, что надо?

– Будь спокоен. Целая пачка.

– Потребовать адвоката.

– Да, говорят, конечно: обращайтесь в любое время на сайт. А лично – запись: по рабочим дням с девяти до одиннадцати. А сейчас отойдите, вы нарушаете закон, это уголовная ответственность. Преступник!

– Да...

– Вот тебе и «да», блять. Короче, оружие они же давно у всех отобрали. Ну... У нас у двери на полочке ваза стояла, латунная, с узорами, фунтов шесть. Схватил я вазу – и вѣбал полицейскому по башке!

– Ну и?..

– С копыт! Вытащил его «глок», суки сразу обмерли, вид такой – не верят, что происходит. Ну, я их пристрелил на месте. Суки, мог бы – порвал на куски!.. Ну, и полицейского тоже пристрелил – для страховки, вдруг он еще живой был.

– Бля-ать... Чего теперь делать-то...

– Чего делать. Все уже сделано. Никто, вроде, выстрелов не услышал. А может, услышали, да никому ни во что вмешиваться неохота. Мы в пять минут – документы все, наличность, что была кроме карточек, ну там кое-что из одежды – и в машину. А их машину на место своей загнал. Чтоб не маячила перед домом. Раньше, чем через полчаса, не должны ведь хватиться.

Через двадцать минут я Дженни с ребяташками оставил в закусочной, а сам подъехал к гаражу, продал свою машину и купил другую, неброскую такую «тойоту короиллу». Дунул

на восток, потом на юг, и перебрались мы в Мексику. Слава богу, стену так никогда и не достроили.

– Слушай, так на кой ты сюда вернулся? Найдут ведь!

– Замучатся искать. Документы сделали мне ребята нормальные, в компьютер тоже вбили все, что надо. Я теперь Ян Ковальский из Польши, рабочая виза.

– С ума ты сошел! Твои отпечатки пальцев у них в библиотеке – сто процентов, дом же тогда весь обнюхали, иначе и быть не может. Ты до первой проверки. Фейс-контроль, первый же полицейский.

– Ты еще в школе медленно соображал. Отпечатки в библиотеке давно заменили. Огромное удобство нашего времени: чтоб ограбить банк, не надо вылезать дома из кресла. Или похитить планы генштаба. Хороший хакер – хозяин мира, Робин Гуд, блять, перед которым трепещут вашингтонские шерифы.

А здесь я – воевать. Не могу, понимаешь? Внутри все горит. Не могу больше терпеть. И когда врут нагло в глаза, и когда людей унижают, и когда уничтожают все, что потом и кровью создано было – убивать! Они только это понимают. Они уничтожили страну, они хотят уничтожить всех нас. Мозг из нас вынуть, душу вынуть, и вложить вместо них свое говно.

Видишь – уничтожает судья человека, который посмел не любить БЛМ, не встал на колени? Убей гада! Глумится наглый отморозок над приличным человеком? Убей его на ме-

сте! Его уже не перевоспитаешь. Видишь – закрывают магазинчик, где люди работали, а корпорация только и знает свои супермаркеты открывать повсюду? Убей того, кто закрыл. Кто это постановление принял. Кто по душу хозяина пришел. Убей! И только тогда другие поймут.

Разучились мы за свободу бороться, за свое место под солнцем. Что ж... Пока мы еще живы – не поздно поправить дело...

Они хотят сделать Штаты страной негров, латиносов, мусульман и пидарасов. Все блага бездельникам, вся власть лжецам! Вот их лозунг – ты понял? Не выйдет! Это мы все построили, это наши предки эту страну открыли, освоили, построили, подняли.

И никому – никому! – отдавать ее нельзя! Много всяких паразитов на готовое-то место, на теплое да сытное, поналежет и начнет в мозг срать, что это их содержать надо. Так вот – убей гадов! Хуже уже не будет. Хуже уже ничего нет.

И я тебя уверяю, когда мы, нормальные работяги, природные и потомственные американцы, разозлимся всерьез – ну так мы уже разозлились. Зря эти ребята разбудили зверя.

Так что – весь тебе мой сказ. Убивай гадов! И если это будет убеждением всего народа – да им хана. Они же все дармоеды. Паразиты. Только болтать умеют, а еще умеют воровать, ломать все и кланчить халяву.

Все продажные подлые политики, все эти миллиардеры, вообразившие себя диктаторами мира, все эти ученые болту-

ны из их вонючих университетов, где учат ненависти и коммунизму, все эти погромщики и фашисты всех цветов радуги, все эти пропагандисты ебли мужиков в жопу – им мало было, что им давали дышать? Им мало было, что им еще шли навстречу и давали всякие льготы? Так они еще решили нас уничтожить – нас, нормальных, белых, работяг, семейных, честных? За что, сука?! За то, что мы не такие, как они? За то, что мы нормальные? Что им неохота чувствовать себя неполноценными уродами рядом с нами? И поэтому нас надо уничтожить? Ну так мы уничтожим их.

Это не люди. Это гниль, гангрена, сифилис, падаль смердящая, которая отравляет все вокруг. И если она теперь убивает нас – ну и пиздец им! Убей гадов!

Глава 15. Утопия по имени «анти-»

На Днях Философии в Бостоне я делал доклад по энергетической сущности эволюции Универсума. Секция была чахлая, хотя и многочисленная: человек шестьдесят в аудитории.

«Философия жизни», по-моему, вообще дурацкое название, чтобы обозначать им одно направление. Которое даже не направление. (Разве что противопоставить ей «Философию смерти».) Вообще их в тот день кроме Ницше и Бергсона никто не интересовал. Про Ницше, естественно, пели самые туповатые и восторженные, а про Бергсона претенциозные снобы. Модераторствовал профессор, которому на вид было столько лет, сколько люди не живут. Его интересовали две вещи: регламент и чтобы без мата.

Красивых девушек не было ни одной, а это верный показатель, что семинар фигня. Женская красота – это барометр значимости события, а если про интеллектуалов – это еще и показатель мудрости. Я знал женщин, которые кончали при виде нобелевского лауреата. Даже его медали.

Солнце хлестало в окна, кондиционер гнал вьюгу как в рефрижераторе, на желтых столах голубела вода в бутылках, и все человеческие проблемы сейчас представляли чисто теоретический, академический интерес.

На доклад полагалось пятнадцать минут, так что никакие

это были не доклады, а сообщения. Но я уложился. Это две тысячи слов, а в две тысячи слов можно упаковать любую идею, если ты умеешь выделять главное. Так что я выступил ударно. Так ударно, что едва ли человек пять поняли суть. Остальные не догоняли.

Ну, с теорией моей вы знакомы. А если еще незнакомы, то и рассказывать незачем.

Начались пять минут вопросов и обсуждения. Вопросов нет. Все молчат. Пытаются переварить.

И тут встает один ухарь. Задорный такой, напористый. Из Кембриджского колледжа. Они в первые полторы тысячи по стране не входят. А в мире вообще за шестой тысячей. Простые ребята. Этот, судя по манерам, работает вышибалой и мечтает вырасти до бармена. Крепенький такой, кучерявый и злой, как некормленный.

Встает он и говорит:

– Ну и что?!

Если честно, я растерялся. Я такой вопрос в баре за пивом понимаю, перед дракой понимаю, а в философской дискуссии услышал впервые.

– В каком смысле, – спрашиваю, – «ну и что»?

А его заклинило. Есть такое понятие – «фрустрация». Он бы хотел учиться в Гарвардской школе бизнеса, иметь АйКью сто сорок и отца – владельца большой фирмы. А его шпыняют за тупость, и на лбу у него написано: «лузер». Из таких получают отмороженные наркоторговцы и комму-

нисты.

Он повторяет громче и злее:

– Ну и что?!

Я говорю:

– Шестнадцать!

Он спрашивает непонимающе:

– Что – шестнадцать?..

Я и отвечаю:

– А что «ну и что»?

Его лицо искажается от умственного усилия. Потом от злости, что его заставили думать. В аудитории кто-то ржет. И он из этой ужасной своей деформированной рожи по кирпичам выталкивает фразы:

– Ну вот вы это все рассказали. Хорошо. Допустим, это даже так. Ну и что? Что из всего этого?

– Во-первых, – сказал я, – из всех философов мне более всего нравится Протагор, а из всего сделанного Протагором – как он хорошо увязывал дрова, когда работал дровосеком.

Парень наморщил лоб, и при этом у него приоткрылся рот – словно кожи хватало только-только покрыть лицо внатяг. Он думал. И я тоже думал, причем лихорадочно. Спикер не собирался мне помогать. По-моему, я ему не нравился. И он получал удовольствие от ситуации. Свобода слова, а как же. Прочие же откровенно развлекались – философия в этот день была скучная, прямо скажем. Они надеялись понять меня лучше в ходе этой неординарной дискуссии. Ко-

гда выкручиваешься после вопроса дурака – всегда переходишь на язык детской энциклопедии. Тогда и докторам философии все понятнее становится.

Куда как быстро соображаешь, чтобы ответить дураку перед толпой. Я раньше-то для себя ведь не думал «ну и что». Ни один ученый не думает: «Ну и что». Ликовать и стричь бабки или раскаиваться он будет потом. А пока у него просто захватывает дух, что он придумывает нечто новое, небывалое, потрясающее, и у него классно получается!

– То есть вы хотели бы от меня услышать, какие могут быть практические последствия и выводы из моей теории? – спросил я. – Что из этого всего может выйти? На что это может повлиять, как это использовать и что это может вообще в жизни изменить – хоть в жизни человечества, хоть в развитии какого-то философского направления. Я правильно вас понял?

– Именно! – надавил он со снисходительным презрением к тупоумному мне, не понявшему его сразу.

– Следствий довольно много, и все они важные, – сказал я. – Первое. Это означает, что человечество не стремится ни к счастью, ни к созиданию, ни к справедливости, ни к знанию, а также ни к гармонии, ни к любви. То есть все перечисленные стремления безусловно существуют. Но они отнюдь не самоцели, не самоценные величины. Это все эпифеномены, сопроводительные явления.

Стремится же человечество – объективно, в силу приро-

ды, по устройству Мира, помимо своего сознания – к совершению максимальных действий. То есть: к захвату, переработке и выделению все большего и большего количества энергии окружающего Бытия, окружающего энергоматериального пространства.

Второе – и самое важное для нас. Это означает, что все и любые попытки «улучшить», «усовершенствовать» человека в сторону рациональности поведения, в сторону гармоничного комфорта его существования, так сказать – ошибочны и обречены на провал. Все коммунистические идеологии и теории всех мастей исходят из примитивного антропоцентризма. Они сводят предназначение человека исключительно к его, человеческому, благополучию. Полагая существование человечества во Вселенной излишней и временной случайностью. Вот эту научную и, более того, умственную ограниченность мы должны преодолеть и отбросить.

Третье. Осознание места и роли человечества во Вселенной – позволяет нам осознать сущность прогресса и адекватно к нему относиться. Сущность прогресса не в том, что человечество обязательно достигнет счастья, гармонии и справедливости – но в том, что природопреобразовательная деятельность человечества от начала его существования постоянно нарастает – и конца, границы, предела этому росту принципиально не существует. Это и есть суть прогресса. Это и есть объективная, Вселенская суть существования человечества.

Четвертое. А поскольку психологическая мотивация действий человека основана на неудовлетворенности существующим, что есть исходное и дежурное состояние человека, обуславливающее постоянную переделку мира – то: не будет вам, граждане, гармоничного, вечного и единого социального мироустройства. Социумы будут зарождаться и восходить, падать и гибнуть. Существование утопического государства – то есть социально уравновешенного и соответствующего раз и навсегда определенным потребностям человека – невозможно в принципе. Социальное устройство любого общества было, есть и будет основано на одном базовом уровне: как можно больше потреблять, перерабатывать и производить.

Пятое. Все и любые идеологии и политико-экономические теории являются лишь попытками объяснить с точки зрения сознательной человеческой деятельности, направленной на удовлетворение человеческих же нужд, эту нехитрую истину энергоэволюционизма, изложенную в предыдущем пункте.

Шестое. Смены общественно-экономических формаций вечны – исходя именно из повышения их КПД и общей мощности по части энергопреобразования.

Седьмое. Именно поэтому замена органической, биологической, человеческой цивилизации – цивилизацией машинной, компьютерной, неорганической – логична, естественна и неизбежна: объективна. Искусственные неорганические

системы в перспективе производительнее нас, их КПД в перспективе неизмеримо выше нашего, на единицу лично потребляемой энергии они способны производить на порядки больше работы, и в конце концов они будут умнее нас. Прием пределов ни их уму как мощности аналитическо-операционной системы, ни их энергопреобразовательной деятельности – принципиально не существует. Пока они, через создание Нового Большого Взрыва, не перезапустят Вселенную.

Ну, и восьмое. На закуску. Поскольку люди самозамещаются машинами и вытесняются ими. И поскольку мощный психико-мышечный потенциал цивилизованного человека не находит себе применения, не востребован. Человек ищет удовлетворения в искусственных опасностях и трудах: покорение Эвереста, одиночное плавание через океан, прыжки с тарзанкой. Мы стремительно движемся к введению себя в виртуальные миры, где будем испытывать сильные, острые, потребные нам ощущения и напряжения. Вообще при этом ничего не делаем в реальности. Такова логика и психология нашего вымирания.

Вот что следует из моей философии и из вашего «Ну и что».

Я посмотрел на лица аудитории и увидел на них, что их подсознанию это все не нравится, и поэтому их сознание не желает это воспринимать.

Не уверен, что и вы хоть теперь понимаете, что филосо-

фия энергоэволюционизма переворачивает все представление о сущности человеческой истории, о сути социологии и морали, о направленности психологии как мотивационного механизма, о смысле экономики и о смысле существования человечества во Вселенной. Что такое разум и для чего любопытство, почему плачут от счастья и хохочут над комедиями, в чем заключается красота и почему она вообще есть, для чего страдания и комплекс греха... и много чего еще.

...Потом был кофе-брейк, а потом я отправился гулять по улицам и дошел до бара на берегу «Трактир «Адмирал Бенбоу». Кстати, там была драка, и какого-то пьяного выкинули из дверей.

Книга III

Глава 16. Семья Баррет

семейная сага

Сочинение *МЕЛВИНА БАРРЕТА*, графомана

Том первый

Это книга о том, как Алистер Баррет пришел с Великой Войны. Если точнее, со Второй Мировой. Награжденный боевой ленточкой и похвальной медалью. Он был морским пехотинцем и дрался с японцами на островах. Там были две главы про высадки десантов на Тарава и на Маджуро – сражения, в которых участвовал Алистер. Военные главы изобиловали яркими эпизодами: как перед строем зачитывали приказ об окончании войны, как качало в трюме судна (теснота, карты, фронтовые истории), как ликовала огромная толпа в порту.

Он вернулся домой и для начала устроился на бензоко-

лонку. То ли в Филморе это было, то ли в Ричфилде, в общем где-то в Юте. Возвращение фронтовиков к мирной жизни вообще было сложной перестройкой, особенно у мальчишек: простые решения о жизни и смерти сменились кучей неясных и медленных проблем. И как водится, прошиваясь однажды вечерком с приятелем по городку, Алистер познакомился с Брендой. Свидания, мороженое и все такое. Честно говоря, в Филморе особо пешком не разгуляешься, и Алистер купил по своим возможностям «понтак» 36-го года. И они катались. Ну там запах кожи и бензина, шелест ветра у щеки, вечерние звезды и прочее в этом роде.

А потом они поженились, сняли крошечную квартирку, мечтали о будущем и строили планы. Алистер на паях с приятелем открыл свою автомастерскую. Шел послевоенный бум, страна поднималась, как на дрожжах, дела кругом налаживались.

Когда родилась Шерил, Барреты уже могли взять кредит для первого взноса за дом, и переехали в собственное жилье.

И пошли годы в трудах, мире и счастье. Дочка начала ходить, родился Рой, за ним Стэнли. Мастерская Алистера превратилась в скромную фирму с устойчивой репутацией. Он сменил «плимут» на «додж», они завели золотистого ретривера, хотя сначала мечтали о колли, но они слишком активные.

...Не знаю, имеет ли смысл говорить об их внешности и мелких привычках. Алистер был худой и жилистый, и с го-

дами его костистый подбородок вылезал все дальше вперед. А Бренда походила бы на куклу Барби, если бы дизайнеры сообразовали придать Барби более скромный вид и не растягивали ее по вертикали, как резиновый столбик. Ну, а дети росли, шалили не больше обычного, учились не хуже других и в свой срок болели чем положено. Шерил как старшая сестра заботливо снисходила до братьев, а Стэнли часто оспаривал у Роя право мужского первородства.

Там еще было написано, что «семья Баррет росла и поднималась вместе со страной, но вернее сказать (или это надо понять, не помню точно), что Америка и росла тем, что росла их семья».

Еще там фигурировал чудаковатый проповедник местной церкви, который иногда отвлекался в проповедях на сомнительные примеры, небиблейские, как бы это передать, не христианского происхождения, и проповедник им часто повторял, что то, что хорошо для улья, хорошо и для пчелы. А иногда наоборот: что хорошо для пчелы, должно быть хорошо для улья. Когда Рой поступит в колледж, он узнает, что это фраза древнегреческого философа Платона. Ни разу не христианина, язычника.

Том второй

На самом деле, это из нашего времени далекие пятидесятые годы XX века выглядят раем, счастливым до неправдо-

подобия. А в жизни все было прозаичнее, так сказать: хлопот и тревог хватало. Причем не только личных, но и мирового масштаба, а любая семья своими переживаниями и судьбами отзывается в резонанс событиям мира и страны.

В пятьдесят втором Рой заболел полиомиелитом, та известная эпидемия. Его пришлось положить в госпиталь в Прово, и почти месяц он пролежал в «железном легком». К счастью, мальчик выздоровел и восстановился полностью, но конечно это были тяжелые переживания. Когда они ездили его навещать, и видели в палате этот инкубатор, металлический контейнер, из которого торчали пять детских головок, а Рой лежал в нижнем ряду, справа, на уровне колен, места наверху не было, когда его клали, да какая разница, но все-таки на высоте груди как-то лучше быть, они ж головками своими крутили осторожно в стороны на своих этих полочках-подставках подголовных, дети быстро ко всему привыкают, и глотать жидкую пищу через трубочку, причем обязательно на выдохе, чтоб в трахею брызги не вдохнуть, и Бренда каждый раз говорила, что ему уже лучше, но доктор просил еще потерпеть, а плакала она уже в машине на обратном пути.

Обстановка вообще была беспокойная. В Госдепе окопались две сотни коммунистов, Комиссия по расследованию антиамериканской деятельности находила все новых агентов Сталина, газеты писали о тысячах уволенных с работы. Коммунистом оказался Пит Сигер, его заставили распустить

свою группу “The Weavers”, потом чуть не посадили, а у Барретов были его пластинки, он им нравился. Чарли Чаплину запретили въезд в Америку, он оказался не американцем, вот кто бы мог подумать, тоже красный. Да что говорить, в «Солт Лейк Трибун» с шумом уволили Филипа Лоусона, передавали, что свои статьи в поддержку профсоюзов он писал по заданию Компартии США, все руководство которой уже посадили. Стенли Крейг, он работал у них в мастерской, рассказывал, что в школе учился вместе с братом Лоусона, и совершенно был нормальный парень.

МакКарти был прав насчет запрета компартии, конечно. Супруги Розенберг, которых посадили на электрический стул, передали Советам секрет Атомной Бомбы, все чертежи, шпионская сеть коммунистов. Тогда и началась эта вибрация насчет атомной войны, и всех агитировали покупать бомбоубежища или строить самим. Они с Брендой по вечерам листали эту брошюрку «Заройся вглубь» – их много где раздавали: как вырыть и оборудовать семейное убежище у себя на заднем дворе, с перечнем материалов и чертежами. Можно было купить готовое, но самое дешевое стоило под три тысячи, тут подумаешь. Некоторые покупали. А по телевизору показали фильм «Лечь и прикрыться», эту десятиминутку гражданской обороны регулярно крутили в кинотеатрах перед сеансом и в школах. Но потом все стали говорить, что убежище не убежище, а если начнется – все равно эти подвальчики не спасут. И одновременно успокаивали, что

общественных убежищ достаточно, чтобы укрыть две трети населения всей страны.

Но все это напоминало драмы в театре теней, на фоне которых проходит твоя собственная жизнь – может, состоящая из житейских мелочей, зато реальная. Стэнли с малолетства был забиякой, а когда пошел в школу, дрался чуть не каждый день, приходилось как-то улаживать дела с родителями; в конце концов они пригласили в субботу на барбекю Ларри Мортонна и попросили обязательно быть в его полицейской форме. Ларри продолжительно посмотрел на Стэнли, отвернулся, сунул в рот кусок мяса и как бы между прочим спросил у Алистера, жужа, приходилось ли уже мальчику жить не дома и без родителей. Стэнли побледнел. Ему было семь лет. Вечером в спальне Бренда устроила сцену и отправила Алистера спать вниз на диван.

Не то чтобы Стэнли резко изменился, но все-таки, пожалуй, изменился. А Бренда приревновала мужа к официантке из кафе, и год, наверно, прошел в мелких скандалах. В результате Алистер заподозрил, что это неспроста, и стал перебирать в уме знакомых: что-то она хорошо выглядела и как-то старалась не смотреть в глаза, казалось ему.

А Шерил пошел пятнадцатый год, появились мальчики, один постарше иногда привозил ее домой на... (тут пришлось вспоминать и рыться в обрывках каталогов, какой это шел год – и какой автомобиль мог быть моден и слишком дорог для тинейджера в то время) – то есть возникал мотив

грядущего удачного замужества.

...Нет, жизнь была не сахар: еле удавалось расплачиваться по кредитам, Алистер дважды неожиданно заставал дома какого-то там члена попечительского совета, ревновал Бренду и однажды, выпив, поставил жене синяк; Бренда, в свою очередь, рисовала себе разнузданные картины тайных разгулов Алистера в деловых поездках; то есть супруги были равнодушны друг к другу, а нервы не становились крепче с годами.

А выбор колледжей для детей, а деньги, деньги, а здоровье, которое начинает давать сбои...

...Много лет спустя одинокий старик Мелвин Баррет, младший сын Стэнли, вспоминая ежегодные визиты в дом деда, обнаружит в памяти и уже не забудет рассказ Рэя Брэдли (а на самом деле Роберта Шекли) о человеке, который мечтал накопить денег на сеанс настоящего, максимального счастья: его можно было получить в салоне одного владельца уникальной установки. Но сеанс был очень дорог, и скопленные было деньги уходили то на колледж для сына, то на доктора для жены, то на ремонт дома или новую машину взамен изношенной – так вечно настоящее счастье и откладывалось, и не удавалось стареющему обычному человеку испытать хоть раз в жизни это волшебное чувство, о котором мечтает каждый. ...А потом сеанс окончился, владелец установки отсоединил проводки от его головы и запястий, помог выбраться из кресла, и посетитель отдал ему гонорар: упла-

ковку галет и две банки мясных консервов. И пошел, пробираясь между обугленных после атомной бомбардировки руин, к землянке, где жила его семья.

Еще Мелвин Баррет любил перечитывать все четыре романа Томаса Вулфа, которые у него были, и размышлять о связи всего на свете. И размышляя о том, как ухудшились отношения постаревших Барретов, когда дети разъехались из дома, а старый Алистер охромел от последствий военной раны и впал в раздражительность, он задумался о печальном конце его жизни, боли и увечье, о том, какого черта вообще должна была произойти эта война, и почему все вышло как вышло, и о своих дальних предках из английских квакеров, и об упадке Британской Империи – и оказался мыслями в том знаменательном дне 14 августа 1941 года, когда на борту британского линкора «Принц Уэльский» сэр Уинстон Черчилль, герцог Мальборо, премьер-министр правительства Его Величества Георга VI, поставил свою подпись рядом с подписью Президента Соединенных Штатов Америки Франклином Делано Рузвельтом на листе с крупной надписью по верху: «АТЛАНТИЧЕСКАЯ ХАРТИЯ».

ГИБЕЛЬ БРИТАНИИ

роман // трагедия // хроника

Сочинение МЕЛВИНА БАРРЕТА

Пролог. Англия и война

С тех пор, как первый король Англии Альфред Великий воевал с викингами и разделил страну между данами и англосаксами, военная напряженность между Островом и материком не прекращалась, периодически слабея и вновь вспыхивая войнами. Вильгельм Нормандский – это завоевание Англии; Аквитания как приданое Элеоноры Генриху Плантагенету – это присоединение Англией огромной территории материка; Столетняя Война – это изгнание Англии с материка. Но со времен великой Елизаветы экспансия Англии обратилась на бескрайние моря и земли всех сторон света, и обросшая колониями Великобритания превратилась в величайшую империю планеты.

Во внешней политике Великобритании навсегда воцари-

лась «доктрина европейского равновесия». Поскольку Остров мал и сухопутная британская армия невелика – военная мощь европейских держав должна нейтрализовываться во внутриматериковых противостояниях и войнах. Проще говоря: натравливай друг на друга потенциальных врагов, чтобы они существовали в латентном конфликтном состоянии – и не смогли обратить свою мощь на тебя: ни по отдельности, ни тем более вместе.

В Тридцатилетней войне Англия не столько помогала материковым протестантам против католических держав, сколько просчитывала свою выгоду от взаимного ослабления сторон и сосредоточивала усилия на разгроме Испании, своего извечного и главного соперника в захватах колоний и рынков, в мировом влиянии. Не успела кончиться эта война – Англия заключила договор со вчерашним врагом, католической Францией, и трижды развязывала войны с протестантской Голландией, флот которой и торговый оборот в разы превосходил английские.

В Семилетней войне, воюя с Францией за американские и азиатские колонии, Англия финансировала и вооружала Пруссию, поощряя и натравливая ее на Францию (и одновременно страхуя принадлежавший Англии Ганновер от захвата). В результате этой «самой первой мировой войны» (по выражению Черчилля) все участники вышли из нее истощенными, Англии же никто уже угрожать не мог: она завладела всеми спорными колониями Франции (в Америке и

Азии) и Испании.

И в бытность короля Георга III и его премьер-министра Уильяма Питта-Старшего Великобритания стала Номером Первым – ведущей мировой державой.

С 1792 по 1815 гг. Великобритания неустанно организовывала, финансировала и возглавляла войны всех семи европейских антифранцузских коалиций, пока не добилась ликвидации республиканского, а затем наполеоновского режима: угроза объединения и усиления Европы была устранена.

Объединенная Бисмарком Германия после 1870 года стремительно превратилась в передовую страну мира. Германские наука, техника, производство, образование, социальное обеспечение – опережали прочие страны. Английские товары качественно и морально проигрывали немецким, производительность труда уступала немецкой; Германия захватывала рынки. Франция к рубежу XX века стала мировой столицей искусств, мод и либерализма. Россия проснулась от спячки и в бешеном темпе строила железные дороги, заводы, фабрики (беря огромные кредиты у Франции); расширяя экспансию в Азии, Россия стала серьезно угрожать британским интересам в Китае, приближалась к Индии.

Европейская война с вовлечением Германии, Франции и России, которая ослабила бы их, позволяла Англии сохранить лидерство: главное – беречь силы собственные, задействуя войска колоний и доминионов и деньгами поддержи-

вая боевые действия союзников. На бомбардировки Лондона немецкими цеппелинами, отравляющие газы и насыщенность пулеметным огнем Англия не рассчитывала...

После Версальского мира, унизившего и ограбившего Германию сверх всякой меры, целый ряд умных людей – от Ллойд-Джорджа до Ленина – сказал: «В этом несправедливом мире я вижу все причины и истоки будущей мировой войны».

Великая Война, продлившаяся четыре года, чего никто не ожидал, и разрушившая четыре империи, чего ожидали еще менее – Российскую, Османскую, Австро-Венгерскую и Османскую, завершилась революциями в России, Германии, Венгрии. И привела к возникновению социализма в России, фашизма в Италии и национал-социализма в Германии; а также к созданию всемирной паутины «Коммунистического Интернационала», Коминтерна, руководимого и финансируемого Москвой.

Часть 1. Неизбежная и необходимая

Русские коммунисты взялись за дело так рьяно, что ввели в эйфорию друзей и вогнали в ужас врагов. Они не только развалили экономику и уничтожили миллионы собственных граждан, разорив всех, но чуть не наладили Мировую Революцию в Германии, Венгрии и создали Советские республики чуть не по всей Европе (к счастью, ненадолго; пока). По-

том поддержали великую забастовку 26-го года в Англии так, что дрогнули устои. Но что всего ужаснее – СССР плюс появление мутантов социализма в Италии и Германии вызвали бурную поддержку гуманитарно-творческой интеллигенции всего Запада! Гениальные идиоты калибра Бернарда Шоу и Герберта Уэллса приветствовали «новый порядок» как светлое будущее всего человечества – мир справедливости, равенства и счастья! Даже антиеврейские «нюрнбергские законы» Третьего Рейха не охладили их пыл.

Лавина Великой Войны-2 сдвинулась в 1936 году – Гражданская война в Испании. Что характерно: германский национал-социализм и итальянский фашизм приняли сторону традиционалиста и консерватора Франко – против социалистов и коммунистов всех мастей плюс анархисты. Это была гениальная попытка западных демократий: расколоть и стравить коммунистов и фашистов. Либеральная интеллигенция отошла от симпатий фашизму и склонилась к коммунизму – против «тирана и фашиста» Франко.

Коммунизм вооружался до зубов и открыто декларировал захват всего мира. Склонная к опереточности Италия увязла в абиссинской войне. Германия готовилась к реваншу – вернуть себе исконно немецкие земли; главным врагом объявляя Францию.

Мюнхенский договор был гениальным, но рискованным шагом: позволить Германии укрепиться, в надежде на будущее ее столкновение с СССР, который воинственно пропо-

ведовал антифашизм, надеясь также на союз с коммунистически (еще недавно) настроенным немецким пролетариатом. А также Англия могла рассчитывать на сильнейшую в Европе французскую армию как сдерживающую антигерманскую силу. Как всегда: ведущие державы Европы должны были ослабить друг друга – чтобы Англия (заметно потесненная Америкой после Великой Войны) упрочила свое могущество.

Часть 2. Начало конца

Московский пакт «Молотов – Риббентроп» был страшным ударом: если русские коммунисты и немецкие национал-социалисты поделят мир, и к ним присоединятся Италия и Япония – положение Британской Империи станет чревато катастрофой. Германский гений, русские ресурсы и японский фанатизм способны совершить немыслимое. Надежда оставалась на испытанное коварство Сталина против наивной наглости Гитлера. Однако Москва была осведомлена и о принципах английской политики с ее дальнобойными комбинациями, что всегда кончалось войнами между конкурентами Англии.

Объявив войну Германии после ее нападения на Польшу, Англия с Францией, практически не ведя никаких действий на суше, тем самым как бы приглашали Сталина: «Если ты ударишь сейчас по Германии – мы на твоей стороне». Учи-

тывая сталинские планы покорения Европы и мира – это была очень вкусная и жирная начинка.

Прошел год, Советский Союз и Третий Рейх пылко обменивались любовными нотами, к взаимной пользе наращивали товарообмен сырья и продовольствия на технологии и станки – а немецкая авиация бомбила Англию, Франция же была разбита и покорена за каких-то пять недель; 200 000 английских и 140 000 французских солдат бежали из Дюнкерка через пролив в Англию на любых лодках и судах, 100 судов были потоплены, 110 000 английских солдат были убиты, ранены, попали в плен.

Часть 3. Великий британец

10 мая 1940 года Невилл Чемберлен, объявивший восемью месяцами ранее войну Гитлеру, но оставаясь приверженцем политики компромиссов и комбинаций, покинул свой пост. Премьер-министром Великобритании стал Уинстон Черчилль, сторонник войны с Германией до конца.

Личная роль Черчилля, великого британца, бронзовый памятник которому высится в сердце Лондона напротив Парламента, настолько грандиозна, что необходимо сказать о нем несколько слов. Старинного знатного рода. С детства непослушный, недисциплинированный и слабый здоровьем. Хэрроу, Сандерхерст, отличный фехтовальщик, гусарский полк. Военный корреспондент на Кубе, испанская медаль,

привычка к кубинским сигарам. Служба в Индии, игрок в поло, афганская кампания, репутация храбреца. Его письма с войны публикуются в газетах, изданы отдельной книгой. Судан, подавление восстания, конные атаки. Военный корреспондент на англо-бурской войне, плен, побег, действующая армия, лейтенант кавалерии, сражения.

Отставка. Консерватор. Член Палаты общин в 26 лет. Переход в Либеральную партию. Заместитель министра по делам колоний в 30 лет. В 33 года – министр торговли и промышленности. Сторонник прогрессивных социальных реформ. В 35 лет – министр внутренних дел. При подавлении национальной забастовки моряков, докеров и железнодорожников Черчилль мобилизует 50 000 солдат, морские пехотинцы стреляют по толпе. Решителен и агрессивен. Ему не было 37, когда он стал Первым лордом Адмиралтейства. Форсированное строительство линкоров дредноутного типа, перевод флота с угля на жидкое топливо: нефтеносный район Персидского залива стал зоной стратегического интереса Англии.

С началом I Мировой выдвигает флот к береговой линии военных действий; участвует в разработке первого танка и создании танковых войск. Далее – инициатор катастрофической Дарданелльской операции, когда турки в Галлиполи разгромили и вышвырнули полумиллионную британскую группировку плюс 120 000 французов. Черчилль подает в отставку и на Западном фронте в чине подполковника коман-

дует батальоном. В конце войны принял предложение стать министром вооружений, после войны – военный министр и министр авиации.

Говорит о серьезной опасности русского большевизма. Становится министром по делам колоний. Возвращается из Либеральной партии в Консервативную – и вновь ее покидает. Становится Канцлером Казначейства – бездарным и неудачливым: его действия привели к кризису, безработице и всеобщей грандиозной стачке 1926 г. Далее вплоть до начала II Мировой – глава мелкой фракции Палаты общин, жесткие антигерманские взгляды, занятия литературой.

В день объявления войны Черчиллю предложили пост Первого Лорда Адмиралтейства. В отличие от «странной войны» на суше – морские действия сразу приняли активный характер.

После проигрыша Битвы за Норвегию Чемберлен подал в отставку. Выбор нового премьера между Галифаксом и Черчиллем решился в пользу последнего. Черчилль, в отличие от склонного к заключению мира Галифакса, был настроен самым решительным образом на войну до победы. Он стал одновременно и министром обороны. Вскоре началась Воздушная Битва за Англию, с бомбардировками городов и жертвами среди населения. Немецкие подлодки топили английские корабли – продовольствия стало не хватать. Не было металла – срезали на переплавку все чугунные ограды страны.

Черчилль произносил речи. Его поддерживали 85 % англичан.

Часть 4. Миссия Гесса

Ах, эта часть в формате твиттера заставляет сжиматься сердце и наполняет тоской. Потому что один только этот сюжет – материал для великого, огромного, социального и психологического, исторического и политического романа, романа философского и приключенческого.

Рудольф Гесс, боевой летчик I Мировой, преданнейший друг и фанат Гитлера, заместитель фюрера, второе лицо в партии... В форме капитана люфтваффе под летным комбинезоном, на истребителе Me-110, он в сумерках 10 мая 1941 года достиг Англии и над поместьем лорда Гамильтона выпрыгнул с парашютом. Почему Гамильтона? А там была единственная в Англии частная взлетно-посадочная полоса. А чего прыгать? А уже стемнело, а подсветки не было – не сесть.

Гесс привез предложение о мире, история эта писана-переписана – но есть нюансы. Если более 80 % «простых англичан» поддерживали военную непримиримость Черчилля – то среди элиты было множество сторонников компромисса и мира с Германией. Например:

Бывший король Великобритании Эдуард VIII, старший брат короля Георга VI, отрекшийся от престола в 1936 го-

ду ради женитьбы на разведенной американке Уоллис Симпсон, ныне герцог Виндзорский, очень популярный в народе.

Лорд Галифакс, бывший лидер Палаты лордов, министр иностранных дел в кабинете Чемберлена, наряду с Черчиллем рассматривался в мае 1940 на пост премьер-министра, до декабря 1940 – также министр иностранных дел и член Военного кабинета.

Сэмюэл Хор, в недавнем прошлом – Лорд-хранитель печати, Первый лорд Адмиралтейства, министр иностранных дел.

Брюс Локхарт, в прошлом глава специальной британской миссии при Советском правительстве в 1918 году, сейчас – директор Комитета по делам политической войны, ведавший пропагандой и разведкой.

Ллойд-Джордж! Великий премьер-министр победившей Англии в 1916–1922 гг., при этом либерал, пользовавшийся огромным доверием либералов также, меньше доверявших кабинету консерваторов – и личный близкий друг Черчилля! Полагал многие требования ограбленной Германии справедливыми – и считался широкими политическими кругами единственным, кто мог бы вывести Англию из нынешнего тяжелого кризиса.

Ну, а почему Гесс прилетел к Гамильтону? Предшествующий камергер Его Величества герцог Бакклеич, один из столпов консервативной партии, был убран из политики Черчиллем за лоббирование мира с Германией. Лорд

Гамильтон, получивший эту номинальную должность, был кратко знаком с Гессом на Берлинской Олимпиаде 1936 г., у них были общие знакомые: знаменитый социолог и теоретик геополитики Карл Хаусхоффер и его сын Алберт; наконец, Гамильтон был военным летчиком, как и раньше Гесс. Ошибка Гесса сделала две: он полагал, что шотландец Гамильтон находится в оппозиции к английскому правительству, и что звание камергера означает влияние в политике (ведь Бакклэйч, его предшественник, был влиятельной фигурой!)

Командир эскадрильи подполковник герцог Гамильтон отрёкся от знакомства с Гессом раньше, чем запел первый петух в Англии.

Часть 5. Точка решения

Таким образом, переговоры Гитлера с Черчиллем шли с германской стороны через Гесса, которому фюрер всецело доверял, с британской же, после Гамильтона – через Айвона Киркпатрика, директора иностранного отдела министерства информации, Александра Кадогана, зам. министра иностранных дел, и собственно Энтони Идена, иностранных дел министра.

Что разъяснял и предлагал Гесс:

Германия рассматривает войну с Англией и ее братским арийским народом как большое несчастье и неоднократно предлагала мир.

Германские интересы ограничиваются свободой действий в континентальной Европе без вмешательства Англии и возвратом колоний, принадлежавших Германии до I Мировой войны.

Великобритании гарантируется полная и всесторонняя неприкосновенность ее Империи.

Мировая коммунистическая угроза, распространяющаяся из Советского Союза и давно осязаемая в Англии, не может быть остановлена без противостояния ей Германии. В случае возникновения германо-советского конфликта Англия никак не вмешивается.

Необходимость такого подхода подтверждается тем, что:

Польская и французская кампании показали мощь вермахта и превосходство германской стратегии.

Беспрепятственная эвакуация Дюнкерка продемонстрировала добрую волю фюрера.

Немецкие подлодки строятся с небывалой скоростью в огромных масштабах, они массово топят британские суда, которых становится все меньше, почти блокированную Англию ждут скорый голод и отсутствие сырья для заводов.

В эту же ночь, с субботы на воскресенье с 10 на 11 мая, состоялся самый страшный и массированный (и последний!) воздушный налет на Лондон, уступавший по количеству бомбардировщиков, сброшенных бомб, разрушениям и жертвам лишь скорбно знаменитому 7 сентября 1940: 600 самолетов, 1 000 тонн фугасок, 100 000 зажигалок, возник-

ли 2 000 пожаров, пострадал Парламент, 3 000 человек погибли.

Продолжение войны – гибель для Англии, резюмировал Гесс. В одиночку она бесспорно будет побеждена Германией, которая тогда продиктует иные условия. Если Англия заключит военный союз с Америкой и, представим себе невозможное, они победят – Америка поглотит Великобританию своей экономической мощью и превратит во второразрядную зависимую державу. В случае же поражения Германии, хотя этого и не может быть, Европа будет советизирована красной Россией, и дни свободно Англии будут сочтены.

Реакция Черчилля на эти доводы была реакцией бульдога, сомкнувшего челюсти на теле врага: мы будем воевать и победим, и катитесь к черту!

Хотя. Все знали. О том же говорил мудрый, гибкий, но уже покойный Невилл Чемберлен: война – это неизбежная зависимость от США, и тем большая зависимость, чем дольше и тяжелее война продлится; Англии необходимо здравая, умеренная германская политика, противостоящая русской коммунистической экспансии.

Часть 6. Тайна за ста семью печатями

Гесс: Вы должны знать. Если мы не заключим такой мирный договор, то в случае возникновения войны между Германией и СССР, чего нельзя исключать, принимая во вни-

мание коварство Сталина, идеологию коммунизма и милитаризацию СССР, Германия безусловно разгромит Россию. И вот тут Англия, зная ее извечную политику в европейских войнах: помогать слабому против сильного, затягивая войну и максимально ослабляя обе стороны – вот тут Англия, с ее огромными заморскими территориями и их экономическими и людскими ресурсами, помогая России, фактически раздувает новую мировую войну.

Война примет исключительно упорный и жестокий характер, все союзники Германии будут противостоять всем колониям, доминионам и союзникам Англии. Разумеется, Америка не упустит случая ввязаться в удобный момент и максимально упрочить свое положение – как в Европе, так и на Тихом океане. Япония отберет у Великобритании все владения в юго-восточной Азии. Это разорение мира и десятки миллионов погибших, это во много раз превзойдет несчастья Великой Войны, которая всем нам памятна.

Вы полагаете, что война Германии с Россией спасет вас? Наивные! Не надо больше стравливать Германию и Россию! Не пытайтесь нажиться на чужой крови и чужой беде. Но если этому, не приведи Бог, суждено случиться, если Англия вновь решит зажать Германию в клещи, чтобы истощить и ее, и Россию – вы очень дорого заплатите за свой эгоизм и неразумность!..

Англия будет виновником превращения войны в мировую, в небывалую трагедию – и Англия потеряет свою Вели-

кую Империю и впадет во второсортность в результате такой войны.

Так что замените вашего бешеного Черчилля на разумного человека. Предпочсть его реалистичному политику Галлифаксу было большой ошибкой. Но эту ошибку вы можете еще исправить.

Черчилль: Я вас уничтожу. Вобью твои доводы тебе в глотку. Мы победим, и вы горько раскаетесь в своей наглости, глупости и агрессии.

Допустим даже, что мы договорились. Увы: немецкая наука, техника, немецкие организованность, дисциплина и трудолюбие, армия и оружие – еще через семь лет не оставят нам шансов. Семь лет назад нищая голодная Германия еле дышала – а сегодня клятый Третий Рейх диктует миру свою хамскую волю! Если они объединят континентальную Европу – на глобусе останутся две сверхдержавы: Америка и Германия. Кровожадных бестолковых большевиков они уничтожат; это-то хорошо. Но Англия окажется на обочине – вот этому не бывать!

Ты решил переиграть меня, подстилка своего фюрера? Нет, милый: будет именно так, как вы ужасно не хотите. Вы сцепитесь с Россией, а мы ей поможем, чтоб не рухнула сразу. Руками фанатичных большевиков мы повыдергаем вам ноги – а вы им переломаете руки; что и требовалось доказать. Англия будет лидером Европы, как и все последние триста лет. Не хочется тебе? Еще бы. А придется!

А то, что такое решение означает мировую войну – которой, в принципе, можно избежать – ты прав, разумеется. Не дай бог, чтоб все эти записи когда-нибудь всплыли. Ничего. Не всплывут. Мы позаботимся.

...Так можно резюмировать суть произошедших переговоров и их итог.

Примечание. Валет в рукаве

Сталин был весьма взволнован и заинтригован прилетом Гесса. Советская разведка работала достаточно хорошо, чтобы Кремль имел представление о влиятельности сепаратистских кругов Англии. К весне 1940 года, когда проигрывающей неравную войну Финляндии грозила советская аннексия, английская авиация была уже готова бомбить бакинские нефтепромыслы. Сепаратный мир Германии с Англией (не говоря уже об их оборонительном союзе) означал вероятное поражение СССР в готовящейся войне.

Черчилль, справедливо видя в советско-германском столкновении спасение Англии и тонко ему подыгрывая, до конца войны держал Гесса в плену под абсолютной секретностью. Пусть Сталин нервничает. Пусть подозревает, что в любой миг Англия может заключить мир с Германией – и это резко подорвет положение СССР. Пусть Сталин будет с Англией осторожнее, покладистее, пусть больше дорожит союзом с ней.

Часть 7. Точка невозврата

Итак, 14 августа 1941 года, на борту линкора «Принц Уэльский» Черчилль и Рузвельт подписали «Атлантическую Хартию». Ее 4-я и 5-я статьи провозглашали «доступ на равных основаниях к торговле и к мировым сырьевым источникам» для всех стран и «полное сотрудничество между всеми странами в экономической области». В частности это означало открытость рынка Британской Империи для беспопытливой торговли любыми американскими товарами в любом количестве по любым ценам, которые определяют США.

Это был конец. Английские товары были неконкурентоспособны против мощнейшей американской промышленности и финансовых ресурсов. Ценовой политике, на которой держалось могущество Империи, пришел конец. Штаты могли дешевле Британской метрополии продавать товары в ее колонии и доминионы и дороже платить за покупаемую там продукцию. Колонии делались убыточны.

В предшествующие подписанию дни Рузвельт разминал и прессовал Черчилля, добиваясь принятия этих условий. Черчилль приходил в ярость, но выхода не было. «Мы знаем, что Англии не выстоять в этой войне без США, и вы знаете, что я это знаю», – мрачно заявил он.

Осенью 1940 задыхающаяся в морской блокаде Англия уже получила от США для борьбы с немецкими 50 старых

эсминцев – в обмен на 99-летнюю аренду многих морских и авиабаз.

По ленд-лизу Англия получила от США военных и стратегических грузов на сумму 31,4 млрд долл. (ок. 0,5 триллиона в ценах 2020 г.) – 66 % всех поставок из США, в том числе в СССР, Францию и Китай. Это были бесконечные караваны судов с боевой техникой, оружием и боеприпасами, продовольствием и одеждой, горючим и сырьем. После войны Англия осталась с полуразрушенной экономикой, истощенными финансами и огромными военными долгами. Банкротства избежали благодаря американскому займу в 3,5 млрд долл.

Часть 8. Крушение

25 июля 1945 на Потсдамской конференции, где лидеры «Большой Тройки» обсуждали послевоенное устройство мира, премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль, самый нестигаемый и последовательный противник гитлеровской Германии, чья роль в Победе была столь велика, возможно – решающая, – волею народа Англии покинул свой пост, уступив место новому премьеру – лейбористу Клементу Эттли. На прошедших 5 июля парламентских выборах лейбористы одержали сокрушительную победу. Избиратели были недовольны внутренней политикой и экономикой консерваторов.

Сказать, что это был сильный удар для Черчилля, стоявшего во главе нации в самое тяжкое время, включая тот страшный год, когда слабеющая, но несгибаемая Англия в одиночку противостояла Третьему Рейху (с завоеванной Европой и дружественным СССР) – сказать, что это был сильный удар – значит не сказать ничего.

Лейбористы приступили к построению английского социализма. (Тогда Оруэлл и написал «1984».) Мы не касаемся сейчас разрушительных процессов в экономике. О другом:

В 1946 году большая часть Британской Подмандатной территории Палестины становится независимым княжеством Трансиорданией.

В 1947 году стала независимой Индия и созданный Пакистан.

1948 – независимость Бирмы и Цейлона. Британия уходит из Палестины, образовано государство Израиль.

1955 – независимость Судана.

1956 – вывод британских войск из Египта, национализация Египтом Суэцкого канала; после разгрома Англией Египта в Суэцкой войне США и СССР заставили ее вновь убрать войска и отказаться от всех претензий.

Нет смысла продолжать. Деколонизация всей Африки, Содружество вместо Империи и так далее. Все кончилось.

Часть 9. Депрессия

Черчилль прожил еще 20 лет. Он еще произнес Фултонскую речь, призывая Запад не допустить Третьей мировой войны, обуздывая агрессию и экспансию коммунистического лагеря. Еще были книги, Нобелевская премия по литературе; были инсульты и спазмы мозговых сосудов; он еще вновь стал премьер-министром! – и подал в отставку в 80 лет...

Он умер девяноста лет от роду. Похороны его были грандиозны.

Последние 10 лет жизни он пребывал в уединении и тяжелой депрессии.

Он принял Великобританию великой империей и сдал в результате небольшим островным государством, сателлитом когдатошней американской колонии.

Резюме

И все-таки он – феноменально работоспособный и энергичный, талантливый и храбрый, харизматичный и предприимчивый! – он был тем человеком, который не дал миру стать фашистским. Ибо Третий Рейх, победив Советский Союз и утвердив свою гегемонию на континенте, создав ракеты и реактивные самолеты, подводные лодки будущего и,

чуть раньше или позже, атомную бомбу – Третий Рейх повернул бы историю мира в ином направлении. И если бы победившая Россию Германия помогла еще Японии в войне против США – неизвестно, чем бы все кончилось.

А вероятнее – мир поделили бы две сверхдержавы: Германия и США.

Сложилась иная пара владык: США и СССР. На противоположном демократии полюсе – красный тоталитаризм вместо коричневого. Но у России не было немецкой организованности и производительности, немецкой науки и технологий – через сорок лет она съела себя сама и рухнула. Коммунизм не прошел по причине собственных пороков! А фашизм не пустил Черчилль.

Британская Империя была обречена в любом случае: она не выдерживала конкуренции с экономикой свободных США, тоталитарной концентрацией мощи Советского Союза и фантастической организацией, технологиями и производительностью Третьего Рейха.

Цена победы была огромна: Вторая Мировая война, 50 миллионов жертв – и гибель Империи. Но! Мир был спасен...

Надпись на старой рукописи

«И когда я вижу, как какие-то поганые дикари, неблагодарные твари, иждивенцы и паразиты, не вложившие в нашу

цивилизацию ни капли труда, беснуются на Парламентской площади и вопят, что памятник Черчиллю надо снести, он же был расист – я жалею на миг, что фашизм не победил: он бы указал грязным мразям их место рабов в африканских шахтах, при нацистских господах.»

Надпись на папке с рукописью

«Найдено в лесу неподалеку от сгоревшей когда-то хижины. Автор неизвестен.»

ПРИЛОЖЕНИЕ,

обнаруженное совсем в другом месте и при других обстоятельствах.

«...вин Баррет явно вознамерился написать эдакий супер-роман, который вряд ли сохранился.

Начать он решил со Второй Мировой Войны (хотя ее нельзя рассматривать в отрыве от Первой, это две части одной и той же междоусобной и самоуничтожительной войны Белой Цивилизации, как поняли историки и политики еще в XX веке).

Рассматривая МВ-2 как начало гибели цивилизации, он намеревался перейти к начавшейся после нее Холодной Войне между социалистическим Востоком и капиталистическим

Западом. Свободный мир победил, социализм пал.

После чего потребовалось написать третью книгу: о том, как красная чума, коммунистическая зараза, уже распространилась в Америке и привела к крушению государства. Можно сказать: погибший Советский Союз взял посмертный реванш, уничтожив США своей живучей и разрушительной идеологией.

И далее Мелвин Баррет полагал необходимым посвятить по отдельной книге, великому роману в супер-великом романе, так сказать, каждой проблеме, каждой мощной силе, которые совместно и уничтожили нашу (и свою!) великую родину. То есть меньшинствам всех родов, но прежде всего расовым и сексуальным, а также совмещению социализма и национальности в небольшом, но крайне энергичном народе.

На протяжении всех последних лет жизни, судя по письменным артефактам, впадающий в безумие автор переходил от трагических картин с их безвыходным пессимизмом к агрессивным призывам не просто бороться за традиционные ценности, но беспощадно уничтожать врагов всеми способами.

Отщепенец и маргинал Мелвин Баррет славил свою историю, культуру и расу – и однако был не лишен справедливости и милосердия к тем, кого природа обошла своими милостями. Можно было бы сказать, что он просто родился не в свое время, если бы он не родился в конце времен.

Ему не суждено было узнать, что некоторые из задуман-

ных им книг были написаны другими людьми, пусть чуть иначе; а кое-что из придуманного им произошло на самом деле. Как и нам не доведется узнать, какие еще книги, канувшие в исчезнувшем времени, он написал.

Глава 17. Время правде и время вымыслу

– Писать, блять?! Литературу, художественную, на хер?! А тебе в окно видно – что там делается? У тебя память не отшибло? Глаза есть? Мозг не отоспал?

А ты не заметил, что писатель давным-давно перестал быть «властителем дум»? Ты вспомни XIX век – кто там «гремел над миром, подобно урагану»? Виктор Гюго! И был Диккенс в Англии, и Марк Твен в Америке, и Толстой в России!.. И даже еще в XX – считай: Хемингуэй, Ремарк у немцев, Ромен Роллан во Франции, и Бернارد Шоу с Гербертом Уэллсом еще живы. И что сейчас? Говна пирога! Грязные извращенцы и графоманы!..

Властителем дум стал – ученый! Уже не физик-ядерщик, как в эпоху создания Бомбы. А – астроном! математик! изобретатель! А еще – философ! политолог! компьютерный гений! биржевой спекулянт, миллиардер! На хуй никому не нужны твои любовные переживания и пейзажи под луной!

А еще – о! да: артисты! герои сериалов! педерастические музыканты! тупые безголосые реперы – гибрид рваной записи и укушенной обезьяны.

Быдлу нужно жрать, пить, ебать и балдеть. Отродясь они ничего не читали, кроме рекламы. Дурам с дипломами нужен роман, чтоб роковые страсти и благородный хуй, а му-

даки с дипломами читают исключительно хит сезона «Как всех наебать и разбогатеть». Плюс биографии тех, кто уже всех наебал и разбогател. И только самые образованные, гуманитарии, блять, читают «художественную литературу». А там давно прописались лузеры, педерасты, наркоманы и психопаты; причем написано это все принципиально говенным языком, писать-то эти уроды не умеют, и вот свое неумение, спотыкач из словаря имбецила, выдают за «сладостный новый стиль», ближе к жизни, сука.

Народу нужен сейчас – приказ выжить. Инструкция по спасению. Краткий анализ обстановки, объяснение причин – и руководство к действию.

Литература сегодня – это прозрение, помощь уму и поддержка духу; это беспощадная правда, необходимая цель, путь к цели – и вера в победу. А свои зеленые листики, голубые небеса, невинные слезы и глубины измученной души – можешь засунуть себе в жопу. Вместе с сюжетом, портретом, характерами и деталями.

У нас на глазах погиб мир – мир погиб! – ты это понимаешь? Вся наша цивилизация! – вся культура наша! весь народ – пиздой накрылись! И эта гибель еще не кончилась, она еще продолжается, она каждый день, каждую минуту она продолжается!

Люди еще живут, и семьи есть, и кормятся как-то, но это – уже как гниение клеток умирающего организма. И людей уже все меньше, и дел все меньше, и культуры своей все

меньше. И каждый день ты все меньше остаешься собой!!!

Что людям надо? Людям надо понять: как же все это вышло? Как же они, такие умные, такие сильные, такие культурные – вдруг стали ничем? Почему ими помыкают, почему их гоняют и унижают, почему они не смеют голос подать, пикнуть против! Почему!!! – у себя дома!!! – они вдруг оказались рабами, плебеями, кругом во всем виноватыми, ничем!!!

Боже мой, каким же надо быть сейчас идиотом, чтобы выдумать неких условных людей, литературных персонажей так называемых, и придумывать им судьбы, чувства, трагедии... Пойми ты: когда человек тонет – ему нужен только воздух, только чтоб держать голову над водой, только твердая бы опора под ногами – а небо там голубое, а чайки парят, и что костюм старый, и с женой поругался – этого сейчас вообще не существует! Умиравший больной на койке жаждет жизни и здоровья, выздороветь он мечтает и пытается, и новостройка в столице или процент незаконнорожденных для него вообще не существуют! В горящем доме приличные манеры не проповедуют.

– Послушай, ты же образованный, мыслящий человек. Когда спартанцы однажды попросили военную помощь у Афин, те в ответ им прислали двух флейтистов. И они играли перед идущим в сражение строем так, что под впечатлением этой музыки, укреплявшей мужество и решимость, спартанцы победили. Вот так родилась военная музыка. Так что, прости за

банальность, когда говорят пушки – музы все-таки не молчат!

– Ты боевой барабан, хоть тамтам дикарей, особо-то с искусством не равняй! Пламенные статьи и патриотические стихи – вот вся военная литература! Лозунг «Родина или смерть!» – вот литературы войны.

Видите ли, уважаемый мой друг, независимо от того, подошли вы к моему столику в этом кафе как поклонник или как критик. Существует обширный круг любителей настоящей литературы, которые убеждены в необходимости соблюдать условленный эстетический канон. Богатый словарный запас, владение метафорой, умение изящно и даже прихотливо строить фразу, отсутствие вульгаризмов, а также приветствуются аллитерации, интонационное разнообразие – все это полагается обычно стилистическим мастерством. Умение работать с деталью, создавать выпуклые характеры и запоминающиеся портреты, эмоциональный эстетический эффект крайне одобряется и производит впечатление, осмелился бы я так это сформулировать. А еще любят легкую и элегически-печальную – совершенно бесконечную, как веревка изо рта факира! – фразу на несколько страниц: чтоб все через запятую, никаких точек, и обязательно с ниспадающей интонацией, такое живописно-историческое перечисление подробностей и сцен минувшей жизни. Но ведь это все техника, друг мой, это всего лишь техника! Которой писатель обязан владеть, коли уж взялся за литературное ремес-

ло, но техника эта ни в коем случае не должна подменять глубинной сути, смысла произведения!

Вот круглый столик, за которым мы сидим, прессованный мрамор крышки серый и пестрый, как голубиное яйцо, две кофейные чашки на блюдцах и два бокала заняли всю поверхность: хозяин использует площадь заведения, люди протискиваются к месту боком. Пузатый мсье задел соседей, там шатко задребезжало, железные ножки стульев проскребли по каменному полу, дождевая пыль влетела в открывшиеся двери, пожилая пара отряхнула и сложила зонты, в зеркале за стойкой отразилась синяя вспышка молнии, зашипела кофеварка и тут же огромными и круглыми жестяными орехами рассыпался над крышами гром.

Но прекрасный Париж, бульвары и площади, памятники и каштаны, грифельный чертеж в фиолетовой дымке, еще никаких мигрантов, был вчера, а сегодня «Боинг», срезая южную оконечность Гренландии, томительно тянется на юго-запад, на юг вдоль канадского побережья, зеленая зубчатая кромка граничит с синью вод, солнце перемещается в иллюминаторах, поднимите шторы, и вот мы заходим наконец на посадку в ЖиЭфКей, а лица у пассажиров небрежные и спокойные ровно настолько, чтоб всем была заметна эта небрежность и спокойствие, а на самом деле каждый второй представляет себе командира корабля за штурвалом, мужественное лицо, уверенный взгляд, свежая сорочка с галстуком, все под контролем; наивные души не знают, что само-

лет сажает компьютер, но колеса уже стукнули и покатались под полом, теперь пора перейти к отдельным лицам, к отдельным судьбам и характерам: гладкое личико шатенки в шестом ряду, не протрезвевшие после победы хоккеисты в конце хвостового салона, а вот и полные надежд глаза юноши, закрывшего компьютер, и вся его судьба впереди, полная падений и побед, да я напишу тебе роман о любом человеке, его детской дружбе и первом дне в школе, и как старели его родители, время первых любовей и время свадеб, время рождения детей и окончания ими школ, время похорон родителей, но до этого – деньги и образование, внешность и фигура, сомнения в себе и безграничная юношеская самоуверенность – и каждый день, каждая минута, и чем пахнет в мак-дональде и в гараже, дорогой парфюм на день Благодарения жене и бурбон в баре, чем отличается шелест листвы в парке от шелеста шин на шоссе, и твой первый миллион, и твоя первая ночь на улице, и каждая минута полна мыслей и чувств, и каждый миг происходит общее движение мира вперед, это общее движение складывается из каждого мига каждого человека, я напишу тебе тысячу романов о людях и судьбах, драмах и комедиях, успехах и провалах, тысячу романов, брат, как не хрен делать! Но насчет вперед: куда движется мир? Я тебя спрашиваю: куда мы пришли?! КУДА МЫ ПРИШЛИ???! Вот на хуй главный роман.

Человек сейчас хочет понять: если он был за все хорошее и следовал призывам – почему же получилось так плохо?

Ему надо разобраться: где его обманули? Что пошло не так? Почему снова – как всегда! как всегда! – добродетель повержена, а торжествует порок? Почему ложь снова надсмехается над правдой? Почему кто работает – тот же еще и виноват перед нахлебником? Почему собственные дети плюют ему в лицо, за что? Почему здравый смысл и безумие поменялись местами? Почему извращение возведено в норму – и теперь преследует эту норму? В чем же смысл и логика всей этой страшной катастрофы?..

– Это все Шестьдесят Шестой Сонет Шекспира, милый... «И истина, презираемая как наивность, и зло, повелевающее добром...» Ничто не ново под луной.

– Кроме одного. Никогда еще – никогда в истории! – не было так плохо, так ужасно! так безнадежно, как сейчас... Никогда еще не сбывалось в действительности: что пиздец всему.

Надежда умирает последней, вы говорите? Вот о смерти надежды, надежды! – сейчас и речь...

Тому, кто умирает от подлой раны в спину, факт банальности смерти участь не облегчает. Он хочет только двух вещей: выжить – и найти и покарать подлого убийцу. Философская лирика ему сейчас не нужна. Вот если он выживет, и придет в себя, и покарает гада, и все дела его наладятся – то в свободное время, сытый и спокойный, он может погрузиться в философские размышления и насладиться шедеврами мировой лирики. Но сейчас ему не до этого!

Вот поэтому я часто вспоминаю давно забытого Воннегута: «Я никогда не мог понять, как люди играют в придуманные игры, когда на свете столько настоящих игр». Я вспоминаю Киплинга: «Ты играешь большую игру». На кону – не только жизнь расы и цивилизации. Но больше того: наша история, память о нас. Смысл жизни тысячи поколений предков. И будущее потомков: быть ли им вообще.

И еще одно главное – это уже второе: человеку нужны силы, чтобы не сломаться и выжить. Ему нужна сила, нужна гордость, нужна вера в победу. В свою личную победу в жизни! Но вера в нашу общую победу ему тоже нужна.

Человеку потребно знать, что он – прав! Что он – трудяга, боец, соль земли и столп мира! Что есть у него много мелких и разных грехов и грешков – но нет на нем вины за неправильность этой жизни. Если человек знает, что он – сын великой расы и великого народа, великой страны, великой культуры, что за ним славная история его предков, что его земля полита их потом и их кровью, и в этой земле покоятся их кости – этот человек непобедим, и этот народ непобедим.

А для этого не нужны книги. В смысле беллетристика. Не нужны Фолкнер и Хемингуэй, и даже Марк Твен с Юджином О, Нилом тоже не нужны. О дерьме вроде Миллера или Буковски я вообще не говорю, это понос больного времени. Для этого, брат, нужны проповедники! И нужны вожди! Нужны сильные и храбрые. Люди от этой жизни. А не

от вымышленной в книгах.

Нужен вождь и пророк, который соберет миллион человек на площади, а еще сто миллионов затаят дыхание перед телевизорами или с телефонами в руках. И тот, кто силен их силой и горит их жаждой, скажет им, прокричит им громовым и сорванным голосом, и слезы ярости и любви будут звенеть в его голосе: этот избранник истории и народа выразит все то, что жжет и томит их души. Он прокричит им об их гордости и об их унижениях. О трудах, плоды которых у них украли. О родной земле, которую завещали им отцы и деды. И о враге, который поработил их ум и забрал их силу. И тогда каждый станет бойцом, и каждый станет кровным братом ближнему своему. Ближнему! – а не всякой швали, паразитам и кровососам.

Вот поэтому, брат мой, я пишу, как могу и насколько Всевышний дал мне сил, о нашей трагедии и наших врагах. Как умею – я раскрываю людям глаза на происходящее. Насколько хватает моего ума – я пытаюсь освободить их ум от паутины лжи и фальши, которой опутали нас негодяи. Всемирные негодяи, желающие владеть всем и превратить нас в покорных животных.

Я напоминаю людям, что они – хозяева мира, и любой, кто хочет унижить их, должен быть уничтожен. Пусть не сегодня, пусть не здесь и сейчас, но необходимо хотя бы понимать, что поработители наших умов и душ заслуживают уничтожения и позора. Я призываю людей жить своим умом

и не верить сладкоголосым сиренам «Нового Мирового Порядка». Я утверждаю вечные истины: хороший работяга должен жить хорошо, плохой – плохо, а паразит не должен жить вообще. Я приговариваю: вор должен сидеть, а убийца – висеть. И пусть каждый живет в своем доме и не идет жить в чужой.

«Никто, кроме нас!» Нынешний Римский Поп – левацкая мразь, продажная тварь неосоциалистов. И тогда напоминаю я: Мы создали великую иудеохристианскую, евроатлантическую, белую цивилизацию – и никто не смеет отменять Десять Заповедей Господних! На том стоим и стоять будем! Не воруй, не убий, не лжесвидетельствуй, почитай отца своего и мать свою, не мужеложествуй!

Настало время сильных людей, брат. Настало время оружия. Победят и оставят семя свое храбрые, и сгинут слабые. И самый страшный грех в такие дни – это слабость. Слабость, нерешительность, неуверенность в себе. Время думать – и время действовать, время сомневаться – и время принимать решение. Барабаны грохочут в моем мозгу, боевые флейты поют в моей душе! Дерись и побеждай, будь сильным и не умри!

Да пойми ты: вот и настал Армагеддон! Свет и Тьма вступили в последнюю борьбу. Или победит человек – или мрази, дети Сатаны в человеческом облике соединятся с машинами, компьютерами, электронными устройствами – и киборги придут в наши дома, отнимут наш воздух и наш хлеб, и

кончится история Человечества, и начнется история Пост-человечества, цифровых программ в чипах, породненных с генетически модифицированным сверхчеловеческим существом.

...Вот поэтому беллетристика кончилась, брат. Она возродится. Когда мы победим – и если победим. И я пишу о том, что нам приказано выжить. Судьбою и Богом, историей и нашей гордостью – нам приказано выжить! Все остальное не стоит выеденного яйца.

Книга IV

Глава 18. Холодная война *политический роман*

Ни Уоллис Симпсон, вышедшая после второго развода замуж за Эдуарда VIII, что стоило ему королевской короны Великобритании и превратило в герцога Виндзорского, никто из ее многочисленного семейства и родни, никогда слыхом не слыхивали о семье Барретов. Слишком огромная разница лежала между ними, слишком скромны в жизни были последние.

А потому нет никаких оснований считать, что Джаред Симпсон, правнук Френсиса Симпсона, младшего брата Уоллис, мог каким-либо образом узнать о неопубликованном романе Мелвина Баррета «Гибель Британии». Но. Френсис был страстным поклонником герцога Виндзорского. Отказавшийся ради его сестры от короны парень был кумиром Френсиса. Эндрю, это четвертое из своих семи имен предпочитал герцог, намекая на святого – покровителя Англии, Эндрю был чертовски славным малым, обаятельным, открытым и романтичным. Кстати, он всю жизнь полагал, что если бы Англия в свое время заключила мир с Германией, уда-

лось бы не только избежать мировой войны, но и сохранить Британскую Империю.

Когда герцог умер, Джареду было семь лет, и он запомнил прямую английскую трубку знаменитого двоюродного прадеда, его костистые руки и какую-то нестарческую миловидность лица, на котором улыбка и насупленность сменяли друг друга мгновенно. Собственно, он видел Эндрю один раз, на годовщине их с Уоллис свадьбы, это было сугубо семейное торжество, и в тот год они всей семьей полетели в Париж, где жил герцог. В разговорах между собой тот дом они часто называли дворцом, а герцога – несколько фамильярно «королем»: это повышало их семейное самоуважение. Своего собственного прадеда Френсиса Джаред в живых не застал, но обожание Эндрю передавалось в поколениях. Собственно, породненность с королевской династией Великобритании было главным пунктом их престижа и фамильного самоуважения; ну, не без некоторого снобизма.

Итак, американский патриотизм двадцатилетнего Джареда в 80-е годы XX века носил форму дерзкой борьбы за социализм и ненависти к эксплуататорской Америке. Но семейное воспитание не вытравишь: он хранил пиетет к королевской фамилии и преклонялся перед решающей ролью Англии в уничтожении фашизма. К этому возрасту он не был согласен с германофильством великого прадеда, пусть и двоюродного. Он гордился родством и чтил его память – но понимал, что победа СССР и возникновение Мирового Лаге-

ря Социализма – прекрасная, необходимая и справедливая вещь. Жертвы войны – ужасны. Но победа социализма – благотворна и неизбежна. Тогда Джаред учился в Нью-Йоркском университете, и книжный магазин на Бродвее в Нижнем Манхэттене, почти напротив их факультета, выставлял на витрине прямо перед входом Маркса, Троцкого, Мао и Маркузе.

Темой магистерской диссертации он избрал «Англо-Американский империализм как идеология Холодной Войны». Фултонская речь Черчилля. Колониальная политика. Общество потребления. Милитаризм и обогащение корпораций. Против народной экономики и справедливого распределения благ в странах, нацеленных на гармоничное развитие личности каждого и ликвидацию эксплуатации человека человеком.

Потом он стрелял в полицейского, потом отсидел в тюрьме четыре года, потом вышел и женился, потом писал статьи, преподавал в Беркли, растил детей, боролся за внедрение прогрессивных взглядов и ценностей, потом черные подростки, играя в «белого медведя», сломали ему челюсть и устроили сотрясение мозга; потом все пошло вразнос, «позитивная дискриминация», черные и латиносы могут быть тупыми, но не могут быть неуспевающими, потом легализовали открытое воровство в магазинах на сумму до 950 долларов, потом загадили весь штат; потом произошла Катастрофа.

Жена Джаредда однажды ушла за чем-нибудь съестным и не вернулась, дочь работала в легислатуре Орегона, сын, похоже, ушел в партизаны и от него не было вестей.

В конце концов Джаред перебрался – это было непростое и небезопасное путешествие – на Аляску. Нашел там заброшенную хижину. На запасной свитер выменял футов тридцать лески и пяток рыболовных крючков. Ржавый топор нашел на брошенном складе среди гирь, наточил о камни, ножом вырезал какое-никакое топорище. Несколько старожилов научили его ставить силки на мелкую дичь и птиц, а рыбу ловить он умел в детстве. Наш профессор стал вести натуральное хозяйство.

И вот здесь, джентльмены, о, какой здесь произошел роман! Это сага, это эпос, это символизм такого масштаба, что Герман Мелвилл сам прыгнул бы в пасть Моби Дику быстрее Ионы и разразился рыданиями горше Иова. Ибо нашему англофилу и прогрессивисту в одном лице, нашему Джаредду Симпсону, так сильно побитому жизнью, но, значит, мало она его била, а лучше бы убила до смерти еще в детстве, как не раз взывал и клялся он в Темные Годы, нашему интеллектуалу и родственнику незадачливого короля пришла в голову блестящая мысль повторить опыт отцов-пилигримов.

Вы чуете? Их там было человек сорок в том поселке. Из них восемь семейных мужчин, восемь замужних женщин соответственно, три старика и одна старуха, две девушки, несколько подростков и пятеро детей. И несколько холостя-

ков. То есть полноценных работоспособных мужчин человек двадцать. И наш Джаред Симпсон, удачно поймав хорошего лосося и сытно пообедав, поправив на камне нож и побрившись, надев чистые высушенные рубашку и куртку (они замачивались в моче, и потом терлись золой и выполаскивались в проточной воде, древний способ, который восстановили в отсутствии моющих средств) – наш Джаред Симпсон собрал народ на ровной площадке между домами. Он ведь был профессор. Имел опыт бунтаря и заключенного. И он был родственник короля, черт возьми! И он произнес речь.

Вы все этих речей еще в мирные годы от CNN наслушались, а умные в «Нью-Йорк Таймс» начитались. Джаред говорил о том, что работать вместе, артельно, бригадой, коммуной – гораздо лучше, чем поодиночке. Это повышает производительность труда. И можно не только ловить рыбу, а у кого есть ружье и патроны – охотиться на оленей. Но и сеять хлеб. И каждый будет заниматься своим делом, кто что лучше умеет. И все объединят свои труды. И продуктов будет гораздо больше. На всех хватит. И общее собрание будет все делить – поровну и по справедливости.

Это был берег Среднего Шандалара, и выпускников университета в поселке не оказалось. Народ был простой. Половина из старожилов, половина – новые приبلудные, вроде Симпсона. Складная и обольщающая речь их впечатлила. Симпсон достал заранее заготовленную бумагу, конституцию их маленькой коммуны, и все ее подписали, кроме де-

тей до шестнадцати лет.

Необходимо упомянуть о двух мелких обстоятельствах, которые оказались крупными. Во-первых, Симпсона, само собой, избрали старостой. Во-вторых, в коммуне оказались: один коренной американец, которого все так и звали: Индеец; он охотно откликался. Два молодых чернокожих. И три латиноса: муж с женой и их семнадцатилетний сын. Плюс кореец Пак. Джаред приветствовал как первое обстоятельство, так и второе: он радовался и уверял, что разнообразие и мультикультурность – именно то, чего им не хватало для успешной жизни, это сделает их сильнее.

Далее – читайте историю Плимут-Рока с поправкой на мультикультурность. Джареду хватило ума назвать их маленькую коммуну Джеймстауном. А лучше бы он назвал ее Пиздец. Чему их там учили в их школе и этом долбаном университете – невозможно себе представить.

Двух негров на запретную букву «н» звали Л. Б. Джонс и Рейвон. Л.Б. означало Лорд Байрон, его полное имя. Они были славные парни, и имели только один недостаток: как только никто не видел, они прекращали делать что бы то ни было. Они хотели быть охотниками, только пусть им дадут ружье. Коллектив умнел на глазах и сообразил, что с охоты они ничего не принесут, зато оправдание железное: ну не попалась дичь.

Охотником решили было сделать Индейца как человека, понимающего лес, но спохватились, что природный индеец

с ружьем, скрывшийся в лесу – это еще не гарантия мясного обеда коммуне: ему и так хорошо будет, а ну как приведет других индейцев пограбить бледнолицых?

Латиноса звали Рикардо, и никому не нравилось, что он ходил с ножом в кармане, хотя вел себя мирно. Вот только черных он переносил плохо и работать вместе с ними отказывался. Рикардо в юности сбежал из Венесуэлы, но что-то от старой закваски в нем осталось: он ходил искать грибы, большую часть сушил на зиму, но и свежие, и сушеные употреблял на магическое варево, от которого стекленели глаза, а изо рта вылетали любовные стоны вперемежку с боевыми криками. Излишне говорить, что Рейвон и Л. Б. Джонс были его постоянными клиентами: расизм расизмом, а бизнес бизнесом. Общее собрание постановило грибы отобрать и уничтожить, и после реквизиции и сжигания в костре у экзекуторов выпучились глаза и потекла слюна. Рикардо сказали, что если еще раз увидят его грибы – убьют, после чего грибов никто больше никогда не видел. Но гнусные проявления этого дикарского наркотика иногда наблюдались даже у тихого трудолюбивого Пака.

Вам уже все понятно. С огромными трудами наши коммунары добыли и принесли на себе мешок картошки и три мешка пшеницы. Посевную провели в праздничном настроении. Посаженная картошка сгнила, посеянная пшеница не взошла. Не то почву выбрали неподходящую, не то зарыли глубоко. А ведь все были уверены, что дело пойдет! – пото-

му что каждый полагал, что другие-то позаботятся обо всем лучше.

Потом пошло по классическому сюжету. Сначала женщины отказались стирать одежду для всех мужчин и готовить пищу для всей коммуны – тем более, что и готовить было особенно нечего. Потом мужчины выяснили, что за своими сельскохозяйственными упражнениями они упустили время нереста лосося, рыбы стало меньше, и заготовки основной пищи на зиму явно не покрывают потребности. А ведь еще недавно дружно рыхлили землю и бросали зерна, еще недавно вместе делали удочки и ловушки для рыбы!..

Утонул Джек Кантуэлл, самый здоровый мужик во всей коммуне. Кто-то украл у безотказного работяги Пака бутылку с какой-то микстурой, которой он очень дорожил, бедняга плакал и просил отдать. Потом лег снег, речка встала, вытапливать рыбий жир для светильников было не так просто людям вчерашней цивилизации.

Тогда началась трагедия. Вся пища – в основном вяленая, сушеная и копченая рыба, еще женщины насобирали за лето клюквы и брусники – хранилась теперь на общем складе. Дверь склада закрывали на замок. Однажды утром пробой замка оказался выдернут из трухлявого косяка двери. Пропажи не отметили – видно, вор взял немного. Но после этого решили ввести ночные дежурства – а зимние ночи на Севере бывают по восемнадцать часов...

Очень трудно перечислить все события той зимы корот-

ко, и нет смысла перечислять их долго. Редклиф Смит, дежуря по складу, убил Л. Б. Джонса: тот с Рейвоном раскачали и вынули бревно из задней стены, Редклиф на шум обошел склад и со всей злобой ударил Джонса, тащившего связку рыбы, по затылку. Удар пришелся неудачно (или удачно, с чьей точки зрения смотреть) и сломал вору шею. Наутро судили Рейвона: дали ему еды на пять дней и приказали идти вон куда хочет. Вряд ли он выжил в ледяной пустыне.

Пропала любимица коммуны, старая ездовая лайка, исполнявшая роль сторожевой собаки, сторожить было нечего, но придавало хозяйству уюта, о корме для нее не жалели. Все переглянулись, подступили к Паку, в его хижине обнаружили следы преступления: гад ее съел. Бить его не стали, тихого и работающего, но на месяц лишили еды (и так мяса нажрался, сволочь); месяца Паку не понадобилось, он умер через три недели.

В январе вспыхнул бунт: еду получали по едокам, соответственно бездетные, составлявшие большинство, потребовали делить теперь еду по работникам. Дети не работали – а чужие люди их содержать не обязаны. Измученный Джаред рыдал и уговорил собрание отпускать детям хоть половину взрослой нормы. Началась драка, и в результате пошли на склад: инвентаризовать и разделить всю еду по людям и семьям. Все следили за дележкой зло и зорко.

Ночью Джаред тихонько постучал в дверь Рикардо, унижался и клялся, и обменял кусок рыбы на полчашки грибно-

го отвара. Пить Рикардо велел прямо здесь – в метели за дверью, и чашку сразу забрал: у него лишней посуды нет. Приход обещал через четверть часа. Через четверть часа стены джаредовой хижины раздвинулись, в окнах засветилось сиреневое зарево, сделалось тепло, все помчалось в витом фиолетовом тоннеле, и никакого отчаянья не было вовсе; и даже наутро, когда проснулся, жить стало легче. Коммуна кончилась. И хрен с ней.

Из всех женщин беременной оказалась только пятнадцатилетняя Дасия, дочь Рикардо. Рикардо объявил об этом сам – и указал на Джареда. Всхлипывающая дочь подтвердила. Джаред изумлялся, возмущался, и поскольку был искренен, то выглядел в глазах людей фальшиво. Очевидно, план Рикардо состоял в том, чтобы породниться с каким ни на есть начальником: должно же быть у него припрятано что-нибудь съестное и хорошее? и вообще он власть, а это полезно.

У Джареда не нашли ничего сверх положенной еды и стали выбивать признание. Били долго и старательно, хотя не сильно: сил уже было мало.

Назавтра мертвым оказался Ричи-Хромой, который бил Джареда злее всех, и народ притих. Ричи, конечно, сильно отощал, но совпадение странное... Джареда оставили в покое.

А с ним что-то случилось. Последующие события его уже не трогали. До весны и тепла Сэм-Затойчи зарезал Морриса, на Сэма набросились, скрутили и повесили. А Шейла, жена

Коротышки Норвуда, повесилась сама. За поселком выросло свое маленькое кладбище. Началась цынга, старинная болезнь, ну, от такой-то кормежки. У Джареда стали выпадать зубы, десны кровоточили. А ему было плевать. У него появились два дела, оба серьезные.

Во-первых, он люто возненавидел всю левую доктрину. Левую идеологию, теорию, пропаганду, любые левые взгляды и примеры из истории. Левые убеждения и левая практика – вот к чему они привели его, и их поселок, и страну, и мир. Вот он – одинокий, старый, больной и голодный изгой, вознагражденный благодарными людьми за все, что пытался для них сделать. Он бы лично загнал в газовую камеру Маркса, заморозил в Сибири Ленина, расстрелял Че Гевару, а Меркадеру дал денег на новый ледоруб для Троцкого.

Во-вторых, он писал роман. Мысленно писал, в голове. Преодолевая голод, он уже четырежды относил ночью Рикардо куски рыбы и бережно, растягивая каждую каплю наслаждения, выцеживал полчашки волшебного напитка. Рикардо проникся к нему некими родственными чувствами, забывшись называл зятем, и рассказал кое-что про Кастанеду. И в мире, который постигал Джаред, все тайное стало явным и проявилась картина. Это и был роман.

Роман был подобен ветвистой грибнице, сотканной в черноте из тонких синих молний. Эта вспыхивающая синяя паутина искрила узелками пересечений и испускала мгновенные игольчатые лучи в разные стороны. То был роман об их

коммуне.

Ведь у каждого были отец и мать, бабушки и дедушки, кучи предков: когда-то они покинули Старый Свет и добрались до Америки, чтобы на новом голом месте, с нуля, в нищете и неизвестности, начать новую жизнь, рассчитывая только на собственные силы. Они пахали землю, пасли скот, строили дома и прокладывали дороги; рожали детей, старались дать им образование, копили деньги на их свадьбы; они надеялись на счастье и дороже веры в Бога была им вера в Великую Американскую Мечту: трудись, дерзай, верь – и ты можешь добиться всего. Они выбивались из бедности в скромный достаток, переезжали с места на место, забывали своих предков, работали и верили, молились и пьянствовали, воевали в Гражданскую и за океанами, гордились родственниками, выбившимися в большие люди, выплачивали кредиты и плакали, когда сильное горе. А ведь предков Л. Б. Джонса и Рейвона привезли сюда в трюме закованными, и еще сто лет они собирали хлопок на плантациях, и бедствовали после Гражданской войны, и еще сто лет жили как черные скоты, унтерменши, мечтая о равенстве не для себя, так для детей: и вот Джонса и Рейвона уже нет в живых. А предки Рикардо и его жены плыли когда-то из Испании, чтобы потом жениться на индейцах Центральной Америки, а потом кто-то породнился с черными африканцами, сбежавшими с плантаций или уже освобожденных из рабства, а потом были войны за независимость, а потом процветание и следом ни-

щета, а потом пешком, месяцами, через границу в США, а банды, а MS-13, а наркоторговцы, а гроши за сезонный сбор фруктов, а потом Катастрофа и Темные Годы... А Индеец – он был из атапасков, ингалик, он рассказывал; до прихода белых – сначала русские, потом англичане, потом американцы – атапаски были свободным и сильным союзом племен, охота на оленей и песцов, обильная рыбалка, они не знали голода, не знали болезней и виски, но белые растворили их в себе, подчинили своему духу и своей культуре... и вот Индеец ушел, когда, куда, как? никто не видел; а он был молчалив, вежлив, но с юмором, в нем не было зла. А мы, мы!.. голландцы и французы, англосаксы и немцы, ирландцы и итальянцы, шведы, поляки, датчане – мы ведь все давно перемешались, в нас кровь многих народов, гены Столетней Войны и Реформации, мушкетеров Луи XIV и гренадер Великого Фридриха, голландских матросов и немецких крестьян, французских виноделов и английских лучников, потяни каждого из нас, как морковку из грядки – и за ним потянется все ширящийся и бесконечный пучок предков, от которых мы взяли их кровь, их гены, их темперамент и ум, их задиристость и трудолюбие, их любовь и надежды. И каждая несчастливая влюбленность каждого из наших бесчисленных предков, каждая свадьба и рождение каждого ребенка, каждая смерть и каждый успех в работе и достатке – все это продлилось в нашу жизнь и остается основанием нашей жизни. Кому же по силам написать этот бесконечный, бес-

крайний роман о человечестве, вся сущность и вся судьба которого выразили себя в нашем крошечном и злополучном поселке?

Вот что я познал здесь, печально и гордо подумал Джаред. Вот в чем смысл нашей здесь жизни. Вот – вся основа, весь каркас великого романа о нас. Мы – это история всей Америки. Только трогай уходящие вглубь истории нити осторожно, не порви их, бережно вытягивай на свет – и закрепляй словами, чтобы они не распались навсегда и не исчезли.

Хуй я напишу такой роман, вслух сказал Джаред, привыкший за последний год к грубой прямоте речи. Он подумал еще о красках и звуках, о снежном покрове зимой и голубом небе в речке летом, о зеленой траве, серебристой форели и ее розовом мясе, о смеси океанского ветра и духа немых тел на парусном корабле переселенцев, о джунглях Африки и солнце плантации, о черной борозде за плугом, который тянет пара быков, о заводском гудке в шесть утра, об адвокатских конторах и банковских закладных, шорохе асфальта под колесами и гуле в барах, о ногах, сбитых в дальних пеших переходах и стирке в моче, к которой уже привыкли...

– Хуй напишу я такой роман – признал он свое поражение и впал в любимое и ничего не стоящее занятие: стал внимательно и ностальгически перебирать годы и дни своей замечательной прошлой жизни. Где его не устраивало только одно: как всякий неопит, он люто ненавидел свои прошлые взгляды, от которых отказался так решительно.

...Так однажды и вспомнил магистерскую диссертацию и решил написать другой роман – о холодной войне.

Ему не было дела до вовсе не знакомого ему Мелвина Баррета и его великого романа, да хоть бы и не великого, да хоть бы и «Гибели Британии». Но. Вы поняли. Два немолодых мужчины, белые христиане и нормальные гетеросексуалы, те, на ком поднялась и стояла Америка, пока не рухнула – попав в одни обстоятельства, волею этих обстоятельств выказали едва ли не полное сходство судеб. И, будучи людьми одного замеса, одной генерации, одной культуры и одной судьбы – они запитывались из одного информационного облака.

Роман он решил так и назвать:

ХОЛОДНАЯ ВОЙНА

И вкратце он был таков:

Глава 1. Фултонская речь Черчилля

С нее, как принято считать всеми прогрессивными мыслителями и историками, началась Холодная Война. Произнесена 5 марта 1946 года в Вестминстерском Колледже, Фултон, штат Миссури. Черчилль, позорно и драматично проигравший выборы апреля 1945, был теперь лидером парламентской оппозиции. И это был частный визит, старик отдыхал.

Однако, как с удивлением осознал бывший либераль-

но-коммунистический историк (простите, это термин Джаред Симпсона), речь, которая изначально называлась «Мир во всем мире» (World Peace), и только потом ходила под рабочим названием «Железный занавес», была указанием на опасность новой войны и ее категорическую недопустимость, и призывала именно к миру, именно не дать разжечь новую Большую Войну! А с учетом реалий – необходимо создать Европейский Союз и его армию, соблюдать баланс сил с СССР и гасить возможность войны в зародыше. Гм. Вот так штучка.

Черчилль сказал, что Советы опустили Железный Занавес через весь континент от Балтики до Адриатики, отгородив страны Центральной и Восточной Европы от остального мира, и насильно устанавливают там коммунизм; это плохо, опасно, чревато противостоянием и конфликтами.

Черт возьми. Не более чем констатация. Эта речь оказалась призывом к миру!.. М-да... А мир Советский Союз будет соблюдать при одном условии: если война будет для него означать не явную победу, а катастрофу. Потому что пятая колонна коммунистов, проплаченная и инструктируемая Москвой, работает на подрыв и уничтожение свободного общества во всех демократических государствах. О Господи... что же я всю жизнь делал?..

О! – картины и детали! Условие Черчилля для произнесения речи: пусть президент Трумэн едет вместе с ним. И специальный для них поезд, стекла вагонов и открытая пло-

щадка, вокзал, свита, репортеры, вспышки камер. Охрана, отель, автомобили, студенты, толпа, полицейское оцепление. Сигара сэра Уинстона и его жест «виктория» – два пальца рогулькой, его котелок и лицо бульдога, полосатые брюки; напор и обаяние его речи! И туча прессы, разносящей его слова по всему миру.

Глава 2. Персидские мотивы

С чего же этот зоологический антикоммунист произнес свою агрессивную милитаристскую речь, так ненавидимую нами почти сто лет (писал Джаред Симпсон)? Что стряслось? Он же недавно клялся в дружбе маршалу Сталину, которого чтит? Зачем опять он протрубил крестовый поход Запада на Россию? После такой кровопролитной войны, в которой Россия сыграла главную роль, заплатив за уничтожение гитлеровской Германии 20 миллионов жизней своих граждан? (Или 27 млн. Или 42 млн! Даже сосчитать невозможно!)

Вот отдельный роман – многотомная эпопея. Здесь убийство в Тегеране великого русского поэта Грибоедова и подаренный за это императору Николаю I знаменитого алмаза «Шах». Вглядываемся глубже: за последние 300 лет – 7 русско-персидских войн, и во всех Россия выступала агрессором, расширяя свою территорию и влияние.

Шальвары, тюрбаны, кривые сабли, всхрапывают арабские скакуны – и неостановимое движение русских пехотных

колонн: бухают сапоги, блестят ряды штыков, скрипит песок под колесами пушек. Сады за глиняными стенами, изразцовые купола мечетей, стервятники кружат над пустыней в белесой голубизне небес. Мечта солдата: изнасиловать красавицу-персиянку, набрать узелок золотых колец и драгоценных камней и принести в Россию на дне ранца.

Итак, в июле-августе 1941 СССР и Англия оккупировали Иран – соответственно северную и южную части. Для безопасности от немецких агентов на маршруте ленд-лиза США-СССР: через Иран шла четверть всех грузов. По договору, войска должны следовало вывести через шесть месяцев после окончания Войны, то есть победы над Японией. До 2-го марта 1946, короче. Англичане и вывели.

А Сталин не вывел. Более того. Еще осенью 1945 на севере Ирана возникло марионеточное сепаратистское правительство Иранского Азербайджана, провозгласившее независимость части Ирана, прилегавшей к Азербайджанской Республике СССР. В иранском Курдистане была создана Республика Мехабад. Советские войска не позволяли Ирану ликвидировать мятежные образования. Иран подал жалобу в Совет Безопасности ООН – это была первая жалоба туда. ООН единогласно приняла резолюцию СовБеза – вывести наконец Советскую Армию. И? 4 марта советские танковые колонны двинулись к Тегерану, а также к границам Турции и Ирака. К ним оказались свои территориальные и другие претензии. В мире началась паника. Пахло Третьей Миро-

вой Войной на Среднем и Ближнем Востоке. 5 марта пошли новые танковые колонны.

5 марта Черчилль и произнес свою речь. Его призывы обеспечить мир и были объявлены в СССР призывами к войне.

Однако в результате к 9 мая 1946 советские войска все-таки заставили уйти из Ирана. Вслед за чем немедленно рухнули заключенные недавно между СССР и едва им не свергнутым иранским правительством договоры о нефтяных концессиях. Пыль от танковых гусениц на дорогах, лязг и крики на железнодорожных станциях, набитые счастливыми отвоёвавшимися солдатами поезда, злая ругань в Кремле.

Сталину не удалось встретить День Победы, праздничную первую годовщину, в Тегеране, Багдаде и Стамбуле. Ах, какая операция сорвалась! Какой рывок к черноморским проливам и Индийскому Океану!..

Войдя в раж, Джаред топал опухшими ступнями и гоготал, ругаясь грязными словами в адрес подлого британца и пытаясь придать голосу грузинский акцент, который получался у его Сталина скорее китайским. И стучал по столу воображаемой трубкой.

Глава 3. Греческая смоковница

А в Греции разгоралась гражданская война между государственными войсками легитимного правительства – и

Народно-освободительной армией, по сути боевым крылом коммунистов. Коммунисты финансировались Москвой, ин-структировались и вооружались Москвой и собирались строить в Греции коммунизм. Весной 1945 никто отнюдь не гарантировал, что победят правые, а не левые.

Вот тебе и оливковые рощи на каменистых желтых склонах, и белые домики с голубыми окнами и дверьми, и брынза с лепешками, и мраморные руины античных храмов...

Глава 4. Восточный вал

С севера на юг, от Балтики до Средиземного моря: Польша, Чехословакия, Венгрия, Румыния, Болгария. Везде коммунистические партии растут и крепнут с фантастической скоростью. И выкидывают из власти социалистов и демократов, как кукушонок выбрасывает исконных птенцов из гнезда. И везде московские эмиссары, деньги и инструкции, и держится все на советских оккупационных войсках. Не для того Сталин очищал Европу от фашистов, чтобы пустить занятые страны на самотек: вы теперь свободны, делайте, мол, что хотите. Шалишь! Наша кровь, наше железо, наша сила – наша будет и власть.

Из-под германской оккупации эти страны попали под оккупацию советскую, но Сталин умнее Гитлера: мы нарисуем всем декорации самостоятельности. А делать будете, что мы решим.

Польша: с 1944 г. у власти посаженное Советами и сформированное в СССР коммунистическое правительство.

Болгария: сразу после оккупации Болгарии советскими войсками произошел коммунистический переворот.

Венгрия: сразу после оккупации была образована республика, тон в парламенте задавала стремительно растущая фракция коммунистов.

Румыния: после оккупации премьером сделан социалист, советская марионетка, возглавляющая стремительный рост влияния и приход к власти коммунистов.

Чехословакия: разумеется, на «выборах» в 1946 г. побеждают коммунисты.

Плюс «вольные коммунисты» Югославии и Албании, которые сумели, получая советские деньги и оружие, извернуться и взять курс на построение коммунизма самостоятельно, не по указке и лекалам Москвы. Что крайне раздражало Москву, но не делало закрытые тоталитарные режимы Албании и Югославии свободнее.

Глава 5. Слухи

Широко циркулировали слухи, не могущие быть подтверждены задокументированной секретной информацией. Что в местах соприкосновения советских и американских войск в апреле 1945 года кое-где те и другие, достигнув демаркационной линии первыми – иногда преследуя отступающего

противника, иногда по ошибке – залезали на территорию, размеченную на карте для союзника. Позднее, в мае, на всех таких (немногочисленных) участках происходило организованное разведение войск.

Но. Слух утверждали, что имели место боестолкновения, иногда масштабные. Инициатива всегда исходила от советской стороны. Выполняли полученный приказ: если союзник не отойдет в точно, до минуты, установленный срок – начинать движение вперед, выдавливая противостоящие части; в случае же сопротивления – подавлять его силой.

Фронтовики утверждали: был негласный приказ – прощупать американцев штыком, чего они стоят.

(И до могилы вздыхали меж собой многие советские ветераны: «Эх, весной 45-го надо было идти дальше! Всю Европу прошли бы, до океана. Кто мог такой армии противостоять тогда? Да никто не мог!»)

Глава 6. Так кто начал холодную войну?

Джаред Симпсон пришел в бешенство. Оказывается, он все это всегда знал. Раз помнил. Но знать не хотел! Знал – а верить не желал!

Так какого хрена вам надо от старика Уинстона?! – завопил он.

Блять! Они хотят захватить весь Средний Восток, их танковые колонны идут сокрушать независимые государства,

они установили тоталитарные марионеточные режимы во всей Восточной Европе – и они имеют наглость лгать в глаза, что это Черчилль объявил им Холодную, видишь ли, войну! А сами содержат Коммунистическую партию США, финансируют их вонючую газетенку, врут с неправдоподобной подлостью, что нищие и бесправные русские рабочие – видите ли, живут богаче и счастливее «угнетаемых американских пролетариев»! И заявляют вслух, открыто, что родина пролетариев всех стран – это Советский Союз, до зубов вооруженный и с голой сракой, и надо в Америке тоже установить советскую власть по указаниям Москвы!!!

Боже мой, с безнадежной скорбью подумал Джаред Симпсон. А ведь я мог бы заниматься спортом, стать зеленым беретом и бить русских во Вьетнаме и Афганистане. Хоть бы какая-то польза была от поганой моей жизни...

Глава 7. Когда началась холодная война?

Погодите, наморщил пятнистый лоб Джаред. Но ведь еще в 1943, разорвав отношения с лондонским Польским правительством, Советы фактически объявили холодную войну Западу. Они сочли Правительство Польши утратившим силу, статус, чего там еще, в сентябре 1939, когда вступили в оккупируемую Польшу с востока, навстречу вермахту. А признали вновь в июле 1941, и правительство, и польское государство с его границами – вынужденно, официально, то-

гда они и черта рогатого признали бы: а правительство сидело в Лондоне, и англичане считали его очень даже правомочным, потребовали признать, а без помощи союзников Советам был конец.

То есть. Холодная война началась еще в 1943 году, если разобраться. Зачем? А в 1944 Красная Армия дала немцам уничтожить Варшавское восстание, а потом сама уничтожила все руководство Армии Крайовой, подчиняющейся именно законному правительству, и посадила во власть своих марионеток. Это что? Это Сталин начал захват Европы. СССР еще получал горы оружия и припасов от Америки, английские моряки еще гибли в полярных конвоях с грузами для Советов, а недружественные, захватнические действия русских уже начались.

Так. А когда в январе 1945 в Будапеште был арестован чекистами и сгинул в подвалах Лубянки Рауль Валленберг, дипломат, швед, нейтрал, спасший тысячи евреев от уничтожения, не сделавший ничего против СССР – это было что? Теплый мир?

Погодите. А когда во время войны американские бомбёры, отработав по Японии, садились иногда на вынужденную на советском Дальнем Востоке? Экипажи интернировали, а самолеты забирали себе: их потом изучали и копировали, выпуская свои безлицензионные копии под видом якобы самостоятельных моделей. Советы оправдывались, что перед японцами обязаны соблюдать мирный договор. Отхватить

потом у японцев Курилы это им не помешало.

А война с Финляндией и аннексия Прибалтики – это не Холодная войны? Ах нет – это горячая. За это из Лиги Наций исключили.

СТОП. В голове у Джареда повернулось на один щелчок еще одно колесико, и все цифры сложились в комбинацию, открывающую сейф. И очень просто.

А когда вообще Советский Союз не вел против Запада холодную войну? То есть: войну идеологическую, сопровождающуюся политическими акциями и диверсиями, экономической поддержкой подрывных элементов...

Коминтерн!!! III Интернационал!!!

Он создан в 1919 году. Еще шла Русская Гражданская война. Он задуман как всемирный центр по подготовке и проведению социалистических революций во всех странах. Во всех странах должны быть созданы компартии. Москва – центр их подготовки, инструктажа, финансирования и вооружения. В СССР их вожди будут лечиться, проходить проверку и получать указания. А по всем странам надо вести пропаганду, издавать газеты, агитировать бизнесменов и журналистов, политиков и военных, создавать повсеместно рабочие красные ячейки – чтобы в конце концов свергнуть капитализм и построить социализм.

То есть. Советы НИКОГДА не скрывали своей непримиримой ненависти к Западу, его ценностям и свободам – и делали все, чтобы подготовить и провести его свержение.

Как сказал Хрущев, приехав в США: мы вас похороним!

И после этого вы смеее заявлять о Черчилле, объявившем Холодную войну?!

Глава 8. Киноэпопея

1918 год. Кончилась Великая Война. Еще свирепствует испанка. В России бушует Гражданская война. Красный террор: расстреливают заложников по классовому принципу: юристы, профессора, журналисты, конторские служащие, учителя и офицеры – все это буржуазия, враждебный класс. Десятитысячные массы конницы сверкают шашками. Грохочут орудия бронепоездов. Наемные карательные отряды латышей, китайцев и мадьяр наводят ужас на крестьян. Пулеметы косят наступающие полки.

А Ленин в Кремле исповедует и реализует доктрину Мировой Революции. Устанавливаются социалистические красные республики в Персии и Ирландии, Германии и Венгрии, золото и винтовки идут к коммунистам Италии и Франции, в Москве эйфория: скоро расстреляем и перевешаем всех буржуев, весь мир будет принадлежать пролетариям!

...мечутся в тифу, носят дешевые одинаковые одежды, живут по пять семей в одной «коммунальной квартире» – один туалет на всех, ванны и душа нет, раз в неделю ходят в баню; свободная любовь, нудисты в трамваях, абстрактное искусство; тотальная милитаризация, дети учатся колоть

штыками, девушки в красных косынках стреляют из винтовок и пулеметов...

Естественно, никто не желает иметь дело с этими головорезами. (Банкиры в полосатых брюках и котелках, дымя сигарами, брезгливо морщатся.) Большевики отказываются платить любые долги, они свергли законное правительство, разогнали парламент, расстреляли демонстрацию; они массово уничтожают мирное население, они открыто обещают устроить это по всей Земле.

(Черные кожаные куртки «чекистов». Матросы в полосатых фуфайках. Маузеры и расстрельные подвалы. Новое «государство» отобрало у всех квартиры и дома, все сбережения, запретило торговлю, закрыло все газеты, запретило все партии, кроме своей, запретило возражать себе, конфисковало оружие у всех граждан. Беззащитные и бесправные обыватели тряслись от ужаса...)

Итак. С самого начала большевики объявили войну всему миру. Они пообещали уничтожить всех, кто с ними не согласен, всех, кто хочет им противиться, всех, кто предпочитает любой другой строй, любые другие политические отношения и экономическое устройство.

Стучат поезда на рельсовых стыках, миллионы солдат возвращаются по домам, впроголодь живут разоренные войной народы, истерзанная земля еще не заросла зеленью, еще не разобраны руины. И в каждом эшелоне, в каждой столице – коммунистические агенты и агитаторы.

Вот сборище коммунистов всех стран в Москве. Их кормят икрой и севрюгой. Им шьют дорогие костюмы. Их учат брать власть в своих странах. Они усвоили, затвердили:

Советский Союз, первое в мире социалистическое государство – родина рабочих и коммунистов всех стран. Вы поняли, американцы и немцы, французы и англичане? СССР – вот ваша родина, раз вы коммунисты. Интересы большевиков – ваши интересы. Враги СССР – ваши враги!

Черные автомобили, черноморские курорты, лучшие московские отели – и деньги, деньги, деньги.

Глава 9. Заключительная

Набросав портреты товарища Гэса Хола и Мориса Тореза, Вальтера Ульбрихта и Николаи Чаушеску – Джаред Симпсон сосредоточился на расстрелах ленинской гвардии в сталинских процессах, на портрете и судьбе самого Сталина, и затем бегло – эпохи Хрущева, Брежнева и «скоропортящихся генсеков». Горбачев заключил эту галерею.

Деяния вышеупомянутых известны, заключил Джаред.

И резюмировал:

Холодная война – это естественная форма внешнеполитического существования СССР в течение всей его истории: с 1917 по 1991 год.

Советская власть объявила своими врагами все государства, где коммунисты не захватили власть, и неукоснитель-

но придерживалось этой идеологии. Со всеми вытекающими практическими последствиями.

10. Эпилог

В Холодной войне СССР против свободного мира был один перерыв – с июня 1941 по июль 1944 года. Под разгромными ударами Вермахта терпящий бедствие Советский Союз был готов на что угодно, лишь бы заручиться добрым отношением Запада – США и стран Великобритании и Британского Содружества. Он погибал без взрывчатки и бензина, обуви и продовольствия, современных станков и автомобилей, броневой стали и алюминия. Русские очень плохие организаторы, воевали с чудовищными потерями, теряли военной техники во много раз больше, чем немцы; не говоря уже о людях... Ради гигантских поставок по ленд-лизу Сталин был готов льстить, соглашаться, распускать Коминтерн (фиктивно) и приказывать своим пропагандистам сочинять историю вечной дружбы России и Америки с Англией.

Второй раз Холодная война прекратилась при Горбачеве, в конце 1980-х. Это было уже навсегда – через несколько лет СССР развалился и самоликвидировался.

...Однако не прошло и 15 лет, как Президент новой, независимой, постсоветской и якобы демократической России вновь объявил Холодную войну Западу. Зачем? Почему?

Во-первых, психология войны и осажденной крепости

способствует сплочению народа вокруг власти.

Во-вторых, внешняя угроза объясняет необходимость внутреннего ужесточения режима.

В-третьих, в полувоенном, осажденном положении, во враждебном окружении – легко и просто заткнуть любые рты и посадить или убить любого недовольного.

В-четвертых – так удобнее грабить страну и держать народ в нищем и рабском положении.

В-пятых – это принципиально, это очень важно: когда власть в государстве захватывают бандиты – внутри они устанавливают грабительский и деспотический порядок. Такова бандитская сущность. Из этой сущности проистекает, после внутреннего устройства страны под себя – распространение своего порядка и своих представлений о мире на соседей и далее на все территории и государства, до которых государство-бандит сумеет дотянуться.

Сущность бандита – бандитствовать. Сначала в своем доме, своем районе и городе – а потом вокруг, расширяя свою власть и увеличивая добычу.

Это – социальный инстинкт. Объективный социальный закон. Закон социальной экспансии.

Свободный демократический Запад веками осуществлял свою экспансию не только войной. Но: товарами, технологиями, культурой и искусством, повышением уровня жизни и свобод.

А Россия? Цивилизационно – это потребитель и подра-

жатель западных открытий и достижений. Но огромная территория, богатейшие природные ресурсы и многочисленное население дает ей высокий социальный потенциал. А сложившиеся за одиннадцать веков традиции рабства и азиатской сатрапии не позволяют этот потенциал развивать в цивилизационном направлении – создавать и строить. Ибо цивилизационное изобилие проистекает из того, что индивидуальные людские энергии высвобождаются. А для этого необходимы политические свободы и демократические порядки.

Тоталитаризм способен на рывок, но не способен на длительный и упорный цивилизационный подъем.

Из этого следуют две ужасные вещи. Ужасные не только для России, но и для всего мира:

1. Россия НИКОГДА не будет передовой страной с сытым свободным народом.

2. Россия ВСЕГДА будет находиться в состоянии Холодной войны с Западом – это ее форма самореализации в сфере внешней политики. «Превзойти цивилизационно не могу – но пизды выпишу так, что костей не соберешь, и нервы попорчу крепко. Со мной надо считаться!»

Недолгое колебание воздуха

– Вот это страна! – с сумасшедшим восторгом сказал вслух Джаред Симпсон. – Гадюшник! Шпана! Как волка ни корми, а все равно укусит. Но, ребята! Но, ёб вашу мать! Ес-

ли в этом ужасе, в этом конце света, в этой Катастрофе!!!
злая голодная тоталитарная Россия устоит – ненавидящая
пидарасов и черножопых, закрывшая границы и избивающая
наглых мигрантов – у Цивилизации будет шанс.

Держитесь, гады! Посмотрим, на что вы способны.

Глава 19. Мой черт

Выпил я, стало быть, у Рикардо – под дверью, ночью, как повелось – полчашки грибного его настоя, даже в темноте бурого, как кока-кола, и удушливого, как заплесневелый сыр, выпил и пошел к себе. Не спалось мне, и сел я на чурбак у изрезанного ножом стола своего, подумал – и зажег светильничек свой драгоценный, рыбий жир расходующий. И достал тетрадку заветную, толстую, 94 страницы, обложка черная засалилась давно. И открыл баночку маленькую пластмассовую из-под таблеток, где чернила держал, сделанные из сока ежевики, порошка жженой резины и мочи. И перо достал – обычное воронье, подобранное, у которого отсек наискось кончик и надрезал надвое. И стал писать.

А писал я то, что вы сейчас читаете. Той ночью писал я о лени и беспечности негров, о вспыльчивости и сексуальности латиносов, о том, что индейцы – они вообще не такие, как мы, и о том, что вся культура наша – это культура белых, а несогласные мудаки могут идти на хуй.

Вот тут он и возник. Словно тьма за пределами рассеянного желтого шарика света сгустилась на миг и собралась в извитое, изломанное тело, и было оно телом черта. И головой, конечно. С рожками. Как полагается.

Я лично не разволновался, с грибов и не такое явится. Напротив, настроение у меня было тоскливое, и развлечение

даже обрадовало.

– Ну, – говорю я, – рогатый парнокопытный, чего надо? Души у меня давно нет, хуй его знает, куда она делась. Долго выматывали. А остальное и вообще заебешься искать. Чего хочешь-то? Поговорить с умным человеком – или с мудаком редкостным? Тогда пожалуйста – оба перед тобой. У тебя в глазах не двоится? Что молчишь? Зашел – гостем будешь. Выпить поставь – хозяин будешь.

Он бородку свою козлиную так погладил осторожно пальцами, как испанский гранд пизду королевы, когда ебать просит, но еще сомневается, и говорит:

– Мы с тобой родня, – говорит. – Ты людей всю жизнь наябывал – и я наябываю. У тебя проблемы – и у меня проблемы. Так что я к тебе пришел за духовку перетереть, как к своему. Поговорить-то не с кем.

Тут я подзахуел, скрывать не стану. Тон у него просительный. Ну, думаю, взлетел я над вами всеми, как стрела над сортиром. Это кем же надо стать, чтоб черта к тебе принесло на жизнь жаловаться?

– Да, блять, удивил, – говорю я. – О чем же ты говорить хочешь? И чего за это потребуешь?

– Мне, – говорит, – и того хватит, что ты мучишься, а после разговора нашего еще больше мучиться будешь. Потому что я-то живу согласно своей социальной роли, и твое мучение – мое удовольствие и, можно сказать, профессия. А вот ты без всякого результата, без исхода и смысла страдаешь.

– Что это я так страдаю-то? – спрашиваю я, а сам под дурачка деревенского кошу.

– А то, что выкинут тебя за твою книгу из всего приличного общества. На работу никуда не возьмут. Только парковщиком или мойщиком окон – так туда еще пробиться надо.

– С чего бы? Ишь, засучил копытами, козел наглый! И перестань оттуда пальцем выковыривать, противно же.

– Ты, брат мой, друг дорогой, неполиткорректен, как говно на праздничном столе. Вечно ты ссышь против ветра. Тебе знаешь что все скажут? Что ты фашист, расист, сексист, гомофоб, ксенофоб и хер знает кто еще. Короче – тебя даже три раза повесить мало.

И вот тут мне, ребята, сталро смешно. Ну черт. Ну старый пидор рогатый... Кончилась прежняя жизнь! – навсегда кончилась! Нет больше приличного общества! а тем, которые себя им считают, я могу только на дверь нассать, а руки не подам. Рухнула ваша чудесная злоебучая цивилизация – пизда вдребезги, хуй пополам!

Так я ему и сказал:

– Сунь палец в жопу и заткнись. Никого не боялся Пол Баньян.

А он аж рогами зашевелил, аж шип змеиный издал, затряс бородой своей козлиной:

– Сожгут тебя на костре, развеют прах по ветру, а на Том Свете встречу я тебя у ворот и в костер суну на веки вечные! Понял, храбрец херов?

– С нетерпением буду ждать встречи. Тогда я наконец обломаю тебе рога, скупщик бракованных душ.

– Сообрази сам: да нет уже давно никакого смысла ни в какой литературе, ни в каких на хрен книгах, ни в каком твоём мудацком романе! Да ведь все равно никто уже ничего не читает и читать не будет! И романа твоего уродского никто не прочтет – да на хрен он кому нужен!

– Ты ошибаешься, рога с копытами тебе в зад. Есть смысл. Была Холодная война – был у нас враг. И мы – жили! Не стало врага: никто нас не напрягает против себя – и мы расслабились и распались, жирные, одрябшие, прекраснотушные и слабые кретины с розовыми слюнями и бредовыми идеями. Враг – это борьба, борьба – это жизнь. Вот о чем я пишу.

– Брось писать свою ебаную книгу, гад!! – рявкнул он.

И этот рев его адский наполнил меня напряженным до звона чувством, как ураган наполняет открытый дом. И чувство это называется гордость. Гордость наполнила меня, как водород наполняет взмывающий дирижабль. Грудь моя расправилась, плечи раздались, голова откинулась назад аристократически, как у графа пред королем, и руки мои налились силой нечеловеческой, вселенской силой: двумя пальцами сломаю сейчас шею Рогатой Погани.

И я перекрестил его размашистым крестом. Он ухмыльнулся и показал мне средний палец. И мы оба заржали, как сообщники.

Мне стало его жалко. Сидит вот, таскается по всяким дря-

ням, мудакам мозги пудрит. С кем поведешься – от того и наберешься, то-то и рожа тощая, и голос усталый, и пахнет козлом, шерсть поди отродясь немытая, так и живет. И ведь никто не любит, никто не пожалеет, только благ от него хотят. Зло – оно же как кислота все растворяет, к чему прикасается, вот он и несчастен. Оттого и злой. Неприкаянный такой. А что делать? Работу не выбирают. Это судьба.

Стоп. Дьявол умеет на жалость брать. Сунул бы ему в пасть, так ведь откусит.

– Шваль подзаборная, – сказал я, изобразив плевков в его сторону. – Ты забыл, как шел на костер Джордано Бруно? А Савонарола? Как шел на крест Иисус и как шел на крест Спартак? Да может, я для того и на свет появился, чтобы сказать правду вслух, когда все кругом или мудаками стали, или обоссались от страха?

Вот что я тебе скажу, тварь. И всем твоим дружкам скажу. И всем, кто душонки свои жалкие тебе продал. И даже не я скажу. Это давным-давно один хороший парень сказал. Американец был, между прочим! Он сказал:

«Если за все хорошее, что Иисус сделал для людей, они его распяли – то скажи, парень, почему на лучшее должен рассчитывать ты или я?»

Пространство, занимаемое Чертом, раздвоилось: одновременно с его черным силуэтом и на том же месте возникла световая сценка, ну, типа голограммы: я увидел в перспективе огромный крест, и золотой крест в руках монаха на пло-

щади, и костер перед ним: горящая фигурка билась в цепях меж языков пламени и кричала:

– Правду, всю правду, только правду и ничего, кроме правды!

И тогда я подумал, как хорошо, как замечательно я живу!.. На старости лет я делаю только то, что хочу, а чего не хочу – не делаю вообще. А что еды мало, и бьют меня, и светильник тусклый, и жена невесть где – это все детали, это не главное.

Бутылка шампанского взорвалась у меня в голове, искристые брызги ударили изнутри во все стороны организма белопенной звездой, я вскочил и запустил в черта своей чернильницей.

Он исчез. А чернильное пятно на стенке так потом и осталось.

Глава 20. Мертвая рука

Часть 1. Учебное кино

Необозримые просторы Советского Союза: картина из космоса. Зеленые океаны лесов, бурые равнины тундры, голубые жилы великих рек. Картинка укрупняется: россыпи городов, дым заводов, улицы и кварталы, машины стоят на светофорах, люди спешат по своим делам.

Москва, Кремль, красные звезды на старинных башнях, правительственные здания. Инсайдерская съемка: коммунистические правители СССР с беспощадными лицами, увешанные орденами генералы над огромной картой США, черная телефонная трубка, в которую отдает приказ Генеральный Секретарь Коммунистической Партии.

Частая смена кадров: по бетонным коридорам, по лесным полянам бегут цепочки советских солдат на ракетных позициях, операторы садятся за пульта и крутят настройку, антенны радиолокаторов вращаются, к самолетам подвешивают бомбы.

Крупно, из космоса: изогнутые над глобусом линии летящих ракет, они показываются из-за ледяной шапки Северного полюса, из Европы, взлетают из океана, стремясь к русским городам и ракетным позициям, которые спешно гото-

вятся к пускам.

Москва исчезает в огненном шаре! Огромный гриб встает в стратосферу!..

И такие же огненные шары взбухают над остальными городами и ракетными позициями! Вся территория страны уже покрыта дымными ядерными грибами!..

Крупно: где-то в горах, покрытых лесом, люди испуганно прижимаются к земле, глядя в небо. Где-то в затерянном среди сибирской тайги селе жители в ужасе наблюдают апокалипсис на горизонте. Мелькают один за другим военные городки и гарнизоны: выжженные пепелища, обугленные группы солдат в укрытиях...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.